Установа адукацыі
“Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна”

ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАЯ СПАДЧЫНА БЕЛАРУСІ

ВЫВУЧЭННЕ, ЗАХАВАННЕ, ПАПУЛЯРЫЗАЦЫЯ

Электронны зборнік навуковых артыкулаў

Брэст
БрДУ імя А. С. Пушкіна
2026

ISBN 978-985-22-0987-8

© УА “Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна”, 2026

Аб выданні – 1, 2

<u>1 – звесткі аб выданні</u>

УДК [902+39+94+72](476)(082)

Рэцэнзенты:
вядучы навуковы супрацоўнік аддзела археалогіі Сярэдніх вякоў і Новага часу
ДНУ “Інстытут гісторыі НАН Беларусі”
кандыдат гістарычных навук, дацэнт **В. І. Кошман**

дацэнт кафедры гуманітарных навук
УА “Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт”
кандыдат гістарычных навук, дацэнт **С. У. Грыбава**

Гісторыка-культурная спадчына Беларусі: вывучэнне, захаванне, папулярызацыя : электрон. зб. навук. арт. / Брэсц. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна ; уклад.: А. А. Башкоў, В. Ю. Піліповіч. – Брэст : БрДУ, 2026. – URL: https://rep.brsu.by/handle/123456789/.

ISBN 978-985-22-0987-8.

Зборнік уключае навуковыя артыкулы, прысвечаныя розным аспектам даследавання гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі, падыходам да яе захавання, выкарыстання і папулярызацыі. Навуковыя працы закранаюць шырокае кола пытанняў археалогіі, этналогіі, культурнай антрапалогіі, архітэктуры, гісторыі, краязнаўства, гістарычнай памяці, адукацыі і выхавання. Публікуюцца ў аўтарскай рэдакцыі.

Адрасуецца навукоўцам, выкладчыкам, настаўнікам школ, а таксама аспірантам, магістрантам і студэнтам вышэйшых навучальных устаноў, навучэнцам школ, ліцэяў, каледжаў.

Распрацавана ў фармаце pdf.

УДК [902+39+94+72](476)(082)

Тэкставае навуковае электроннае выданне

Сістэмныя патрабаванні: тып браўзера і версія любыя;
хуткасць падключэння да інфармацыйна-тэлекамунікацыйных сетак любая;
дадатковыя надстройкі да браўзера не патрабуюцца.

© УА “Брэсцкі дзяржаўны
ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна”, 2026

<u>У ПАЧАТАК</u>

2 – вытворча-тэхнічныя звесткі

- Выкарыстанае ПЗ: Windows 10, Microsoft Office 2013;
- адказны за выпуск Ж. М. Селюжыцкая, тэхнічны рэдактар К. С. Мізерыя, карэктар К. С. Мізерыя, камп’ютарны набор і вёрстка В. Ю. Піліповіч;
- дата размяшчэння на сайце: 04.05.2026;
- аб’ём выдання: 13,7 МБ;
- вытворца: установа адукацыі “Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна”, 224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28. Тэл.: 8(0162) 21-70-55. E-mail: rio@brsu.by.

У ПАЧАТАК

ЗМЕСТ

АРХЕАЛОГІЯ, АРХІТЭКТУРНАЯ СПАДЧЫНА

Акулова О. А., Кривицкий П. В., Басов С. В., Ткачук И. В., Манн А. С. Технологии и перспективы создания цифрового фонда памятников архитектуры Республики Беларусь 6
Башкоў А. А. Археалагічныя даследаванні Тэрэспальскага моста на тэрыторыі Брэсцкай крэпасці 13
Вабішчэвіч А. М. Архітэктура Заходняй Беларусі (1921–1939): гістарычны агляд 19
Донцова С. А. История археологического изучения г. Каменца (по архивным материалам) 36
Павлова Я. И. Костяные предметы игр и забав XIV–XVIII веков с территории Могилевского Поднепровья 41
Піліповіч В. Ю. Археалагічныя даследаванні на вуліцы Будзённага горада Брэста ў 2014 годзе 48
Шуткова Н. П. Изразцовое производство Российской империи по материалам «Списка фабрикъ и заводовъ» 1912 года 54

ЭТНАЛОГІЯ, КУЛЬТУРНАЯ АНТРАПАЛОГІЯ

Варабей А. М. Рэканструкцыя і прэзентацыя шляхецкага строю XVI–XVII стагоддзяў 67
Коўшар Д. А. Веткаўскія ліштвы як частка культурнай спадчыны стараабрадцаў 76
Омелюсик А. В. Проблема сохранения традиционных промыслов белорусов в контексте борьбы с браконьерством 84
Селях А. А. "На доўгую памяць": паэтычныя інскрыпты ў рукапіснай дзявочай культуры апошняй трэці XX стагоддзя (па матэрыялах з Заходняга Палесся) 96

ГІСТОРЫЯ, ГІСТАРЫЧНАЯ ПАМЯЦЬ

Баран В. А. Успаміны І. Я. Калеснікава як крыніца па гісторыі нацыянальна-вызваленчага руху Заходняй Беларусі 1921–1939 гадоў 101
Воробей А. В., Воробей И. А. Берестейский арсенал в середине XVI века 108
Никитенкова Л. П. К вопросу восточнославянских культурных связей в области просвещения в XVII веке: изучение и сохранение тенденций общеславянского наследия 130

Розмысл Е. В. Мемориализация памяти Великой Отечественной войны в Щучинском районе: советский период (1944–1991) 136

КРАЯЗНАЎСТВА, ВЫХАВАННЕ, АДУКАЦЫЯ

Алейнікаў Я. Д. Паэма Міколы Гусоўскага “Песня пра зубра” як сродак патрыятычнага выхавання 150
Корунец Д. А. Потенциал историко-культурного и природного наследия Брестской области в воспитательных мероприятиях средней школы.. 156
Лавшук Д. Г. Использование архитектурного наследия С. Д. Шабуневского в краеведческой работе 162

АРХЕАЛОГІЯ, АРХІТЭКТУРНАЯ СПАДЧЫНА

УДК 004.94

О. А. Акулова, П. В. Кривицкий,
С. В. Басов, И. В. Ткачук, А. С. Манн
Брест, Брестский государственный технический университет

ТЕХНОЛОГИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ ЦИФРОВОГО ФОНДА ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Сохранение памятников архитектуры Беларуси является важной социальной задачей, решение которой наиболее эффективно с применением современных цифровых информационных технологий, таких как лазерное сканирование, фотограмметрия, информационное моделирование. В статье показано применение такого подхода на примере каплицы-усыпальницы рода Толлочко, расположенной в д. Большая Раковица Брестской области. Полученные результаты могут быть использованы для создания цифрового фонда объектов историко-культурного наследия Беларуси.
Ключевые слова: историко-культурные ценности Республики Беларусь, обследование технического состояния, лазерное сканирование, информационная модель здания, среда общих данных.

The preservation of architectural monuments in Belarus is an important social task, the solution of which is most effective when using modern digital information technologies such as laser scanning, photogrammetry, and building information modeling. The article shows the application of this approach using the example of the the chapel-burial vault of the Tollochko kin located in the village of Bolshaya Rakovitsa in the Brest Region. The results obtained can be used to create a digital fund of historical and cultural heritage sites in Belarus.
Keywords: historical and cultural values of the Republic of Belarus, technical condition survey, laser scanning, building information model, common data environment.

В настоящее время Республика Беларусь активно занимается сохранением и восстановлением архитектурного наследия в целях его популяризации, развития туризма и укрепления престижа на международной арене. Это важная социальная задача, перспективным направлением решения которой является внедрение современных цифровых информационных технологий, получивших широкое распространение во всем мире [1].

Сохранение памятников архитектуры включает историко-археологические исследования, обследование технического состояния объекта, планирование и осуществление ремонта, консервации и реставрации.

Регулярные обследования технического состояния исторических объектов помогают своевременно определить возникающие риски, а также улучшить условия их эксплуатации.

При этом чаще всего для памятников архитектуры отсутствует какая-либо техническая или графическая информация. Кроме того, определение геометрических параметров ветхих зданий вручную с помощью измерительного инструмента и геодезического оборудования может быть затрудненным или даже опасным. В этом случае эффективным является применение лазерного 3D-сканирования и фотограмметрии, позволяющих получить огромный массив данных об объекте в виде облака точек, позволяющий создать его геометрическую модель, а при необходимости и информационную.

«Информационная модель – это объектно ориентированная параметрическая трехмерная модель, которая представляет в цифровом виде физические, функциональные и другие характеристики объекта (или его отдельных частей) в виде системы информационно насыщенных элементов» [2, с. 7].

Следует также отметить, что процесс создания цифровой информационной модели памятника архитектуры – это сложный и длительный процесс, который определяется необходимостью изучения архивных документов, исследования конструктивных особенностей объекта, а также воссоздания сложной геометрии декоративных архитектурных элементов.

Цифровая информационная модель может создаваться с помощью самых разных программных комплексов, а затем с помощью открытого стандарта обмена данными IFC (Industry Foundation Classes) загружаться на специализированные платформы для управления жизненным циклом объекта, представляющие собой среду общих данных (СОД). СОД позволяет специалистам различных областей получить доступ ко всей информации об объекте и, соответственно, принимать наиболее обоснованные и эффективные коллективные решения по управлению объектом.

Такой подход обеспечивает создание площадки для сотрудничества между архитекторами, историками, археологами, инженерами, техническими специалистами, владельцами, властями, а также специалистами туристической отрасли, что способствует популяризации историко-культурного наследия.

Свой вклад в сохранение памятников архитектуры Республики Беларусь вносит и отраслевая лаборатория «Научно-исследовательский центр инноваций в строительстве» научно-исследовательской части Брестского государственного технического университета. Так, лабораторией были выполнены обследования ряда исторических зданий, среди которых здание бывшего банка, расположенного на площади Замковой, д. 1 в г. Кобрине, здания бывшего монастыря бернардинок на территории Брестской крепости, каплицы-усыпальницы рода Толлочко, расположенной в д. Большая Раковица Брестской области. Остановимся отдельно

на последнем объекте, при обследовании которого применялись лазерное 3D-сканирование и технология информационного моделирования зданий и сооружений.

Первые упоминания о Раковице относятся к 1524 г., когда она входила в состав царской собственности, перешедшей позднее к Романовичам, Соколам и с 1565 г. к князьям Шуйским. В 1730 г. Игнаций Шуйский продал Раковицу вместе с прилегающими деревнями Станиславу Толлочко из Жмуди, герба Побуга. С тех пор и вплоть до 1939 г. усадьба принадлежала роду Толлочко.

Последним государственным деятелем деревни был Теодор Толлочко (1876–1946), который и построил в 1908–1910 гг. неоготическую каплицу-усыпальницу на родовом кладбище в честь святого Казимира.

Вокруг каплицы похоронены члены семьи, в том числе Станислав Толлочко (1868–1935), кавалер ордена Polonia Restituta, доктор философских наук, профессор Львовского университета.

Каплица пережила две мировые войны, после 1939 г. была закрыта и заброшена. В 1960-х гг. была предпринята попытка разрушения, в результате чего была частично повреждена башня со шпилем. С 1990-х гг. каплица периодически обновляется и ремонтируется [3; 4].

В 2019 г. каплица-усыпальница рода Толлочко была внесена в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь (gosspisok.gov.by) и имеет категорию «3» (ценности районного значения).

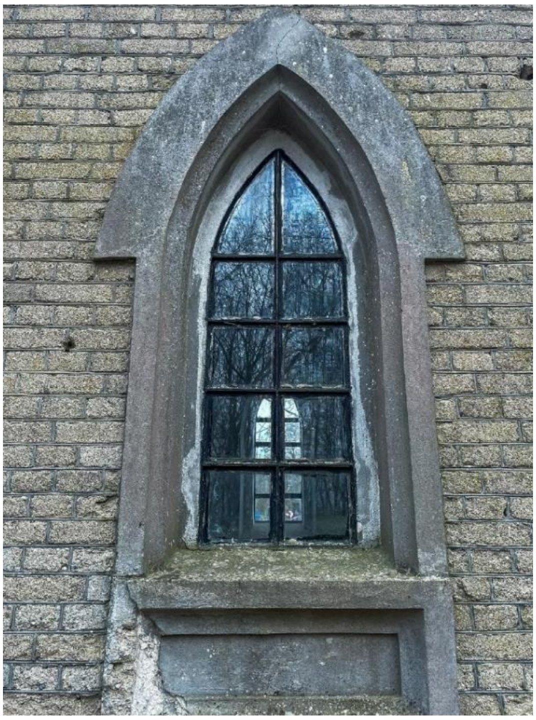
Каплица представляет собой компактное каменное сооружение. Ее объемно-пространственное решение типично для памятников католической сакральной архитектуры первого десятилетия XX в.

Основной объем прямоугольный в плане с двускатной кровлей. Стены не оштукатурены, выполнены из серого цементно-песчаного кирпича, изготовленного безобжиговым способом. Такой кирпич имеет значительно большую всасывающую способность по сравнению с керамическим кирпичом, что приводит к его поверхностному разрушению под воздействием атмосферных осадков [5].

В стенах прорезаны оконные проемы в форме полуциркульных стрельчатых арок. Окна обрамляют гладкие оштукатуренные, расширяющиеся кверху пояса, а также рельефные панели в нижней части (рисунок 1, *а*).

Боковые и задний фасады каплицы имеют смещенные контрфорсы сложной геометрической формы (рисунок 1, *б*). Вход в каплицу оформлен в виде полуциркульного стрельчатого портала, обрамленного гладким оштукатуренным декором в виде ступеней с крестом и украшенного по бокам двумя пилястрами в виде башен (рисунок 1, *в*). Над входом расположена квадратная в плане башня, верхняя часть которой не сохранилась (рисунок 1, *в*). На заднем фасаде окно апсиды заложено силикатным кирпичом (рисунок 1, *г*).

а)



б)

в)

г)

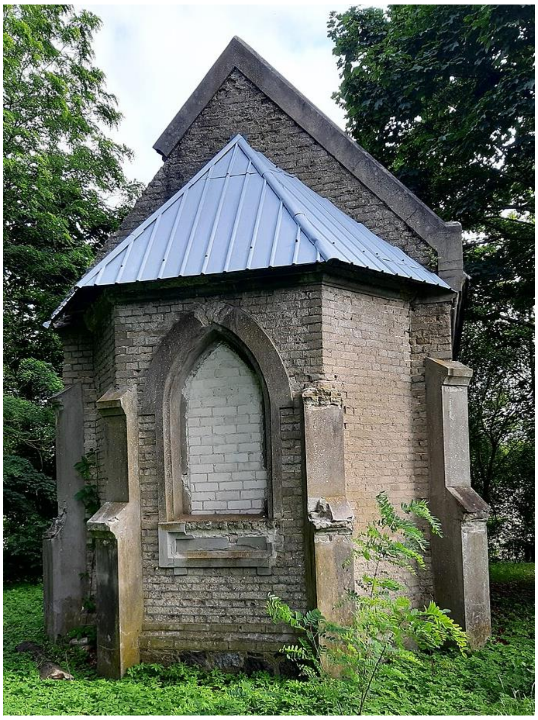


Рисунок 1 – Декоративные архитектурные элементы
каплицы-усыпальницы рода Толлочко (Чаховіч Уладзіслаў, wikimedia.org):
а) оформление оконного проема; б) угловой контрфорс; в) вход в каплицу
с разрушенной башней; г) торцевой фасад с проемом, заложенным кирпичом

Таким образом, несмотря на небольшие размеры, каплица имеет большое число декоративных архитектурных элементов, многие из которых имеют значительные прогрессирующие разрушения.

С помощью лазерного сканера Leica BLK360 было выполнено сканирование объекта с 18 станций с погрешностью 6 мм [6]. Получено облако точек, которое в дальнейшем использовалось для создания цифровой информационной модели каплицы, в которой с помощью архивных фотографий (рисунок 2) была восстановлена геометрия разрушенных архитектурных элементов (рисунок 3).

Такая модель может содержать не только геометрические данные объекта, но и любую требуемую негеометрическую информацию, например о материалах, их экологических, структурных и механических характеристиках, сведения о культурной, исторической и архитектурной ценности, результаты обследования, архивные документы в оцифрованном виде и мн. др.

Цифровая информационная модель может стать единым источником информации об объекте, позволяющим эффективно управлять им на протяжении всего жизненного цикла, на этапах ремонта, консервации, реставрации.

а) б)

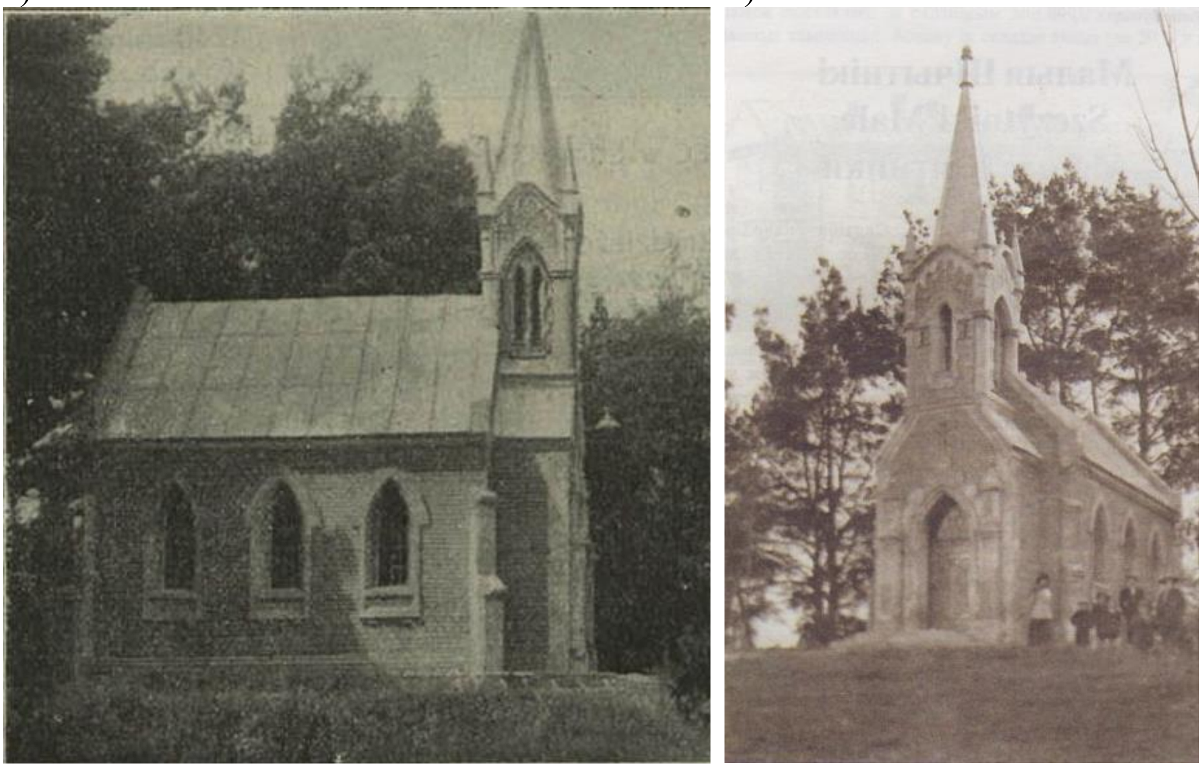


Рисунок 2 – Архивные снимки каплицы-усыпальницы рода Толлочко:
а) [7, с. 77]; б) [8, с. 52]

Рисунок 3 – Цифровая информационная модель
каплицы-усыпальницы рода Толлочко

Следующим шагом может стать создание цифрового фонда объектов архитектурного наследия с целью эффективного управления им и сохранения для будущих поколений, что является одним из основополагающих условий устойчивого развития и национальной безопасности Республики Беларусь.

Источники и литература

1. Брайан, Пол. BIM для культурного наследия: Разработка информационной модели исторического здания / Пол Брайан, София Антонополу. – [б. м.] : Изд. решения, 2019. – 106 с.

2. Моделирование информационное в строительстве. Основные положения по разработке стандартов информационного моделирования зданий и сооружений : ГОСТ Р 57563-2017/ ISO/TS 12911:2012 : введ. 28.07.2017. – М. : Стандартинформ, 2017. – 27 с.

3. Пашпарт гісторыка-культурнай каштоўнасці роду Талочкаў у в. Вялікая Ракавіца Брэсцкага раёна. – Брэстрэстаўрацыяпраект, 2019.

4. Гладыщук, А. А. Каплица Толлочков в Раковице – памятник неоготики / А. А. Гладыщук, С. В. Басов // Реставрация историко-культурных объектов в Брестской области как сохранение культурного наследия Республики Беларусь : сб. ст. науч.-техн. семинара, Брест, 25 сент. 2019 г. /

М-во образования Респ. Беларусь, Брест. гос. техн. ун-т ; редкол.: Э. А. Тур [и др.]. – Брест : БрГТУ, 2019. – С. 8–11.

5. Анализ технического состояния строительных конструкций бывшего монастыря бернардинок на территории Брестской крепости / А. Б. Шурин, В. Л. Шевчук, В. Н. Деркач, В. М. Терлецкий // Вестник Брестского государственного технического университета. – 2023. – № 1. – С. 71–75.

6. Лазерное сканирование каплицы-усыпальницы рода Толлочко, расположенной в деревне Большая Раковица Брестской области / О. А. Акулова, П. В. Кривицкий, И. В. Ткачук [и др.] // Реставрация историко-культурных объектов как сохранение наследия Республики Беларусь : сб. ст. науч.-техн. семинара (с междунар. участием), Брест, 23 сент. 2024 г. / Брест. гос. техн. ун-т ; редкол.: Э. А. Тур и [др.]. – Брест : БрГТУ, 2024. – С. 9–12.

7. Polesie Ilustrowane: monografja / red. O. Nelard. – Brześć : Drukarnia Orka Brygada, 1923. – 133 s.

8. Несцярчук, Л. М. Замкі, палацы, паркі Берасцейшчыны X–XX стагоддзяў (гісторыя, стан, перспектывы) / Л. М. Несцярчук. – Мн. : БелТА, 2002. – 336 с.

Да зместу

УДК 902(476.7)

А. А. Башкоў
Брэст, Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна

АРХЕАЛАГІЧНЫЯ ДАСЛЕДАВАННІ ТЭРЭСПАЛЬСКАГА МОСТА НА ТЭРЫТОРЫІ БРЭСЦКАЙ КРЭПАСЦІ*

Артыкул прысвечаны асноўным вынікам археалагічных даследаванняў канструкцый Тэрэспальскага моста на тэрыторыі Брэсцкай крэпасці. Раскопкі былі праведзены ў 2013 г. у межах падрыхтоўкі праектнай дакументацыі па рэканструкцыі і ўзнаўленні гэтага ўнікальнага збудавання другой паловы XIX ст. У рабоце даецца характарыстыка стану захаванасці, аб'ектыўныя памеры і асаблівасці канструктыўных элементаў моста, аналіз прылеглых культурных напластаванняў і знойдзеных артэфактаў.
Ключавыя словы: археалогія, рэстаўрацыя, мост, культурны пласт, артэфакт.

The article is devoted to the main results of archaeological research of the structures of the Terespol Bridge on the territory of the Brest Fortress. Excavations were carried out in 2013 as part of the preparation of design documentation for the reconstruction and restoration of this unique structure of the second half of the 19th century. The work provides: a description of the state of preservation, objective dimensions and features of the structural elements of the bridge, analysis of adjacent cultural layers and found artifacts.
Keywords: archeology, restoration, bridge, cultural layer, artifact.

Мост у сістэме гарадской планіроўкі заўсёды адыгрываў вялікую ролю і выконваў шэраг важных функцый. Мост звязвае розныя часткі горада, дазваляючы людзям і транспарту пераадольваць ландшафтныя перашкоды, спрыяе развіццю інфраструктуры і эканамічным сувязям, а таксама з'яўляецца архітэктурна-эстэтычным элементам гарадской забудовы.

На тэрыторыі старога горада Бярэсця (сёння тэрыторыя Брэсцкай крэпасці) размяшчалася шэраг мастоў, якія забяспечвалі камунікацыю цэнтральнага горада, што размяшчаўся на выспе паміж рукавамі Мухаўца і Заходняга Буга, з Тэрэспальскім, Кобрынскім і Валынскім прадмесцямі.

Тэрэспальскі мост адыгрываў асобую ролю, бо выконваў яскрава выражаную прэзентатыўную функцыю, абумоўленую яго лакацыяй. Праз мост ажыццяўляўся ўезд у горад з боку Польшчы, што паўплывала на яго архітэктурнае рашэнне пры будаўніцтве Брэсцкай крэпасці. Пра яго знешні выгляд мы маем уяўленні дзякуючы архіўным дакументам (праектныя дакументы) і фотаздымкам пачатку XX ст.

* Праца падрыхтавана ў межах выканання НДП БРФФД “Спасательная археология в г. Бресте как элемент реализации государственной политики по охране историко-культурного наследия” на 2025–2027 гг.

Ён уяўляў сабой падвесную літую каркасную канструкцыю з драўляным насцілам. Над рэчышчам Заходняга Буга ўсю канструкцыю моста трымалі металічныя тросы. На заходнім беразе рэчкі тросы мацаваліся праз тры вертыкальныя пілоны ў анкеры, размешчаныя ў падземных калодзежах. На ўсходнім беразе – праз тры пілоны за канструкцыю ўязной Тэрэспальскай брамы.

Тэрэспальскі мост быў моцна пашкоджаны ў часы Першай сусветнай вайны пры адступленні рускай арміі. Існуюць фотаздымкі, на якіх відаць, як нямецкія жаўнеры праводзяць рамонтныя працы на мосце.

У міжваенны перыяд польскімі ўладамі была праведзена рэканструкцыя моста. Яго насціл быў перароблены, значна падняты над рэчышчам і пастаўлены на бетонныя канструкцыі, якія размяшчаліся па берагах. Гэта было абумоўлена неабходнасцю бесперашкоднага суднаходства па Заходнім Бугу.

Падчас штурмаў Брэсцкай крэпасці нямецкімі войскамі ў 1939 і 1941 гг. мост ацалеў. Ён быў разабраны канчаткова толькі напрыканцы Другой сусветнай вайны.

У пачатку 2000-х гг. у калідорах Брэсцкай абласной адміністрацыі нарадзілася і стала лабіравацца ідэя аб узнаўленні падвеснага Тэрэспальскага моста ў першародным выглядзе. Меркавалася, што ў выніку інтэграцыі Беларусі ў еўрапейскую супольнасць неабходна ствараць новыя камунікацыйныя шляхі. Тэрэспальскі мост павінен быў стаць пешаходным пагранічным пераходам паміж Рэспублікай Беларусь і Рэспублікай Польшча. Гэта дазволіла б значна пашырыць турыстычную плынь з Еўропы ў Брэст, павялічыўшы, такім чынам, прыток інвестыцый і фінансаў, а таксама папулярызаваць гісторыка-культурную спадчыну Брэсцкага рэгіёна і падняць міжнародны аўтарытэт Беларусі.

Праектная арганізацыя “Арміг” на чале з М. М. Гайдуковічам на падставе архіўных і фотадакументаў узялася за распрацоўку праекта па ўзнаўленні Тэрэспальскага моста. Неад’емнай часткай передпраектнай працы з’яўляліся археалагічныя даследаванні захаваных канструкцый моста і прылеглай да яго тэрыторыі.

У жніўні 2013 г. былі праведзены археалагічныя даследаванні ў зоне будучага будаўніцтва [1]. Асноўнай мэтай археалагічных даследаванняў было вывучэнне культурных пластоў на прылеглай да моста тэрыторыі, а таксама фіксацыя канструктыўных асаблівасцяў рэшткаў самога моста сярэдзіны XIX ст. У раскопках бралі ўдзел студэнты першага курса гістарычнага факультэта Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна.

На першым этапе кіраўніком экспедыцыі быў праведзены збор і вывучэнне даступных дакументальна-архіўных бібліяграфічных

і іканаграфічных матэрыялаў, фотаматэрыялаў, падрыхтавана кароткая гістарычная даведка. Афармлена адпаведная дагаворная дакументацыя. Атрыманы дазвол ад Інстытута гісторыі НАН Беларусі на правядзенне археалагічных даследаванняў. Падрыхтавана адпаведнае абсталяванне і арганізавана працоўная сіла.

Па ўзгадненні з генеральным праекціроўшчыкам і заказчыкам былі акрэслены канкрэтныя задачы, неабходныя для праектавання, – выявіць, даследаваць і зафіксаваць канструктыўныя элементы Тэрэспальскага моста (з боку Тэрэспальскай брамы – тры асновы пад пілоны; з боку Тэрэспальскага ўмацавання – апорную арку і месца мацавання аднаго з анкераў моста).

Актуальная сітуацыя на месцы раскопак выглядала наступным чынам. З боку Тэрэспальскай брамы канструктыўныя элементы моста не захаваліся. Толькі каменная аснова паўднёвага пілона і чыгунны элемент мацавання на паўночным пілоне праглядаліся над дзённай паверхняй.

На Тэрэспальскім умацаванні над арыгінальнай каменна-цаглянай асновай моста ў 20–30-я гг. XX ст. быў узведзены земляны насып для канструктыўнага рашэння па павышэнні ўзроўню моста над рэчышчам Заходняга Буга. У выніку ўсе арыгінальныя канструкцыі пілонаў і адпаведных мацаванняў нацяжных тросаў былі пахаваныя пад насыпным грунтам.

Улічвалася гістарычная тапаграфія старога горада да перыяду будаўніцтва Брэсцкай крэпасці. Для больш дакладнай прывязкі намі быў сумешчаны план горада Брэста 1823 г. з сучаснымі спадарожнікавымі здымкамі. Сумешчаныя планы паказалі, што ў пачатку XIX ст. паблізу месца плануемых раскопак знаходзіліся збудаванні, якія, напэўна, былі ўзведзены яшчэ ў XVIII ст. Гэта дало падставу меркаваць пра наяўнасць каля даследуемага моста культурных пластоў.

Шурфы з боку Тэрэспальскага моста і раскопы на Тэрэспальскім умацаванні былі прывязаны да распрацаванага праекта. На правым беразе Заходняга Буга, насупраць Тэрэспальскай брамы, было закладзена два шурфы агульнай плошчай 33 м^2 і глыбінёй да 0,60 м. У выніку былі выяўлены і даследаваны тры падмуркі для пілонаў. Яны ўяўлялі сабой каменную прастакутную базу памерам 2 × 2 м на цаглянай аснове, якая залягала на глыбіні 50 см ад дзённай паверхні. На правым (ад Тэрэспальскай брамы) падмурку пілона захаваўся чыгунны элемент для фіксацыі літой апоры пад нацяжныя тросы моста.

У ходзе раскопак было ўстаноўлена, што падчас будаўнічых прац XIX ст. і баявых дзеянняў Другой сусветнай вайны быў пашкоджаны культурны пласт старажытнага горада. Гэта прывяло да перамешвання стратыграфічных пластоў і траплянне артэфактаў больш ранняга часу ў верхнія пласты. У шурфах была сабрана невялікая калекцыя керамічнага і шклянога посуду, датаваная XVIII–XIX стст.

На левым беразе Заходняга Буга, на Тэрэспальскім умацаванні, уздоўж мяркуемага паўднёвага краю моста, быў закладзены раскоп плошчай 28 м^2. Глыбіня раскопу на некаторых участках дасягала 5 м. На верхняй насыпной пляцоўцы моста, на меркаваным месцы анкера, быў закладзены раскоп плошчай 27 м^2. Глыбіня ў заходняй яго частцы складала 2,45 м.

У раскопе 1 на Тэрэспальскім умацаванні, на глыбіні 1 м ад дзённай паверхні, былі зафіксаваныя каменна-цагляныя канструкцыі арыгінальнага моста сярэдзіны XIX ст. Ніжэйшы ўзровень іх залягання дасягаў 5 м ад дзённай паверхні. Была ўскрыта апорная цагляная арка моста, што дазволіла вызначаць аб’ектыўныя памеры дадзенага канструктыўнага элемента. Вышыня праёма аркі складала 3,2 м; таўшчыня фасаднага мура – 0,8 м; даўжыня аркі – 10,8 м; даўжыня праёма аркі – 9,2 м. Устаноўлена, што арка глыбінёй у 1,8 м не з’яўляецца маналітнай канструкцыяй. Яна служыла для ўмацавання бакавых сцен моста. Адначасова гэта прыклад эканоміі будаўнічага матэрыялу. Верагодна, аналагічныя дзве аркі знаходзіліся паралельна ў цэнтры моста і на яго правым (ад Тэрэспальскай брамы) баку. Аснова (пята) аркі ўяўляе сабой маналіт, складзены з некалькіх валуноў, звязаных вапнавым росчынам. Кладка мура – шэрагі “лажкоў” чаргуюцца з шэрагамі “тычкоў”. Ад аркі да краю моста (у бок ракі) зафіксавана апорная сцяна, складзеная з валуноў (дыяметр некаторых дасягаў 70 см) і цаглянага мура. Валуны былі звязаныя паміж сабой вапнавым росчынам і цагляным бутам. Край канструкцыі моста, з боку ракі, абкладзены каменнымі плітамі.

На глыбіні 1,8 м ад дзённай паверхні, у паўночнай частцы раскопу, прасочаны пласт буйна бітай цэглы ўперамешку з вапнавым росчынам і слядамі спаленага дрэва. Відавочна, гэта сляды разбураных будынкаў, якія існавалі паблізу даследуемага аб’екта ў XVIII ст. Магутнасць пласта дасягала 40 см. У гэтым стратыграфічным пласце і ніжніх пластах была сабрана значная калекцыя артэфактаў, датаваных XVII–XVIII стст.

Адзначым, што на глыбіні каля 3 м ад дзённай паверхні і пад апорнай аркай зафіксаваныя стратыграфічныя пласты, сфарміраваныя намываннем пяску і глею. У гэтых намытых ракой пластах таксама выяўлена вялікая колькасць артэфактаў XVII–XVIII стст.

Акрамя таго, насупраць ускрытага фасада аркі зафіксаваны ўкапаныя ў мацярык восем драўляных слупоў дыяметрам да 25 см. Верагодна, гэта рэшткі драўлянага моста, які папярэднічаў падвеснаму мосту сярэдзіны XIX ст.

У шурфе 3, на верхняй пляцоўцы маставога насыпу, былі прасочаны асаблівасці змен дарожнага пакрыцця пад’язной часткі. У паўночнай частцы шурфа на глыбіні 1 м зафіксавана ўтрамбаванае дробным

каменнем пакрыццё. Яно датуецца часам перабудовы Тэрэспальскага моста ў 1920–1930-я гг. Пад ім прасочана праслойка магутнасцю 1 м з буйна бітай чырвонай цэглы (для павышэння ўзроўню канструкцыі моста). Ніжэй, на глыбіні 2,4 м, зафіксавана яшчэ адно ўтрамбаванае дробным каменнем дарожнае пакрыццё. Яно, верагодна, было зроблена падчас рэканструкцыі моста нямецкімі войскамі ў перыяд Першай сусветнай вайны. Ніжэй за дадзенае пакрыццё, на глыбіні 2,6 м, зафіксавана першапачатковае дарожнае пакрыццё часоў стварэння і функцыянавання моста ў другой палове XIX – пачатку XX ст.

У паўднёвай частцы шурфа 3 знойдзены канструктыўны элемент (анкер) для фіксацыі нацяжных тросаў Тэрэспальскага моста. Ён уяўляў сабой прастакутны чыгунны люк памерам 80 × 60 см, які зачыняе цагляна-каменны калодзеж глыбінёй у 2,6 м (часткова засыпаны пяском), куды працягваўся трос.

У ходзе даследавання культурных напластаванняў каля Тэрэспальскага моста сабрана значная археалагічная калекцыя, датаваная XVII – першай паловай XX ст. Вылучаецца нумізматычная калекцыя (11 экз.), у якой прадстаўлены медныя і білонавыя манеты рознай вартасці і геаграфічнага паходжання (Рэч Паспалітая, Расійская Імперыя, Царства Польскае).

Сярод індывідуальных знаходак можна адзначыць керамічныя люлькі для палення XVII–XVIII стст. Керамічны матэрыял прадстаўлены фрагментамі чырванагліняннага, задымленага, чорналошчанага сталовага і кухоннага посуду. Будаўнічая кераміка прадстаўлена фрагментамі тэракотавай і паліванай кафлі, сярод якіх вылучаецца багата аздобленая паліхромная кафля XVII ст. з сіняй і жоўтай палівай. Шкляны посуд XVII–XVIII стст. прадстаўлены фрагментамі чарак, шклянак, куфляў з імпартнага і мясцовага шкла.

У заключэнне адзначым, што ўсе пастаўленыя заказчыкам і праекціроўшчыкамі задачы археолагамі былі выкананы. Выяўлены, вывучаны і ўдакладнены канструктыўныя элементы Тэрэспальскага моста. Зафіксаваныя тры розначасовыя дарожныя пакрыцці, якія вялі да моста. Вывучаны культурныя напластаванні каля вывучаемага аб’екта. Сабрана значная калекцыя археалагічнага матэрыялу XVII – першай паловы XX ст. Вынікі археалагічных даследаванняў 2013 г. былі апублікаваныя ў матэрыялах канферэнцый і навуковых зборніках [2; 3]. Аднак адзначым, што для поўнага вывучэння рэштак Тэрэспальскага моста неабходны больш маштабныя археалагічныя даследаванні на дадзенай тэрыторыі і абавязковы археалагічны нагляд за будучымі землянымі працамі ў ходзе аднаўлення гэтага ўнікальнага збудавання.

Крыніцы і літаратура

1. Башков, А. А. Отчет об археологических исследованиях на объекте «Реставрация с реконструкцией Тереспольского моста с набережной и Тереспольскими воротами» в 2013 г. // ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. Арх. № 3098.

2. Башков, А. А. Результаты археологического исследования Тереспольского моста в 2013 г. / А. А. Башков // Историческое наследие Брестской крепости в исследованиях и экспозициях мемориала / М-во культуры Респ. Беларусь, мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой» ; редкол.: Г. Г. Бысюк [и др.]. – Брест : Альтернатива, 2013. – С. 78–82.

3. Башков, А. А. Археологические исследования в районе Тереспольского моста и Тереспольских ворот Брестской крепости в рамках проектных и реставрационных работ 2011 и 2013 годов / А. А. Башков // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мн., 2016. – Вып. 27. – С. 234–246.

Да зместу

УДК 94(476)

А. М. Вабішчэвіч
Брэст, Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна

АРХІТЭКТУРА ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ (1921–1939 ГГ.): ГІСТАРЫЧНЫ АГЛЯД

У артыкуле зроблены агляд стану і развіцця архітэктуры ў Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. Сістэматызаваны звесткі пра відавую і стылістычную разнастайнасць архітэктуры, яе ідэалагічную накіраванасць у межах паланізацыі заходнебеларускіх зямель, пра аднаўленне і развіццё гарадоў, храмавае будаўніцтва, дзейнасць архітэктараў, спробы кансервацыі і рэстаўрацыі помнікаў архітэктуры. Таксама вызначаны перспектыўныя напрамкі для далейшых навуковых даследаванняў гэтай праблематыкі.

Ключавыя словы: Заходняя Беларусь (1921–1939 гг.), Польшча, архітэктура, храмавае будаўніцтва, грамадзянская архітэктура, кансервацыя і рэстаўрацыя помнікаў архітэктуры, паланізацыя.

In the article, the author provides a overview of the state and development of architecture in Western Belarus in 1921–1939. Systematized information about the species and stylistic diversity of architecture, its ideological orientation within the framework of the Polonization of Western Belarusian lands, about the restoration and development of cities, church construction, the activities of architects, and attempts at conservation and restoration of architectural monuments. Promising directions for further scientific research on this issue are also identified.

Key words: Western Belarus in 1921–1939, Poland, architecture, church construction, civil architecture, conservation and restoration of architectural monuments, Polonization.

У айчыннай гуманітарнай навуцы мінулае архітэктуры заходняй часткі Беларусі, якая пасля савецка-польскай вайны 1919–1920 гг. да верасня 1939 г. апынулася ў Польскай дзяржаве, не было прадметам вывучэння да 1990-х гг. Напрыклад, у энцыклапедычным даведніку “Архітэктура Беларусі” (Мн., 1993) [1] у аглядным артыкуле нічога наогул не было сказана пра дойлідства Заходняй Беларусі. Толькі ў пачатку XXI ст. гісторыкамі, мастацтвазнаўцамі пачаўся працэс навуковага асэнсавання заходнебеларускай архітэктурнай спадчыны. Намі была толькі абазначана гэтая праблематыка ў пятым томе 6-томнай гісторыі Беларусі [2, с. 432] і манаграфіі [3, с. 140]. Гродзенскі даследчык А. М. Загідулін заняўся гістарыяграфіяй пытання, вызначэннем асноўных кірункаў развіцця архітэктуры і будаўніцтва, рэстаўрацыі і кансервацыі помнікаў архітэктуры ў Заходняй Беларусі [4–7]. Пытанні аховы гісторыка-культурнай спадчыны на заходнебеларускіх землях у 1921–1939 гг. закраналіся Л. М. Несцерчуком [8, с. 85–93] і асабліва Д. В. Марозавым у яго кандыдацкай дысертацыі [9] і публікацыях [10; 11]. У кандыдацкай дысертацыі Я. В. Марозава [12],

даследаваннях А. І. Лакоткі, А. С. Шамрук [13] праведзены мастацтвазнаўчы аналіз развіцця пераважна грамадзянскай архітэктуры Заходняй Беларусі (яе кампазіцыйныя і стылістычныя асаблівасці) паралельна з архітэктурай БССР 1920–1930-х гг. Сёння патрабуецца больш глыбокае вывучэнне горадабудаўнічых, тыпалагічных, канструктыўных асаблівасцей жылой і іншай забудовы [14, с. 5]. Культавым дойлідствам заходнебеларускага краю займаецца С. В. Харэўскі [15–17]. У энцыклапедычных даведніках А. М. Кулагіна [18; 19] змешчана каштоўная інфармацыя пра хрысціянскія храмы, якая патрабуе верыфікацыі. У разнастайных краязнаўчых даследаваннях таксама ўтрымліваюцца звесткі па гісторыі архітэктуры асобных гарадоў, мястэчак, вёсак.

У апошнія дзесяцігоддзі актывізавалася вывучэнне архітэктуры міжваеннай Польшчы ў замежнай (найперш польскай) навуцы. Сярод шэрага сучасных польскіх даследчыкаў, якія вывучаюць заходнебеларускае дойлідства, найперш варта адзначыць М. Пшчулкоўскага [20; 21].

Мэтай дадзенага артыкула з’яўляецца сістэматызацыя ведаў пра архітэктуру Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. (яе відавую і стылістычную спецыфіку, тэарэтычна-ідэалагічную аснову, аднаўленне і развіццё гарадской архітэктуры, храмавае будаўніцтва, дзейнасць архітэктараў, спробы кансервацыі і рэстаўрацыі помнікаў архітэктуры і інш.).

Слабы ўзровень індустрыяльнага развіцця Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы ў 1921–1939 гг. стрымліваў рост горадабудаўніцтва, але знешняе аблічча яе гарадоў і мястэчак змянялася. Аграрна-сыравінны характар эканомікі заходнебеларускага рэгіёна спрыяў росту дробных сельскіх паселішчаў, хутароў. Адбывалася павольнае аднаўленне разбуранага і спаленага падчас Першай сусветнай і савецка-польскай войнаў. З-за недахопу дзяржаўнага фінансавання і скупасці мясцовых бюджэтаў аднаўленне адбывалася пераважна за кошт прыватнаўласніцкіх сродкаў. Аднак слабы ўзровень развіцця прадпрымальніцтва не спрыяў прамысловаму будаўніцтву. Архітэктары атрымлівалі пераважна дзяржаўныя заказы.

Яшчэ з ХІХ ст. у еўрапейскіх краінах у архітэктуры вяліся пошукі ўласных, агульнанацыянальных стыляў. З 1860-х гг. пачаліся тэарэтычныя дыскусіі і практычныя захады аб стварэнні польскага “нацыянальнага” стылю (styl narodowy). У яго гісторыі вылучаюць два перыяды: 1880-я гг. – 1905 г. і 1908–1928 гг. [22, s. 155–156]. Адной з разнавіднасцей польскага “нацыянальнага” стылю стаў “сядзібны” (“дваровы”) стыль (styl dwórkowy), у якім перапляліся неарэнесанс, неабарока і неакласіцызм. Узорам для яго з’яўляўся польскі шляхецкі маёнтак. Характэрнымі рысамі пабудоў “сядзібнага” (“дваровага”) стылю былі высокі, 4-схільны, ламаны дах, раскінутасць будынка, уваходны рызаліт ці порцік з трохвугольным франтонам, які абапіраўся на дзве ці чатыры калоны ў стылі класіцызму,

алькеж (кутняя, адасобленая частка будынка, выступ сцяны). Гэты стыль фарміраваў эстэтыку гарадскіх жылых пабудоў, пераважна калоній (комплексаў адміністрацыйных будынкаў, жылых дамоў для чыноўнікаў і вайскоўцаў), аб’ектаў грамадскага карыстання (службовых пабудоў, школ, чыгуначных вакзалаў) [23, s. 36–37]. Узвядзенне будынкаў у гэтым стылі асабліва адбывалася пры аднаўленні разбураных падчас вайны гарадоў і мястэчак, у тым ліку ў Заходняй Беларусі, дзе на велічныя архітэктурныя формы ўскладвалася ідэалагічная функцыя: яны павінны былі дэманстраваць моц і магутнасць Польскай дзяржавы. З канца 1920-х гг. “сядзібны” (“дваровы”) стыль страціў сваё значэнне і ўступіў месца мадэрнізму.

З 1924 г. была разгорнута дзяржаўная праграма па будаўніцтве згаданых калоній ва ўсходніх ваяводствах Польшчы, г. зн. і ў Заходняй Беларусі. Прадугледжвалася пабудаваць такія будынкі ў 44 населеных пунктах Навагрудскага, Палескага, Валынскага ваяводстваў і Віленшчыны. Іх праектаваннем і ўзвядзеннем займаліся варшаўскія і мясцовыя архітэктары, інжынеры. Агульнае кіраўніцтва было ўскладзена на асобнае прадстаўніцтва польскага Міністэрства грамадскіх работ у Брэсце [24, s. 3–12]. Калоніі для чыноўнікаў былі пабудаваны па тыпавых праектах у Брэсце, Навагрудку, Браславе і іншых гарадах. Таксама па праекце архітэктара Т. Навакоўскага было разгорнута ўзвядзенне казармаў, жылых будынкаў для Корпуса аховы памежжа – у Клецку, Давыд-Гарадку, Маладзечне і іншых населеных пунктах.

Аднаўленне і далейшая забудова Брэста, Пінска, Гродна і іншых гарадоў і мястэчак Заходняй Беларусі абапіраліся на горадабудаўнічыя традыцыі, вызначаныя генеральнымі планамі канца XVIII – пачатку XX ст. [13, с. 766]. Разам з традыцыяналісцкімі, неакласічнымі напрамкамі, эклектыкай у заходнебеларускім дойлідстве распаўсюджваліся авангардныя тэндэнцыі, шырока выкарыстоўваліся элементы мадэрну.

Падчас Першай сусветнай вайны ў Брэсце было знішчана 2500 дамоў з 3670, 1500 хат з 1700. Як паведамляў Брэсцкі магістрат у МУС Польшчы ў сакавіку 1925 г., горад “з вялікай цяжкасцю і вельмі павольна выбіраецца з галечы, выкліканай вайной” [25, с. 81]. Да канца 1927 г. было адноўлена толькі 730 дамоў. У горадзе вострым быў недахоп жылля, рабочым даводзілася жыць у антысанітарных умовах, некаторыя працягвалі жыць у падвалах разбураных дамоў, для бяздомных былі ўзведзены часовыя баракі ў прадмесці Граеўка. У 1920-я гг. у прадмесці Кіеўка за сродкі Амерыканскага яўрэйскага камітэта “Джойнт” для незаможных яўрэйскіх сем’яў была пабудавана калонія імя Ф. Варбурга (12 драўляных двухпавярховых дамоў). Дзякуючы мабілізацыі намаганняў мясцовага самакіравання і людзей, горад паступова аднаўляўся. Усяго ў 1919–1939 гг. у Брэсце было пабудавана 3139 будынкаў, з якіх 74 % былі драўлянымі [25, с. 55].

У архітэктуры Брэста 1920–1930-х гг. перапляліся ўсе характэрныя з’явы – ад акадэмічнага класіцызму праз мадэрнізаваны класіцызм і нацыянальныя стылі ў розных варыяцыях да экстрэмальнага мадэрнізму [26, с. 7]. Міжваенны генплан Брэста прадугледжваў лагічна звязанае завяршэнне планіровачнай структуры эспланады (тэрыторыі паміж горадам і крэпасцю), абдуманыя неакласічныя планіровачныя вырашэнні прадмесцяў Граеўка, Паўночны гарадок, а потым – усяго паўночнага (Рэчыца, Дуброўка, Граеўка, Бярозаўка) і ўсходняга (Трышын, Гузні) напрамкаў. Перспектывы вуліц замыкалі рэгулярныя плошчы, на восях былі размешчаны культавыя аб’екты, адміністрацыйныя будынкі. Гарадскія раёны былі злучаны паміж сабой дастатковай сеткай вуліц [27, с. 86]. У заходняй частцы (“Новай дзельніцы”) Брэста былі ўзведзены калоніі – калонія імя Г. Нарутовіча, Афіцэрская, “Тартак”, “Схроніско”, забудаваныя каменнымі і жылымі дамамі. Архітэктар Юльян Лісецкі пры распрацоўцы праектаў прытрымліваўся канцэпцыі горада-сада, выкарыстоўваў “нацыянальны” стыль – з высокімі дахамі ці атыкамі, каланадамі і пілястрамі, парталамі і арыгінальным аздабленнем вокнаў, асабліва каменных пабудоў сядзібнага тыпу [20; 28, с. 261, 289; 29; 30]. Сярод яго праектаў былі асабнякі (цяпер у іх размяшчаюцца музей “Выратаваныя мастацкія каштоўнасці”, Музей гісторыі горада), казіно і іншыя пабудовы ў Брэсце. Ім былі спраектаваны калоніі ў Маларыце, Дамачаве, Камянцы.

У жылой архітэктуры Заходняй Беларусі ў 1920-я гг. працягвалі развівацца традыцыяналісцкія напрамкі з выкарыстаннем элементаў готыкі, барока, класіцызму, эклектыкі, мадэрну, нацыянальных традыцый сядзібнай забудовы. У авангардным кірунку жылой архітэктуры (індывідуальных асабняках, шматкватэрных дамах) назіраліся разнастайныя прыёмы (стварэнне эфекту абцякальнасці аб’ёмаў, выяўленне ідэі прасторавай адкрытасці, імітацыя новых канструкцыйных прыёмаў, матэрыялаў і інш.) [13, с. 423–424]. У архітэктуры грамадскіх збудаванняў, банкаў, буйных асабнякоў вядучым стылем стаў канструктывізм. У дойлідстве маёнткаў, сядзіб, фальваркаў, царкоўных пабудоў назіралася стылёвая стракатасць, дзе інтэпрэтаваліся традыцыйныя гістарычныя формы, з якімі суіснавалі элементы стылю “ар-дэко” (набыў сусветнае пашырэнне якраз у міжваенны час), матывы народнага дойлідства [13, с. 766–767]. У 1930-я гг. авангардызм разам з ар-дэко, неакласіцызмам, традыцыяналісцкімі напрамкамі набыў папулярнасць у жыллёвым будаўніцтве Заходняй Беларусі [13, с. 426, 461].

Архітэктура мадэрнізму Брэста ў 1920–1930-я гг. (адміністрацыйныя будынкі, установы адукацыі, аховы здароўя, прыватныя жылыя дамы) увабрала ў сябе функцыяналізм, канструктывізм, неакласіцызм, манументалізм і іншыя стылявыя напрамкі. Яе асаблівасцямі былі простыя кубічныя формы, пераменная вышыня будынкаў, лентачныя вокны, плоскія дахі і інш.

Неакласіцызм і функцыяналізм вылучаліся арыгінальнасцю і разнароднасцю форм. У стылі неакласіцызму ўзведзены архітэктарам С. Філясевічам будынак аддзялення Польскага банка ў Брэсце (1926). Новыя будынкі банкаў былі пасля гэтага ўзведзены ў Пінску, Баранавічах, Гродне. На той жа вуліцы Люблінскай уніі (цяпер – вуліца Леніна) у Брэсце пабудаваны будынкі казённай палаты, акруговай палаты дзяржаўнага кантролю, побач – праектнага бюро меліярацыі Палесся (пазней там быў ваяводскі камунікацыйна-будаўнічы аддзел).

Ад вялікага пажару 7 жніўня 1921 г. была знішчана цэнтральная частка Пінска. Да верасня 1930 г. было ўзведзена 758 жылых пабудоў. "Вынікі таго пажару яшчэ цяпер адчувае збяднелае насельніцтва, і значная частка жыхароў на сённяшні дзень мае магчымасць для існавання дзякуючы атрыманню сціплай дапамогі ад сваякоў з Амерыкі" (з ліста гарадской рады ад 9 верасня 1929 г. палескаму ваяводу) [31, с. 434]. У верасні 1930 г. з агульнай колькасці жылых будынкаў (3585) большасць складалі драўляныя дамы, мураваных было толькі 512. З іх пасля 1922 г. былі ўзведзены 758 [31, с. 435]. Па праектах архітэктара М. Катовіча ў Пінску былі пабудаваны бальніца, яўрэйская гімназія, прыватныя жылыя дамы, адноўлены, перабудаваны ці ўзведзены нанова шэраг прадпрыемстваў.

Для будаўніцтва жылля для бяздомных бедных жыхароў Гродна гарадскі магістрат 9 студзеня 1930 г. вырашыў выдзеліць 200 тыс. злотых на будаўніцтва танных двухкватэрных дамоў (з пакоем і кухняй). Аднак з-за негатыўных наступстваў сусветнага эканамічнага крызісу толькі ў 1936 г. прыступілі да будаўніцтва некалькіх дзясяткаў такіх дамоў для бяздомных сем'яў (цяперашняя Брацкая вуліца) [32, с. 57].

Наогул, пры будаўніцтве масавага жылля для рабочых у гарадах і мястэчках Заходняй Беларусі ўзводзілі пераважна драўляныя 1-2-павярховыя баракі, драўляныя 1-2-кватэрныя дамы і флігелі. У дварах такіх пабудоў змяшчаліся агароды і сады, гаспадарчыя пабудовы, калодзежы ці калонкі. Звычайна водаправод, каналізацыя там адсутнічалі [13, с. 767]. У Гродне ў 1927 г. водаправодам карысталася ўсяго толькі 1240 абанентаў. Жыхары горада бралі ваду з 37 студняў і 11 свідравін, а таксама карысталіся рачной вадой, што ўскладняла санітарна-эпідэміялагічную сітуацыю [33, с. 309].

Цэлы шэраг царкоўных будынкаў на тэрыторыі Заходняй Беларусі быў страчаны ў ходзе разгорнутай рэвіндыкацыі, г. зн. перадачы рымска-каталіцкай царкве культавых пабудоў, зямель, іншай рухомай і нерухомай маёмасці, што да канца XVIII ст. – 1839 г. належала грэка-католікам, але была перададзена праваслаўнай царкве. З 278 праваслаўных манастыроў, цэркваў, капліц, якія падвергліся рэвіндыкацыі ў 1918–1930 гг., у Віленскім ваяводстве было 40, Беластоцкім – 32, Навагрудскім – 28, Палескім – 19 (паводле іншых звестак – 16). У канцы 1920-х – першай

палове 1930-х гг. назіралася хваля масіраваных судовых разбіральніцтваў – пададзена 755 іскавых заяў, з іх на заходнебеларускія епархіі прыходзілася 478. У ходзе рэвіндыкацыі ў адабраных праваслаўных храмах ламаліся іканастасы, знішчаліся творы скульптуры, дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва, адбываліся акты вандалізму на могілках [3, с. 89–90]. Палітыка Польскай дзяржавы была нацэлена на правядзенне канфесіянальных змен на карысць каталіцтва. Хоць польскі ўрад не забараняў ставіць новыя праваслаўныя храмы, рамантаваць цэрквы і капліцы, будаўніцтва праваслаўных цэркваў прадугледжвалася ў тых месцах, дзе святыні згарэлі, зруйнаваны ці страчаны падчас рэвіндыкацыі [34, с. 285]. Аднак з-за бюракратычнай валакіты не заўсёды ўдавалася атрымаць дазвол на будаўніцтва праваслаўных святыняў.

Сярод пабудаваных у 1921–1939 гг. праваслаўных (пераважна драўляных) храмаў у Палескім ваяводстве трэба адзначыць наступныя:

у Брэсцкім павеце – Крыжаўзвіжанская царква ў в. Амелянец (замест згарэлай перавезена царква св. Сергія і Германа з Яблычынскага манастыра, асвечана ў 1930 г.) [19, с. 10], у в. Шастакова (1924 г.) [34, с. 285];

у Кобрынскім павеце – Пакроўская царква (1937 г.) у в. Шляхецкі Камень (цяпер – Акцябр) [19, с. 8], у в. Казішча (1926 г.) [34, с. 285];

у Косаўскім павеце – Троіцкая царква ў мястэчку Целяханы (1934 г.) на месцы храма XIX ст. [19, с. 201], царква Раства Багародзіцы (1925 г.) на месцы папярэдняга храма ў в. Глінная [19, с. 57], а таксама Крыжаўзвіжанская царква ў в. Святая Воля (1922 г.) [34, с. 285];

у Лунінецкім павеце – царква на могілках у Лунінцы (1928 г.) [34, с. 285], царква св. Дыянісія ў в. Заастравечча (1933 г.) [19, с. 85];

у Пінскім павеце – Ільінская царква (1788 г.) у в. Вуйвічы была часткова перабудавана ў 1937 г. [19, с. 44];

у Пружанскім павеце – цагляная Сімяонаўская царква ў мястэчку Малеч (1928 г.) у рэтраспектыўна-рускім стылі (на месцы храма 1880-х гг.) [19, с. 124], Пакроўская царква ў в. Равяцічы (1933 г.) [19, с. 172], а таксама ў вёсках Харава, Сялец, Ястрабель [34, с. 285];

у Столінскім павеце – царква Узнясення (Ушэсця) Гасподнягa (1938 г.) у Століне, у неарускім стылі на месцы мураванай Троіцкай царквы (1815 г.) [19, с. 188], Троіцкая царква ў Калоніі (в. Гарадная) перабудавана (дабудавана вежа-званіца) у 1930-я гг. [19, с. 55], у вёсках Відзібор (1922 г.), Бухлічы (1928 г.) [34, с. 285] і інш.

У Навагрудскім ваяводстве з падзей, звязаных з праваслаўным храмабудаўніцтвам ці рамонтам, найперш трэба адзначыць наступныя:

у Навагрудскім павеце: рэканструкцыю ў 1923–1924 гг. сабора св. Барыса і Глеба ў Навагрудку [19, с. 143]; у 1926 г. на месцы храма 1860-х гг. была ўзведзена з бетонных блокаў у неарускім стылі царква

Раства Багародзіцы ў в. Явар [19, с. 212], а ў 1936 г. у неарускім стылі пабудаваны з цэглы храм Усіх Святых у в. Дольная Рута [19, с. 74];

у Баранавіцкім павеце – Мікольская царква ў в. Малахоўцы (1920-я гг.) [19, с. 124], Георгіеўская царква ў в. Вялікія Лукі (1923–1926 гг.), Мікалаеўская царква ў в. Палонка, аднаўлялася ў 1920-я гг. Ільінская царква ў в. Адахаўшчына [34, с. 285].

На месцы царквы ў Баранавічах, якая згарэла ў 1921 г., было вырашана ўзвесці новы храм. Камітэт па будаўніцтве Пакроўскай царквы ўзначаліў беларускі сенатар А. Назарэўскі. На працягу 1924–1931 гг. быў пабудаваны ў стылі неакласіцызму цагляны праваслаўны Пакроўскі сабор у Баранавічах па праекце архітэктара М. Абалонскага. У храме ўсталявалі прывезены іканастас з дамавой царквы каралеўскага замка ў Варшаве. А. Назарэўскі дабіўся, каб у Баранавічы была перавезена ў 1926–1928 гг. з разбуранага ў Варшаве праваслаўнага сабора Аляксандра Неўскага частка мазаічных пано, якія былі выкананы яшчэ ў пачатку XX ст. у майстэрні Фраловых у Санкт-Пецярбургу па кардонах знакамітых рускіх мастакоў. Такім чынам, у 1929–1931 гг. у Пакроўскім саборы ў Баранавічах былі ўсталяваны мазаікі па эскізах В. Васняцова (“Табе радуецца”), М. Кошалева (“Хрыстос з данатарам” (“Слова Аляксандра Неўскага”), “Дэісус”), М. Бруні (“Сабор архангела Міхаіла і ўсіх нябесных сіл бесцялесных”, “Маці Божая з анёльскімі чынамі”), В. Думітрашкі (мазаічныя іконы мітрапаліта Алексія, які быў мітрапалітам Кіеўскім і Усяе Русі ў 1354–1378 гг., і прападобнага Іосіфа Валоцкага, царкоўнага дзеяча і пісьменніка XV – пачатку XVI ст.). Пры мантажы страчаныя часткі мазаік запаўняліся фрэскавым жывапісам. Гэтыя славутыя мазаічныя кампазіцыі ў інтэр’еры і экстэр’еры Пакроўскага сабора надаюць яму непаўторны мастацкі вобраз [19, с. 17–18; 35, с. 11–25; 36, с. 113–127].

У Вілейскім павеце Віленскага ваяводства ў в. Спягла была пабудавана ў 1923 г. драўляная царква Успення Багародзіцы [19, с. 186], а ў в. Некасецк у 1926 г. – драўляная Троіцкая царква [19, с. 146].

У 1938 г. была разабрана праваслаўная царква св. Аляксандра Неўскага (1870 г.), што стаяла ў цэнтры Палацавай плошчы (цяпер плошчы Тызенгаўза) Гродна – помнік архітэктуры рэтраспектыўна-рускага стылю [19, с. 240]. Спасылаліся на тое, што быццам перашкаджала дарожнаму руху на плошчы. Абяцалі яе аднавіць у іншым месцы, аднак з пачаткам Другой сусветнай вайны гэта стала немагчымым.

У міжваенны час у Заходняй Беларусі быў узведзены цэлы шэраг каталіцкіх святыняў. Сярод пабудаваных ці адноўленых у Віленскім ваяводстве былі наступныя каталіцкія храмы:

у Ашмянскім павеце – пасля рэвіндыкацыі быў адноўлены ў 1926 г. касцёл Міхаіла Архангела ў Смаргоні, пашкоджаны падчас Першай

сусветнай вайны, а яшчэ быў пабудаваны ў стылі мадэрн з цэглы па праекце архітэктара А. Дубановіча касцёл Маці Божай Ружанцовай у мястэчку Солы (1926–1934 гг.) – замест касцёла, таксама страчанага ў ваенны час (выдаткі на будоўлю святыні складалі 540 тыс. злотых; у роспісах касцёла ўдзельнічаў мастак П. Сергіевіч), драўляны касцёл св. Андрэя Баболі ў в. Градаўшчына (1938 г.) [18, с. 146–147; 40], на месцы барочнага храма ў мястэчку Крэва, які быў разбураны падчас Першай сусветнай вайны, у 1934–1936 гг. узведзены драўляны касцёл;

у Браслаўскім павеце – касцёл Найсвяцейшай Маці Божай Анёльскай у в. Мяжаны (1923–1928 гг.) па праекце віленскага архітэктара Юліуша Клоса; Петрапаўлаўскі касцёл у Дрысвятах (1929 г.) па праекце архітэктара Лявона Вітан-Дубейкаўскага (ім жа аднаўляліся ў 1920-я гг. Троіцкі касцёл у Відзах, у 1934–1938 гг. – Троіцкі касцёл і кляштар бернардзінцаў у Друі), касцёл св. Станіслава ў в. Далёкія ў 1930-я гг. [18, с. 106; 24; 25];

у Вілейскім павеце – з 1937 г. узводзіўся драўляны касцёл у в. Хаценьчыцы, аднак да верасня 1939 г. не быў пабудаваны, знішчаны ў 1940-я гг.;

у Віленска-Трокскім павеце – адноўлены ў 1920-я гг. касцёл Міхаіла Архангела ў Міхалішках, пашкоджаны падчас Першай сусветнай вайны [18, с. 101–102];

у Дзісенскім павеце – цагляны касцёл Маці Божай Шкаплернай у в. Ідолта (1937–1939 гг.) у стылі мадэрн [18, с. 170], у пачатку 1930-х гг. у мястэчка Варапаева быў перавезены з Дунілавічаў драўляны касцёл.

У Навагрудскім ваяводстве новыя каталіцкія храмы з’явіліся ў наступных паветах:

у Баранавіцкім павеце – касцёл Узвіжання Святога Крыжа (1924–1925 гг.) з рысамі эклектыкі і касцёл Маці Божай Каралевы ў Баранавічах (1930-я гг.) [18, с. 12–13, 163; 34, с. 298], касцёл у в. Завоссе (1932 г.), касцёл Бязгрэшнага Зачацця Найсвяцейшай Панны Марыі ў в. Рачканы (1928 г.), пасля рэвіндыкацыі быў перабудаваны ў 1930 г. касцёл Маці Божай Ружанцовай у в. Гарадзішча [18, с. 178, 195; 34; 35];

у Валожынскім павеце – пабудаваны касцёл у мястэчку Лоск (1930 г.) [18, с. 88], касцёл Іаана Хрысціцеля ў в. Выгаляненты (1929 г.) [18, с. 30–31], адноўлены касцёл св. Тадэвуша ў мястэчку Вішнева (1935 г.) [18, с. 28];

у Лідскім павеце – драўляны касцёл Найсвяцейшай Панны Марыі ў Лідзе (1933 г.) [18, с. 205], на месцы драўлянага касцёла пабудаваны архітэктарам Я. Бароўскім з цэглы і каменю ў стылі мадэрн касцёл Маці Божай Ружанцовай у мястэчку Радунь (1929–1931 гг.) [18, с. 130], быў адрамантаваны ў 1928 г. касцёл Дабравешчання Найсвяцейшай Панны Марыі (XIX ст.) у в. Тракелі [18, с. 152], пабудаваны касцёл Найсвяцейшага Сэрца Ісуса і св. Андрэя Баболі ў 1927–1929 гг. у в. Мінойты;

у Навагрудскім павеце – касцёл Найсвяцейшага Сэрца Ісуса ў мястэчку Наваельня (1936 г.) [18, с. 108], цагляны касцёл Маці Божай

Нястомнай Дапамогі ў мястэчку Карэлічы (1938 г.) [18, с. 204], драўляны касцёл св. Іосіфа ў в. Руда Яварская (1936 г.) [18, с. 134];

у Нясвіжскім павеце – адноўлены касцёл у мястэчку Сноў [18, с. 146–147];

у Слонімскім павеце – рэканструяваны касцёл Найсвяцейшай Панны Марыі ў Слоніме (1920-я гг.), які стаў гарнізонным храмам [18, с. 143–144], праведзена ў 1925 г. рэстаўрацыя касцёла Св. Андрэя (XVIII ст.) у Слоніме, разбуранага падчас Першай сусветнай вайны [18, с. 144–145];

у Стаўбцоўскім павеце – праведзена рэстаўрацыя ў 1921 г. касцёла св. Казіміра і кляштара дамініканцаў у Стоўбцах, пабудаваны мураваны касцёл Найсвяцейшага Сэрца Ісуса ў в. Хатава (1931–1934 гг.) [18, с. 199, 202] і інш.

У Палескім ваяводстве ўзведзены наступныя каталіцкія святыні:

у Брэсцкім павеце – у Брэсцкай крэпасці па праекце архітэктара Ю. Лісецкага ў 1924–1928 гг. была перабудавана гарнізонная праваслаўная царква ў касцёл св. Казіміра з элементамі неабарока [30, s. 10]. Акрамя таго, пад яго кіраўніцтвам у Брэсце праводзіліся работы па кансервацыі і рамонце касцёла і кляштара езуітаў (1924–1926 гг.), кляштара бернардзінак (1926–1932 гг.) [28, с. 289]. Быў пабудаваны касцёл Найсвяцейшага Сэрца Ісуса ў прадмесці Граеўка ў Брэсце (1932 г.) [34, с. 298], пасля пажару 1924 г. праводзілася аднаўленне мураванага Петрапаўлаўскага касцёла ў Камянцы (1935–1939 гг.) [18, с. 180], узведзены з цэглы ў стылі мадэрн касцёл Найсвяцейшага Сэрца Ісуса у Пелішчах (1934 г.) [18, с. 120], касцёл у в. Вярховічы (1933–1934 гг.) на месцы зруйнаванага старажытнага храма [18, с. 33];

у Драгічынскім павеце – касцёл Маці Божай Каралевы ў Драгічыне (1928 г.) [34, с. 298];

у Кобрынскім павеце – касцёл св. Андрэя Баболі ў мястэчку Антопаль (1938 г.) у стылі канструктывізму [18, с. 9], адноўлены ў 1921 г. Троіцкі касцёл у в. Дзяткавічы [18, с. 176];

у Косаўскім павеце – касцёл Іаана Багаслова і св. Параскевы (1932 г.), узведзены намаганнямі і на ахвяраванні святара Б. Пачопкі на могілках у в. Бабровічы [18, с. 163];

у Лунінецкім павеце – касцёл Маці Божай Каралевы ў мястэчку Мікашэвічы (1935–1937 гг.);

у Пінскім павеце – праведзена рэстаўрацыя ў 1920 г. касцёла (капліцы) Узвіжання Святога Крыжа ў в. Дубай [18, с. 59], адрэстаўраваны ў 1926 г. касцёл Маці Божай Ружанцовай у в. Атолчыцы [18, с. 162];

у Пружанскім павеце – касцёл ў Лінаве (1935 г.) [18, с. 87];

у Столінскім павеце – касцёл Божага Цела ў Давыд-Гарадку (1936 г.) у стылі канструктывізму.

У Беластоцкім ваяводстве неабходна адзначыць найбольш важныя падзеі, звязаныя з будаўніцтвам і рамонтам каталіцкіх храмаў:

у Ваўкавыскім павеце – праведзена ў 1924–1932 гг. рэстаўрацыя касцёла св. Міхаіла Архангела ў Гнезне, помніка беларускай готыкі з элементамі рэнесансу XVI ст. [18, с. 39], аднаўляўся Троіцкі касцёл у Лыскаве [18, с. 91], пабудаваны ў 1934–1936 гг. касцёл Маці Божай Нястомнай Дапамогі ў в. Ізабелін;

у Гродзенскім павеце – узведзены касцёл з цэглы ў в. Галынка (1922 г.) [18, с. 33–34], цагляны касцёл Раства Найсвяцейшай Панны Марыі ў в. Баля Касцельная (цяпер – Зарачанка) (1937 г.) у неагатычным стылі [18, с. 66], пасля перадачы ў 1933 г. католікам быў адноўлены касцёл св. Антонія Падуанскага ў в. Малая Бераставіца [18, с. 94–95], пабудаваны ў 1918–1919 гг. драўляны касцёл св. Іуды Тадэвуша ў в. Прывалкі.

Пасля пажараў 1923 і 1935 гг. вядомыя варшаўскія архітэктары В. Генеберг (праектаваў калонію для чыноўнікаў, дом ваяводы ў Навагрудку) і О. Сасноўскі (аўтар праектаў касцёлаў у Варшаве, Любліне, Беластоку) праводзілі перабудову і рэканструкцыю гарнізоннага касцёла Найсвяцейшай Панны Марыі (Фары Вітаўта) у Гродне, якая набыла рысы раманска-гатычнай архітэктуры. У 1807–1919 гг. гэта быў праваслаўны Сафійскі сабор [18, с. 174]. Да нашага часу гэты помнік архітэктуры не захаваўся, бо быў узарваны 29 лістапада 1961 г.

У 1920–1930-я гг. за кошт вернікаў, ахвяраванняў прыватных асоб, замежнай дапамогі аднаўляліся, рамантаваліся старыя татарскія мячэці, узведзены некаторыя новыя святыні. У Віленскім ваяводстве праводзіліся будаўнічыя ці аднаўленчыя работы на наступных аб’ектах:

у Браслаўскім павеце – узведзены абшчынны малітоўны дом (1927 г.), адбудавана мячэць у мястэчку Відзы (1934 г.) на старым месцы замест згарэлай падчас Першай сусветнай вайны;

у Дзісенскім павеце – пабудаваны малітоўныя дамы ў Докшыцах (1925–1926 гг.) і Глыбокім (1931 г.);

у Пастаўскім павеце – узведзена замест спаленай новая мячэць у мястэчку Мядзел (1923 г.), якая рамантавалася ў 1930 г.

Найбольш аднаўленне і рамонты закранулі мячэці Навагрудскага ваяводства:

у Баранавіцкім павеце – замест спаленай падчас Першай сусветнай вайны адбудавана ў 1928 г. мячэць у мястэчку Ляхавічы (фундатарамі былі польскія ўлады, татарскія эмігранты ў ЗША, кароль Егіпта Фуад I);

у Лідскім павеце – праведзены рамонт (замена мінарэта) у 1922 г. у Мураўшчызне (Іўі) (фундатары – татарскія эмігранты ў ЗША), замест мячэці XVIII ст., спаленай у 1915 г., адбудавана ў 1926 г. на сродкі Я. Рамановіча і датацыі польскіх улад мячэць у Некрашунцах;

у Навагрудскім павеце – адбываўся ў 1936 г. рамонт мінарэта і мячэці 1796 г. у Навагрудку;

у Нясвіжскім павеце – рамантавалася ў 1930–1931 гг. мячэць 1881 г. (1883 г.) у Клецку (фундатары – татарскія эмігранты ў ЗША), перабудавана ў 1924–1925 гг. мячэць у Асмолаве (1834 г.);

у Слонімскім павеце – рамантавалася ў 1930 г. мячэць (1883 г.) у Слоніме;

у Стаўбцоўскім павеце – рамантавалася ў 1925, 1928 гг. мячэць у Міры, пабудаваная да 1795 г. [3, с. 249–251].

Варта адзначыць, што некаторыя з вышэйпералічаных хрысціянскіх (праваслаўных, каталіцкіх), мусульманскіх храмаў не захаваліся да сённяшніх дзён ці былі перабудаваны.

У стылі функцыяналізму ўзведзены шэраг будынкаў грамадскага прызначэння (дзяржаўных устаноў, судоў) у Брэсце, Пінску, Навагрудку, казармы ў Брэсце, Пінску, Кобрыне, у 1930-я гг. – прыватныя асабнякі, жылыя дамы, крамы ў Брэсце, Гродне, Пінску, Кобрыне, Лідзе, Баранавічах, Маладзечне, Глыбокім і іншых гарадах. Найбольш значныя з іх – будынкі Палескага ваяводскага ўпраўлення (1938 г., архітэктар С. Папеўскі), гарадскога суда, бальнічнай касы ў Брэсце, паштамт і гімназія імя К. Хадкевіча ў Лідзе, жылы дом для афіцэрскага саставу ў Паставах і інш. [21, s. 18–51, 63–84, 98–105, 170–182].

Цэлы шэраг мадэрнісцкіх грамадскіх пабудоў і прыватных сядзіб узвёў у Брэсце архітэктар Юзаф Бараньскі. Сярод іх – лютэранская кірха (1938 г.). Той жа Ю. Бараньскі спраектаваў у Брэсце для ўласнага выкарыстання жылы 3-павярховы дом (цяпер – вуліца Гогаля, 18), узведзены ў 1936 г., дзе спачатку размяшчалася бюро аднаго з аддзелаў камандавання корпуса акругі № 9. Галоўны ўваход у будынак быў вылучаны тэрасай на двух прамавугольных слупах. Да паўднёва-заходняй часткі будынка быў далучаны паўцыркульны эркер з тэрасай на даху, а фасады былі рытмічна прарэзаны высокімі прамавугольнымі вокнамі [26, с. 13].

Папулярным у сядзібным будаўніцтве ў Польшчы стаў "закапанскі" стыль (styl zakopiański) з пераважна драўлянай архітэктурай, распрацаваны архітэктарам С. Віткевічам у 1890-я гг. У пачатку XX ст. гэты стыль пашырыўся за межы г. Закапанэ. У 1920-я гг. будынкі "закапанскага" стылю з'явіліся ў Браславе, Глыбокім, Шаркаўшчыне, Мёрах, Мосары, Гальшанах, Ашмянах, Валожыне, Нясвіжы, Закозелі, Брэсце, Навагрудку і іншых населеных пунктах Заходняй Беларусі. Віленскі архітэктар Ю. Клос, які быў добра знаёмы з дойлідствам "закапанскага" стылю, узводзіў калоніі для чыноўнікаў у Браславе, Дунілавічах, казармы ў Беразвеччы (Дзісенскі павет) і іншыя аб'екты архітэктуры.

Паводле праекта Ю. Клоса ў Браславе на ўзгорыстай пляцоўцы ля возера Дрывяты ў 1924–1926 гг. узведзены комплекс з 18 грамадскіх і гаспадарчых пабудоў (суд, жылы дом для павятовага старасты, дом спорту, дом інжынера, сядзібныя жылыя дамы для служачых і інш.). У 1929 г. там пабудаваны 2-павярховы будынак павятовага староства [37, с. 19; 38]. Пасля ўзвядзення комплексу каля яго пачаў фарміравацца новы грамадскі цэнтр Браслава.

У Гродне ў раёне Новы свет былі пабудаваны ў стылі канструктывізму арыгінальныя драўляныя жылыя будынкі з элементамі мадэрну, “закапанскага” стылю, традыцый беларускага народнага дойлідства. На Залатой горцы, якая была часткай Новага свету, былі ўзведзены драўляныя жылыя сядзібныя будынкі. Сярод буйных прамысловых і грамадзянскіх пабудоў у Гродне з’явіліся будынак павятовага банка, Дом стральца (Дом афіцэраў), вялікі склад тытунёвай фабрыкі (у Занёманскай частцы) і інш. Дом стральца (Саюза легіянераў), узведзены ў 1935–1936 гг., з’яўляецца 3-павярховым цагляным, атынкаваным будынкам з характэрнай для стылю “ар-дэко” яруснай аб’ёмна-прасторавай кампазіцыяй. У ім мастацкая выразнасць дасягаецца камбінаваннем розных па вышыні і аб’ёме частак будынка, розных па велічыні вокнаў [32, с. 28–29]. Элементы мадэрнісцкай архітэктуры (“закапанскага” стылю, неабарока) выразна прасочваюцца ў забудове драўляных жылых асабнякоў, дамоў з некалькімі кватэрамі (цяперашняй вуліцы Чырвонапартызанскай).

У Гродне на вуліцы 17 верасня размешчаны жылыя асабнякі “сядзібнага” (“дваровага”) ці “закапанскага” стыляў, якія нярэдка называюць неабарочнымі. Яскравым прыкладам гэтага польскага мадэрну з’яўляецца асабняк на вуліцы 17 верасня (дом № 12) – мураваны, аднапавярховы, з мезанінам, высокім ламаным, складанай канфігурацыі, дахам, пакрытым плоскай керамічнай дахоўкай [32, с. 340].

Даследаванні ў галіне архітэктуры К. Дуж-Душэўскага мелі вялікае значэнне для фарміравання архітэктуры Беларусі першай паловы XX ст. [16, с. 14]. Віленскі архітэктар Л. Вітан-Дубейкаўскі спрабаваў распрацаваць тэорыю беларускага нацыянальнага дойлідства, асобнага “беларускага” стылю. Яго праца “Эвалюцыя і рэформа драўлянага будаўніцтва” (1940) засталася ў рукапісе. Творчасць Л. Вітан-Дубейкаўскага вылучалася новым метадам апрацоўкі дрэва, арыгінальнымі драўлянымі пабудовамі [15; 39].

Транспартная інфраструктура ў Заходняй Беларусі развівалася слаба. У 1938 г. на 100 км^2 у Палескім ваяводстве прыходзілася 2,6 км дарог з цвёрдым пакрыццём, у Віленскім – 7,1 км, у Навагрудскім – 9,6 км, а ў цэнтральных і заходніх польскіх ваяводствах – 20–30 км. Па стану на 1936 г., пры захаванні тагачасных інвестыцый Палескае ваяводства магло дасягнуць узроўню гушчыні брукаваных дарог Варшаўскага ваяводства

толькі праз 140 гадоў [2, с. 355]. Павольным было развіццё чыгуначнага транспарту. Да 1934 г. была пабудавана чыгуначная лінія Парэчча – Друскенікі (17 км), да 1938 г. – Варапаева – Друя (89 км). Для вывазу прадукцыі лясной гаспадаркі Заходняй Беларусі актыўна выкарыстоўвалі вузкакалейкі.

У 1932 г. у Пінску ўступіў у дзеянне мост са стальной канструкцыяй праз раку Піну. Да сярэдзіны 1930-х гг. быў адноўлены стары мост (1909 г.) праз раку Нёман у Гродне, які быў узарваны адступаючымі расійскімі войскамі ў 1915 г. Мост меў даўжыню 165 м, шырыню – 12,5 м, яго металічныя канструкцыі важылі 950 т, а агульны кошт аднаўлення складаў 1,84 млн злотых [32, с. 238].

У 1930-я гг. пачалі актыўна будавацца ракадныя (аб'язныя) шляхі зносін (пераважна брукаваныя дарогі), якія мелі больш ваенна-стратэгічнае, чым сацыяльна-эканамічнае значэнне. З найбольш буйных шляхоў зносін на Палессі была ўзведзеная ў 1938 г. дарога Пінск – Кобрын, у пакрыцці якой выкарыстоўвалі трылінку (6-гранную бетонную плітку). Трылінку прымянялі і ў іншых мясцовасцях заходнебеларускага краю. У 1937 г. быў пабудаваны чыгуначны ліцэй у Брэсце. У межах польскага "нацыянальнага" стылю, з рысамі "закапанскага" стылю па праектах інжынера-архітэктара Г. Грынцэвіча быў перабудаваны цэнтральны чыгуначны вакзал у Брэсце, узводзіліся чыгуначныя вакзалы ў Слоніме, Ваўкавыску, Пінску, а таксама чыгуначны вакзал у Стоўбцах (суўтарам быў інжынер Г. Генела, з якім разам працаваў у Віленскай дырэкцыі дзяржаўнай чыгункі; магчыма, што і іншыя згаданыя праекты ствараліся сумесна) [40, s. 70–71].

Польскія ўлады вымушаны былі рабіць адпаведныя захады ў справе аховы помнікаў архітэктуры, аднак ажыццяўлялі гэта ў кантэксце паланізацыі заходнебеларускага краю. Яны абапіраліся на законы "Аб ахове мастацтва і помнікаў старажытнасці" (1928), "Аб апецы над грамадскімі зборамі" (1933). Пры міністэрстве веравызнанняў і грамадскай асветы Польшчы дзейнічаў дэпартамент мастацтва з аддзелам помнікаў і музеяў. Ахова помнікаў фінансавалася з дзяржаўнага бюджэту, фондаў рэлігійных абшчын і свецкіх грамадскіх арганізацый, асабістых сродкаў уласнікаў помнікаў. Пасля структурных пераўтварэнняў у 1930-я гг. тэрыторыя Віленскага, Навагрудскага ваяводстваў увайшла ў склад Віленскай акругі па кансервацыі, Палескага ваяводства – Люблінскай акругі, Беластоцкага ваяводства – Варшаўскай акругі.

Паводле ваяводскіх аддзелаў мастацтва, у 1920–1930-я гг. была праведзена фотафіксацыя 20 тыс. гістарычных аб'ектаў, падрыхтавана 4,5 тыс. планаў, схем размяшчэння помнікаў архітэктуры і гісторыі, абмерана 1856 архітэктурных аб'ектаў [8, с. 87–88]. Для Заходняй Беларусі важнай з'яўлялася дзейнасць па інвентарызацыі помнікаў Віленскага і Навагрудскага ваяводстваў, пачатку кансервацыі, рэстаўрацыі шэрага

аб'ектаў архітэктуры, якую ажыццявіў Е. Рэмер, кансерватар Віленскай (Віленска-Навагрудскай) акругі па кансервацыі ў 1922–1929 гг., кіраўнік Варшаўскай (Варшаўска-Беластоцкай) акругі па кансервацыі ў 1938–1939 гг. [10]. Фотамастак Я. Булгак прымаў актыўны ўдзел у фотафіксацыі кансервацыі і рэстаўрацыі помнікаў Вільні і Віленшчыны. Кіраўнік Віленскай (Віленска-Навагрудскай) акругі па кансервацыі ў 1929–1935 гг. С. Лорэнц сфармуляваў канцэпцыю кансервацыі руін замкаў Віленшчыны і Навагрудчыны, вывучаў культурную спадчыну, займаўся пытаннямі аховы помнікаў [11].

Былі зроблены практычныя захады па кансервацыі руін замкаў у Навагрудку, Лідзе, Крэве, Старога замка ў Гродне. Мастак Ф. Рушчыц беспаспяхова спрабаваў зацікавіць польскія ўлады ідэяй стварэння скансена (музея пад адкрытым небам). Па праекце архітэктара Т. Буршэ праводзілася рэстаўрацыя прыватнаўласніцкага замка ў Міры яго ўладальнікам М. Святаполк-Мірскім. У 1920–1930-я гг. на тэрыторыі Заходняй Беларусі праводзіліся мерапрыемствы па кансервацыі і рэстаўрацыі ўсіх тыпаў помнікаў грамадзянскай архітэктуры (ратуш, дамоў, сядзіб, палацаў). Не ўсе ахоўныя мерапрыемствы ўдалося рэалізаваць, некаторыя былі праведзены часткова ці недастаткова кваліфікавана, але ўсё-такі значную частку архітэктурных помнікаў тады змаглі захаваць. З-за недастатковага фінансавання з боку Польскай дзяржавы, нешматлікасці адпаведных спецыялістаў, фінансавай слабасці грамадскіх арганізацый многія каштоўныя архітэктурныя пабудовы абарончага тыпу так і не дачакаліся кансервацыі і рэстаўрацыі ці праекты былі выкананы няпоўнасцю [9, с. 15, 17].

Безумоўна, у прадстаўленым аглядзе выкладзены толькі асноўныя звесткі пра стан і развіццё архітэктуры Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. Перспектыўнымі для далейшага вывучэння гэтай праблематыкі з'яўляюцца наступныя пытанні: народнае (традыцыйнае) сельскае дойлідства; культавае дойлідства пратэстанцкіх абшчын; іўдзейскае дойлідства; архітэктура шляхоў зносін і інш.

У цэлым архітэктура заходнебеларускіх зямель у складзе Польскай дзяржавы ў 1921–1939 гг. знаходзілася ў супярэчлівых абставінах. З аднаго боку, разбуральныя наступствы Першай сусветнай і савецка-польскай войнаў, аграрна-сыравінны характар эканомікі, палітыка паланізацыі негатыўна адбіліся на магчымасцях развіцця гарадоў і мястэчак, захаванасці культавых (пераважна праваслаўных) пабудоў. З другога боку, адбывалася аднаўленне гарадоў і мястэчак, актыўнае будаўніцтва каталіцкіх храмаў (хоць абмежавана ўзводзіліся ці рамантаваліся і праваслаўныя святыні), былі зроблены пэўныя захады ў справе захавання гісторыка-культурнай спадчыны. Разам з традыцыяналісцкімі напрамкамі ў дойлідстве пашырыліся авангардныя, мадэрнісцкія кірункі. Ва ўмовах стылявой стракатасці

многія будынкі вызначаліся арыгінальнасцю, разнастайнасцю форм. У адрозненне ад архітэктуры БССР 1920–1930-х гг., архітэктура Заходняй Беларусі развівалася ў межах іншага сацыяльна-эканамічнага і грамадска-палітычнага ладу ў Польшчы, аднак з'яўляецца неадрыўнай часткай агульнабеларускай спадчыны.

Крыніцы і літаратура

1. Архітэктура Беларусі : энцыкл. давед. / рэд. А. А. Воінаў. – Мн. : БелЭн, 1993. – 620 с.
2. Гісторыя Беларусі : у 6 т. – Мн. : Экаперспектыва, 2000–2011. – Т. 5 : Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч, Н. Васілеўская, І. Ігнаценка [і інш.] ; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.), У. Навіцкі, Ю. Бохан [і інш.]. – 2006. – 613 с.
3. Вабішчэвіч, А. М. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А. М. Вабішчэвіч. – Брэст : Выд-ва БрДУ, 2008. – 319 с.
4. Загідулін, А. М. Гарадская культура Заходняй Беларусі (1921–1939) у айчыннай гістарыяграфіі / А. М. Загідулін // Гістарыяграфія і крыніцы па гісторыі гарадоў і працэсаў урбанізацыі ў Беларусі : зб. навук. арт. / Гродзен. дзярж. ун-т імя Янкі Купалы. – Гродна, 2009. – С. 373–378.
5. Загідулін, А. М. Архітэктура Заходняй Беларусі (1918–1921 гг.): гістарыяграфія праблемы / А. М. Загідулін // Белорусская политология: многообразие в единстве. Политическое знание в современном социальном и образовательном пространстве : тез. докл. V Междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 17–18 мая 2012 г. : в 2 ч. / Гродн. гос. ун-т им. Янки Купалы ; редкол.: В. Н. Ватыль [и др.]. – Гродно, 2012. – Ч. 1. – С. 185–188.
6. Загідулін, А. М. Асноўныя накірункі развіцця архітэктуры і будаўніцтва Заходняй Беларусі (1918–1939 гг.) / А. М. Загідулін // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2014. – № 3. – С. 6–16.
7. Загідулін, А. М. Рэстаўрацыя і кансервацыя помнікаў архітэктуры ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А. М. Загідулін // Гістарычная ўрбаністыка: асновы метадалогіі і крыніцазнаўчая база : зб. навук. арт. / Гродз. дзярж. ун-т імя Янкі Купалы ; рэдкал.: І. В. Соркіна [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2011. – С. 357–361.
8. Несцярчук, Л. М. Ахова гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі: асноўныя этапы фарміравання, сучасны стан і перспектывы / Л. М. Несцярчук. – Мн. : БелТА, 2003. – 283 с.
9. Морозов, Д. В. Охрана памятников архитектуры в Западной Беларуси (1921–1939 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 24.00.03 / Морозов Дмитрий Викторович ; БГУ. – Мн., 2019. – 22 с.

10. Марозаў, Д. В. Дзейнасць кансерватара Ежы Рэмера па ахове помнікаў даўніны ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / Д. В. Марозаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2017. – № 9. – С. 23–35.

11. Марозаў, Д. В. Станіслаў Лоранц – руплівец даўніны ў Заходняй Беларусі / Д. В. Марозаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2018. – № 8. – С. 30–42.

12. Морозов, Е. В. Стили и направления в белорусской архитектуре 1920–1930-х годов : автореф. дис. … канд. искусствоведения : 17.00.04 / Морозов Евгений Валерьевич ; ГНУ «ИИЭФ НАНБ». – Мн., 2006. – 20 с.

13. Шамрук, А. С. Грамадзянская архітэктура / А. С. Шамрук // / Архітэктура Беларусі: нарысы эвалюцыі ва ўсходнеславянскім і еўрапейскім кантэксце : у 4 т. / навук. рэд. А. І. Лакотка. – Мн. : Бел. навука, 2005–2009. – Т. 4, кн. 2 : Архітэктура XX – пачатку XXI ст. – 2009. – С. 367–715.

14. Кивачук, С. В. Историография исследований архитектуры и градостроительства Второй Польской республики (1921–1939 гг.) / С. В. Кивачук, Т. А. Панченко // Вестник Брестского государственного технического университета. – 2024. – № 2. – С. 3–5.

15. Харэўскі, С. Беларускі стыль у будаўніцтве 1921–1939 гг. (Лявон Вітан Дубейкаўскі) / С. Харэўскі // Białoruskie zeszyty historyczne. № 18. – Białystok : Białoruskie towarzystwo historyczne, 2002. – S. 206–213.

16. Харэўскі, С. В. Культавае дойлідства Заходняй Беларусі 1915–1940 гг. / С. В. Харэўскі. – Вільня, 2008. – 102 с.

17. Харэўскі, С. В. Культавая архітэктура Заходняй Беларусі / С. В. Харэўскі // Искусство и культура. – 2012. – № 3. – С. 17–24.

18. Кулагін, А. М. Каталіцкія храмы на Беларусі : энцыкл. давед. / А. М. Кулагін. – Мн. : БелЭн, 2000. – 216 с.

19. Кулагін, А. М. Праваслаўныя храмы на Беларусі : энцыкл. давед. / А. М. Кулагін. – Мн. : БелЭн, 2001. – 328 с.

20. Pszczółkowski, M. Architektura Brześcia nad Bugiem w latach II Rzeczypospolitej / M. Pszczółkowski // Świat Kresów Wschodnich II Rzeczypospolitej w literaturze i sztuce. – Zielona Góra, 2014. – S. 137–160.

21. Pszczółkowski, M. Kresy nowoczesne: Architektura na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej 1921–1939 / M. Pszczółkowski. – Łódź : Księży Młyn Dom Wydawniczy Michał Koliński, 2016. – 260 s.

22. Omilanowska, M. Architekt Stefan Szyller: 1857–1933 / M. Omilanowska. – Warszawa : Instytut Sztuki Polskiej Akademii Nauk : Liber Pro Arte, 2008. – 587 s.

23. Tejszerska, A. Nasz rodzimy ziemiański dwór. „Styl dworkowy” dawniej i dziś / A. Tejszerska // Dwór. Ponowoczesne przygody idei i formy / red. nauk. P. Cichoń, S. Latocha. – Łódź : Instytut Etnologii i Antropologii Kulturowej, Uniwersytet Łódzki, 2016. – S. 33–51.

24. Budowa domów dla urzędników państwowych w województwach wschodnich. – Warszawa : Ministerstwo Robót Publicznych, 1925. – 64 s.

25. Брест в 1919–1939 гг.: документы и материалы. – Брест : Альтернатива, 2009. – 306 с.

26. Мадэрнізм у брэсцкай архітэктуры 1921–1939 гг. – Брэст : Паліграфіка, 2019. – 47 с.

27. Власюк, Н. Н. Город-сад. Стратегия и тактика пространственного развития города Бреста: концепция / Н. Н. Власюк. – Брест : БрГТУ, 2023. – 400 с.

28. Брест. Брэст. Brest. 1000 / сост. А. Н. Вабищевич. – Мн. : Бел. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2019. – 456 с.

29. Czajczyc, I. Architekt Julian Lisiecki / I. Czajczyc // Echa Polesia. – 2019. – № 2. – S. 35–38.

30. Tejszerska, A. Julian Lisiecki (1881–1945) – architect and restorer / A. Tejszerska // Architectus. – 2024. – № 2. – S. 3–12.

31. Гісторыя Пінска. Ад старажытнасці да сучаснасці : да 915-й гадавіны з першага летапіснага ўпамінання / А. М. Літвін [і інш.]. – Мн. : Выш. шк., 2012. – 711 с.

32. Біяграфія гарадзенскіх вуліц. Ад Фартоў да Каложы. – Гародня ; Wrocław, 2012. – 369 с.

33. Гродна і гродзенцы: дзевяць стагоддзяў гісторыі : (да 880-годдзя горада) : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Гродна, 10–11 красав. 2008 г. – Гродна : ГрДУ, 2008. – 526 с.

34. Мароз, В. В. Драўляныя сакральныя помнікі Берасцейшчыны: нарысы гісторыі, археалогіі і культуры / В. В. Мароз. – Мн. : Бел. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2018. – 512 с.

35. Ярашэвіч, А. А. Баранавіцкі Пакроўскі сабор / А. А. Ярашэвіч, І. Р. Томашава. – Мн. : Беларусь, 2008. – 76 с.

36. Горбунов, Андрей. История православных храмов г. Барановичи / протодиакон Андрей Горбунов. – Мн. : Красная звезда, 2017. – 188 с.

37. Браслав и его окрестности : путеводитель. – Мн. : Рифтур, 2002. – 71 с.

38. Шыдлоўскі, К. Дзейнасць архітэктара Юліуша Клоса на Браслаўшчыне / К. Шыдлоўскі // Przegląd Wschodni. – 2001. – T. VII, z. 4 (28). – S. 1409–1421.

39. Гліннік, В. Л. Вітан-Дубейкаўскі: старонкі біяграфіі / В. Л. Гліннік // Строительство и архитектура Белоруссии. – 1991. – № 5. – С. 40–44.

40. Tucholski, Z. Inżynier Henryk Genello (1872–1948), szkic do portretu zapomnianego architekta kolejowego / Z. Tucholski // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. – 2018. – T. 63, № 1. – S. 65–87.

Да зместу

УДК 902/904

С. А. Донцова
Минск, Институт истории НАН Беларуси

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ Г. КАМЕНЦА (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

В статье выделены основные этапы изучения г. Каменца в Брестской области, рассмотрены архивные документы Центрального научного архива НАН Беларуси 1991–2004-х гг., отражающие вопросы археологического исследования города. Дается анализ проведенной работы, очерчен комплекс находок.
Ключевые слова: Каменец, археология, исследования, научный отчет, находки, топография.

This article highlights the main stages of the study of the town of Kamenets in the Brest region and examines archival documents from the Central Scientific Archives of the National Academy of Sciences of Belarus from 1991 to 2004, reflecting on the archaeological research of the town. An analysis of the work conducted is provided, and the finds are described.
Keywords: Kamenets, archeology, research, scientific report, finds, topography.

Впервые Каменец упоминается в 1276 г. в Ипатьевской летописи в связи с приказом галицко-волынского князя Владимира Васильковича построить город на р. Лесной, чтобы укрепить северные границы своего княжества. Приказ был отдан зодчему Алексе, который отметил каменистость выбранной под строительство территории. С этой местной особенностью связывают происхождение названия города – Каменец.

За время своего существования г. Каменец побывал в составе разных государственных образований. С 1366 г. Каменец находился в составе Великого княжества Литовского, являясь центром Земли Каменецкой. Своего расцвета город достиг в период с конца XIV в. до XVII в. С 1413 г. город являлся центром повета в Трокском воеводстве. В 1569 г. Каменец давал общегодовой доход от монополии на водку и мыт (пошлины) в королевскую казну 230 коп грошей, как и Гродно, что красноречиво свидетельствует о значимом экономическом положении города в этот период. Однако экономическое положение города пошатнули масштабные войны с Московским государством и Швецией. В результате войны середины XVII в. Каменцу был нанесен огромный ущерб. Город пытался вернуть прежнее социально-экономическое положение, но ситуацию усугубили эпидемии, голод и пожары. В 1795 г. в результате разделов Речи Посполитой г. Каменец и окольные земли перешли во владения Российской империи. До революции город входил в Брестский уезд Гродненской губернии.

В период 1795–1940 гг. город имел официальное название Каменец-Литовский для отличия от украинского Каменца-Подольского.

Неудивительно, что, имея давнюю и насыщенную историю, Каменец стал вызывать интерес у исследователей, причем не только у историков, краеведов, историков архитектуры, но и у археологов. Выделим следующие этапы краеведческого и археологического исследования г. Каменца.

1. Конец XIX в. – этнографо-краеведческое изучение г. Каменца. В этот период исследователи-краеведы собирали информацию, представленную в письменных источниках, с целью доказать значимость памятника монументальной архитектуры – Каменецкой башни – и привлечь внимание властей к его охране и реконструкции. Среди исследователей можно отдельно выделить Л. С. Паевского [1, с. 231–245] и В. Балабушевича [2, с. 216]. Благодаря их публикациям, в начале XX в. будут приняты меры по консервации и сохранению памятника культуры – Каменецкой башни.

2. Начало XX в. – проведение ограниченных исследований с целью консервации и реставрации Каменецкой башни. Среди исследователей особую роль занимает В. В. Суслов, возглавивший работы по изучению и сохранению этого уникального архитектурного сооружения.

3. 1961 гг. – проведение первых разведочных работ известным специалистом в архитектурно-археологических исследованиях П. А. Рапопортом, направленных на установление местонахождения городища древнего Каменца. Для этого этапа характерны весьма скромные результаты двух шурфов, которые установили лишь наличие переотложенных пластов с северо-западной и юго-западной сторон башни.

4. 1990-е – начало 2000-х гг. – исследования этого периода позволили определить более точную топографию древнего Каменца, изучить погребальный обряд первых обитателей замка. Начиная с 1997 г. изучение древнего города стало систематическим. Была сформирована Западно-Полесская археологическая группа в составе научного сотрудника Института истории НАН Беларуси О. В. Иова и аспиранта (на тот момент) А. А. Башкова.

В июне 1991 г. на территории исторической части города проводились раскопки под руководством Д. Ю. Марухиной [3, л. 3]. Целью раскопок являлось обнаружение культурного слоя, определение границ его залегания. Всего было заложено четыре шурфа. В трех из них археологи наткнулись на перекопы (шурфы 1–3). В шурфе 4 были обнаружены культурные пласты XVII–XVIII вв., собрано 247 фрагментов керамики, а также фрагментов кожаной обуви XVII в. Таким образом, археологам удалось установить зону нетронутого слоя XVII–XVIII вв., что было представлено в виде плана-схемы охранной зоны культурного слоя [3, л. 40].

В ноябре 1997 г. на территории двора ГУО «Средняя школа № 1 г. Каменца» под руководством О. В. Иова проводилась шурфовка, целью которой был поиск культурного слоя с юго-западной стороны от башни. Шурф попал на место старого рва, который был уничтожен во время реконструкции Каменецкой башни в 1903 г. К сожалению, дойти до материка не позволили погодные условия, и шурф был засыпан [4, л. 13]. Среди находок 1997 г. большинство были изделия из керамики (лепной и гончарной). Также были обнаружены железный гвоздь и монета Николая II. Коллекция индивидуальных и массовых находок была передана в фонды Брестского областного краеведческого музея и насчитывала 19 предметов [4, л. 18].

В период с 1997 г. по 2003 г. археологическое изучение города проводилось на регулярной основе.

В отчетах А. А. Башкова представлено археологическое исследование урочища Монастырь, продолжавшееся на протяжении 1998–2003 гг. Например, в 2001 г. было изучено 8 погребений. Из них, предположительно, 1 – мужское, 1 – женское, 2 – детских, 1 – девочки-подростка, принадлежность остальных трех невозможно было определить по останкам [5, л. 5–6]. Все захоронения были ориентированы на запад и сделаны по христианскому обряду. Датировать данные захоронения согласно индивидуальным находкам (фрагменты бронзового пояса, оселок, фрагмент ножа, пуговица, гвоздь, пряслице, горшок, втулка) можно XIV в. Однако в отчете отмечается, что могильник не единовременный и имел большую площадь.

В июле 2002 г. продолжались совместные раскопки под руководством О. В. Иова и А. А. Башкова. Было заложено два шурфа: шурф 15 и шурф 16 [6, л. 3]. Исследование проводилось по инициативе Брестского областного краеведческого музея с целью получения новых археологических материалов. В ходе исследования из шурфа 15 в коллекцию было отобрано 104 фрагмента керамики, 9 фрагментов изразцов и 16 костей животных. Из шурфа 16 в коллекцию отобрали 54 фрагмента керамики, 1 фрагмент изразца, 3 кости животных [6, л. 4–5].

А. Разлуцкой было проведено определение костей, в результате чего были выявлены остатки животных 7 видов (3 домашних, 4 диких, 1 птицы). Благодаря данному исследованию удалось установить, какие животные играли основную роль в рационе питания местного населения [6, л. 7].

Среди индивидуальных находок этого сезона следует отдельно отметить находку медного щиткового перстня с плоским ромбовидным щитком, который сохранился полностью. В отчете отмечается, что подобные перстни встречались в Новгороде и датировались серединой XIII в., но на территории Беларуси это единичная находка.

В своем отчете «Об археологических раскопках в г. Каменец и разведках в Березовском районе Брестской области в 2003 г.» О. В. Иов описывает находку оборонительного рва первоначального городища последней четверти XIII в. [7, л. 3]. В заложенном раскопе было выявлено 2249 фрагментов гончарной керамики, 238 фрагментов изразцов, 265 костей животных. Из них в коллекцию для Брестского областного краеведческого музея было отобрано 473 фрагмента керамики, 137 фрагментов изразцов, 189 костей животных, фаянс, 16 фрагментов стеклянных изделий, фарфор и половая плитка [7, л. 4].

О. В. Иов подробно описывает обнаруженный коробчатый терракотовый портретный изразец, который удалось реконструировать по найденным фрагментам. На данном изразце представлено барельефное поясное изображение юноши в богатой одежде «итальянского стиля». Подобные изразцы характерны для середины XVI в. Среди других обломков терракотовых изразцов автор отдельно выделяет экземпляры с геральдическим орнаментом в виде двуглавого орла под короной и изразец с геометрическим орнаментом в виде «перечеркнутых квадратов» [7, л. 6].

В заключение отметим следующее. Полевые отчеты являются уникальными источниками по истории археологического изучения летописного города Каменца. Они содержат необходимый набор фактов об этапах и методических особенностях проведения полевых работ. Кроме того, они дают точное представление о результативности проведенных исследований. Анализ представленной документации позволяет проследить закономерный рост качества технической подготовки полевой документации. Отмечается повышение качества выполнения рисунков и планов. Вследствие технической эволюции фотодела кардинально меняется качество фотофиксации материала и этапов самих раскопок. Все больше внимание уделяется статистическому анализу массового материала. Совершенствуется методика проведения раскопок, в том числе с использованием металлодетекторов.

В научных отчетах указываются перспективные места будущих исследований и высказываются замечания по актуальным вопросам интерпретации полученного материала. Таким образом, имея за плечами значительный задел археологического изучения, Каменец остается наиболее перспективным для дальнейшего изучения летописным городом Брестчины.

Источники и литература

1. Виленский календарь на 1896 год : 13-й год изд. – Вильна : Тип. Св.-Дух. прав. братства, 1895. – 298 с.

2. Балабушевич, В. Каменецкий столб / В. Балабушевич // Литовские епархиальные ведомости. – 1881. – 21 июня. – С. 216.

3. Марухіна, Д. Ю. Справаздача пра археалагічныя раскопкі на тэрыторыі горада ў чэрвені 1991 г. / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. Арх. № 1364.

4. Іоў, А. В. Справаздача за 1997 г. аб археалагічных раскопках у Брэсцкай вобласці / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 1666.

5. Башков, А. А. Отчет за 2001 год об археологических исследованиях в Каменецком районе Брестской области / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 2034.

6. Иов, О. В. Отчет об археологических исследованиях в гг. Пинск, Каменец и Петриковском районе Беларуси в 2002 году / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 2051.

7. Иов, О. В. Отчет об археологических раскопках в г. Каменец и разведках в Березовском районе Брестской области в 2003 году / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 2115.

Да зместу

УДК 903.01(476.4)”13/17”

Я. И. Павлова
Могилев, Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова

КОСТЯНЫЕ ПРЕДМЕТЫ ИГР И ЗАБАВ XIV–XVIII ВВ. С ТЕРРИТОРИИ МОГИЛЕВСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Статья посвящена изучению археологических находок костяных предметов игр и забав с территории Могилевского Поднепровья. Кратко прослежена история возникновения игр, проанализированы артефакты (шашки, шахматы, «бабки»), являвшиеся важным элементом досуга населения в XIV–XVIII вв.

Ключевые слова: предметы игр и забав, шашки, шахматы, битки, археологические артефакты.

The article is devoted to the study of archaeological finds of bone objects of games and amusements from the territory of Mogilev Podneprovye. The history of the origin of games is briefly traced, artefacts (checkers, chess, ‘babki’), which were an important element of the population’s leisure time in the XIV–XVIII centuries, are analysed.

Key words: Items of games and amusements, draughts, chess, dice, archaeological artefacts.

Костяные изделия Могилевского Поднепровья слабо изучены исследователями. Существует множество интересных предметов игр и забав, отражающих уровень социально-экономической и духовной жизни общества в XIV–XVIII вв. и демонстрирующих развлечения, существовавшие во времена позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Шахматы являются достаточно частой находкой археологов. Это интеллектуальные игры, которыми увлекались в основном только верхи общества. Основную категорию находок на территории Могилевского Поднепровья составляют каменные и деревянные экземпляры, однако костяные артефакты также есть в числе находок.

Считается, что шахматы появились в Северной Индии около II–IV вв. н. э. под названием «Чатуранга». Эта игра предназначалась для четырех человек и фактически означала четырехстороннее войско. Позже, в V–VI вв., игра начала распространяться в двух направлениях: на Запад в страны Среднего и Ближнего Востока (где получила название «Шатранг» и стала предназначаться для двух игроков) и на Восток в Китай, Японию и другие страны [1, с. 652; 2, с. 149; 3, с. 416–417].

В странах Ближнего Востока также появились новые фигуры – ферзь и ладья, а короля уже нельзя было «съесть». Изначально фигурки этих игр были реалистичны: фигура короля выглядела как богатый человек, слон выглядел как настоящий слон, однако с приходом арабов-завоевателей

в VII–VIII вв. вид одушевленных шахматных фигур был изменен из-за их религии и стал абстрактным [2, с. 149].

С арабского Востока шахматы начали распространяться на территорию Древней Руси и Западной Европы. Первые костяные шахматы на территории Древней Руси датируются XI в. и имеют как реалистичную, так и абстрактно новую арабскую форму. С шахматами были знакомы как богатые люди во главе с князем, так и простое население. На территории Беларуси всего было найдено более 52 шахматных фигур XIV–XVIII вв., три из которых – находки с Могилевского Поднепровья [2, с. 149–151].

Реалистичные шахматные фигуры были широко распространены в XI–XIII вв., в то время как абстрактный (символичный) вид шахмат – в более поздние времена. Известны два типа абстрактных шахмат: фигуры символичного арабского типа и фигуры новой абстракции [2, с. 149–159].

Две ладьи, найденные в Мстиславле и Могилеве, являются абстрактно новыми фигурами, возникшими в Древней Руси в конце XIII – начале XIV в. в связи с появлением токарного станка. Подставка фигурок стала устойчиво круглой, на нее размещался цилиндр с выступающей верхней частью. На самом же цилиндре размещалась плоская фигура, у которой были ярко выражены боковые выступы. Следует заметить, что определяются ладьи именно по их верхней части [2, с. 159].

В древние времена арабы называли ладью «рухом» – сказочной птичкой, которая изготавливалась с поднятыми крыльями, из-за чего ладья ранее выглядела как прямоугольник с прямоугольной основой и двумя выступами в верхней части. Иногда форма фигурки и ее характерных выступов менялась. Что касается верхней части ладьи XIV–XVII вв., то косторезы изготавливали нечто похожее как на выступы руха, так и на привычную нам ладью [2, с. 156, 159; 4, с. 93].

Мстиславская ладья была найдена в перепаханном огородном слое детинца. Она по внешнему виду подобна ладьям, найденным в Витебске (2 изделия), Новгороде (2 изделия), а также в Лиде. Все они датируются XIII–XIV вв. [2, с. 159; 4, с. 95–96, рисунок 5.18; 5, с. 42].

Мстиславская ладья достаточно хорошо сохранилась. Она может датироваться в этих же временных рамках (О. В. Медведева), а может принадлежать и к находкам XV в. (Л. В. Алексеев). Сама фигурка небольшая, практически прямоугольная, имеет высоту 2,4 см и диаметр основы 2,2 см. На круглую, тонкую подставку нанесен линейный орнамент [2, с. 159; 6, с. 101; 7, с. 399].

О. В. Медведева описывает ее как «почти прямоугольную фигуру с верхним вырезом в виде лодки, посередине которого находится стержень с круглым концом». Верхняя часть фигурки выглядит как трезубец [2, с. 159].

Могилевская ладья была найдена при археологических раскопках на Подниколье И. А. Марзалюком в 1997 г. Шахматная фигура украшена рифлением и глазковым орнаментом, датируется XVII в. и называется самим автором «турой». В отличие от мстиславской и многих других найденных ладей, тура из Могилева не очень хорошо сохранилась, так как верх фигурки отломан, через саму же фигуру проходит трещина. Она имеет круглую основу, постепенно переходящую в бочковидное туловище с плоской головкой [2, с. 159–160; 8, с. 49, 235].

О. В. Медведева описывает ее как фигуру, которая украшена кружково-линейным орнаментом. Ладья имеет высоту примерно в 5 см и диаметр основы около 3,8 см [2, с. 159–160].

Пешка – самая простая (даже в изготовлении) шахматная фигура. Она выглядит как усеченный конус или цилиндр со срезанным (закругленным) верхом. Размеры пешек бывают разными, но не выходят за пределы 2,5–3 см. Пешки также, как и ладьи, разделяются на два типа: арабский и абстрактно новый [2, с. 163].

Л. В. Алексеев, проводя раскопки в г. Мстиславле, нашел в подогородном слое пешку, которая датируется XV в. Сам автор сомневается, что это изделие именно пешка. Однако с учетом того, что фигурка малого размера, круглая в сечении и гладко срезанная кверху, можно утверждать, что археолог прав. Из-за отсутствия хотя бы частичного описания и только одного рисунка этой шахматной фигуры, достаточно сложно судить о том, сделана она от руки или же на токарном станке. Скорее всего, она была сделана на токарном станке согласно ровной поверхности фигурки, ее гладкости, а также датировке (XV в.), но по типологии она будет склоняться к арабскому типу, изготавливавшемуся вручную, из-за внешнего вида [2, с. 163–165; 9, с. 68].

Шашки наравне с шахматами считаются интеллектуальными играми. Эта игра появилась в Египте в III–II тыс. до н. э. и была одной из любимых игр египтян (в том числе и фараонов), затем распространилась в Грецию и Рим, а из этих стран уже в страны Азии, Европы и Африки [10, с. 403–405; 11, с. 187].

В 1950-х гг. при раскопках богатого поселения около Переяславля-Хмельницкого Киевской области был обнаружен наиболее древний комплект стеклянных шашек, датирующийся примерно III–IV вв. [12, с. 4].

Наибольшее распространение на территории Древней Руси (в том числе и на территории Беларуси) игра в шашки получила в X в., когда массово начала распространяться по водному пути «из варяг в греки» [11, с. 187; 13, с. 653; 14, с. 417–418].

Впервые в письменных источниках эта игра упоминается в 1282 г. в «Списке законьном». С XIII в. и вплоть до XVII в. известные нам шашки

упоминаются под разными названиями – «леки», «дамки» и нек. др., однако письменные источники не содержат информации о правилах игры [12, с. 4].

На территории Беларуси шашки в большинстве своем изготавливались из рога лося или оленя, но также встречаются и шашки из глины, камня, стекла. Диаметр их обычно не превосходит 3 см, высота 0,5 см [11, с. 187].

Согласно классификации О. В. Медведевой, шашки распределяются на два типа:

1) полусферические (наиболее распространены в X–XIII вв.);

2) круглые плоские (использовались в X–XVIII вв.) [11, с. 187–196].

Круглые плоские шашки разделяются:

– на шашки с циркульным орнаментом;

– шашки с концентричными (имеющими общий центр) кругами;

– комбинированные шашки (и с циркульным орнаментом, и с концентричными кругами);

– гладкие шашки;

– шашки с изображением.

Некоторые подтипы также имеют разновидности, например шашки с отверстием посередине и шашки без отверстия. Как и среди многих других изделий, существуют заготовки шашек и бракованные изделия, но на территории Могилевского Поднепровья они не были найдены [11, с. 187–197].

В Мстиславле было найдено четыре костяные шашки периода XIV–XVIII вв. Все они относятся к типу круглых плоских шашек (по классификации О. В. Медведевой), который, в свою очередь, делится на пять подтипов [11, с. 187–192].

К шашкам с нанесенными на поверхность концентрическими кругами относятся две шашки из Мстиславля. Одна из них была найдена О. А. Трусовым в слое XIV–XVII вв. Само же изделие датируется XIV–XVII вв., имеет диаметр 3,8 см и высоту 0,3 см. Сверху украшено восьмью концентрическими линиями, четвертая и восьмая из которых наиболее широкие и глубокие. Середину изделия занимает концентрическое углубление [5, с. 43; 11, с. 189, рисунок 2.8, 190–191].

Вторая шашка была найдена Л. В. Алексеевым, датируется XII–XIV вв. и не очень хорошо сохранилась, так как имеет большую трещину сверху и потертости. Размер изделия составляет 3,4 см, высота – 0,8 см. В центре фигурки присутствует коническая выемка. Верхняя, а также боковая стороны шашки были украшены концентричными кругами, шесть из которых находились сверху и два на торце [5, с. 43–44; 11, с. 190].

В г. Шклове Могилевской области была найдена самая маленькая костяная шашка на всей территории Беларуси (по раскопкам О. Н. Левко в 2005 г.), датирующаяся концом XVII – первой половиной XVIII в.

По классификации О. В. Медведевой, она относится к круглым плоским шашкам с концентрическими кругами без отверстия. Ее диаметр составляет 2,2 см, а высота – 0,5 см. Посередине с двух боков она украшена двумя концентрическими кругами, а в центре – небольшой выемкой. Шашка является самой поздней по времени использования шашкой [11, с. 191].

Шашки с циркульно-глазковым орнаментом, объединяющиеся в отдельный подтип, были распространены в XI–XIV вв. Особенностью этого подтипа являлось наличие циркульного орнамента на одной или двух поверхностях изделия. К таким шашкам относится еще одно изделие из Мстиславля. Шашка датируется XII–XIV вв. Ее диаметр составляет 3,2 см, а высота – 0,6 см. На верхней части изделия находятся девять двойных кружков с точкой посередине, восемь из которых размещены по краю и один – в центре. На нижней поверхности также присутствует двойной кружок с точкой посередине. Изделие отличается от многих других найденных шашек своим светлым оттенком. Или оно сделано из рога оленя (такие изделия лучше поддаются полировке), или сырье, из которого сделана шашка, подвергалось тщательной обработке [11, с. 191–192].

Подобные изделия были найдены при раскопках Новгорода, Старой Рязани, Киева и многих других городов. Они были изготовлены из рога лося на токарном станке и датируются в основном XII–XV вв. [11, с. 192].

Отдельный подтип составляют шашки с изображениями, которые используются в VII–XVII вв. Обычно на них изображаются люди, реже – животные, что дает основание считать, что они могли принадлежать зажиточным людям – представителям высших сословий. Также данные изделия могли использоваться в качестве «дамки», которая имела больше привилегий, нежели обычная шашка. Относительно данного подтипа шашек встречаются формулировки, согласно которым это не изделия для интеллектуальных игр, а «пластинки» или «пуговицы» для украшения верхней одежды [11, с. 194–196].

В 1984 г. О. А. Трусовым была найдена шашка, которую он называет «пластинкой с изображением усатого шляхтича, украшенной сложным растительно-геометрическим орнаментом», однако О. В. Медведева квалифицирует найденный артефакт как шашку. Она датируется концом XVI – XVII в. и представляет собой фигурку диаметром 4 см и высотой 0,2 см со сколом в верхней части. Эта фигурка имеет изображение мужчины с пышными усами, длинными волосами и в богатом одеянии западноевропейского узора. Ее также часто называют шашкой с изображением «вусатага шляхціца». Шашка украшена, как ранее отмечалось О. А. Трусовым, сложным растительно-геометрическим орнаментом [11, с. 194–196; 16, с. 104].

В 1988 г. А. А. Метельский при проведении раскопок на территории замчища Кричева обнаружил шашку XVI–XVII вв. Диаметр изделия

составляет 3 см, а на внешней поверхности размещается изображение мужчины в шапке, одетого в плащ. Его взгляд, по сравнению с изображениями других людей на данном подтипе шашек, направлен вверх, а не в сторону [11, с. 196].

Костяные битки для игры в «кости», или же «бабки» («козны»), были найдены при раскопках на территории Могилева И. А. Марзалюком. Всего было найдено два экземпляра (XVII в.) [8, с. 49].

Игра берет свое начало еще в древнейшие времена, а на территории Руси появляется уже в VI–VII вв. и существует вплоть до XX в. Вариантов игры известно достаточно много, около 10, однако все они сводятся к тому, чтобы сбить битой бабки, которые стояли в одну горизонтальную линию. Часто на бока бабок наносились надписи или метки в виде цифр, букв, рисунков. Биты изготавливались из астрагалов, т. е. коленных костей лосей, коров, лошадей. Для того чтобы бита была тяжелее и ей было удобнее пользоваться, в нее заливали свинец через просверленные полости. Одна из могилевских бит имеет длину 4 см и высоту 8 см, другая – высоту в 6,1 см [8, с. 235, рисунок 51.5–51.6; 16, с. 91].

Таким образом, можно констатировать, что изделия из кости для игр и забав на территории Могилевского Поднепровья встречаются не так часто, как в других историко-этнографических регионах, однако в качестве артефактов достаточно распространены и разнообразны.

Шесть костяных шашек были найдены в двух городах Беларуси – Мстиславле и Шклове. Определить время их изготовления тяжело из-за широких временных рамок бытования одних и тех же типов шашек на территории Беларуси. Шахматы с территории Могилевского Поднепровья представлены в трех экземплярах по материалам раскопок Мстиславля и Могилева. Все шахматы могут определяться как изделия абстрактного (символичного) нового вида и датируются XIV (XIII) – XVII вв.

Игра в «кости» («бабки», «леки») была популярна на обширной территории, однако находки битков для этого развлечения были найдены только в г. Могилеве. Они датируются XVII в. и имеют достаточно небольшие размеры.

В итоге можем утверждать, что к рассматриваемому периоду у населения на территории Беларуси уже сложилось понимание эстетики, и многие люди (в основном богатые) стремились к приобретению отличающихся от обычных предметов игр и забав изделий, которые были хорошо обработаны и имели орнаментацию или изображения на поверхности (как, например, на шашках). Общество конца позднего Средневековья – начала Нового времени уже отличалось высокой духовностью, а игры были частью досуга всех слоев населения и возрастных групп. Таким образом, забавы имели важное значение для жизни людей в XIV–XVIII вв.

Источники и литература

1. Калядзінскі, Л. У. Шахматы / Л. У. Калядзінскі // Археалогія і нумізматыка Беларусі : энцыклапедыя. – Мн. : БелЭн, 1993. – С. 652.

2. Мядзведзева, В. У. Шахматы на тэрыторыі Беларусі XI–XVII стст. (па матэрыялах археалагічных даследаванняў) / В. У. Мядзведзева // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мн. : Ін-т гісторыі НАН Беларусі, 2004. – Вып. 19. – С. 149–172.

3. Мядзведзева, В. У. Шахматы / В. У. Мядзведзева // Археалогія Беларусі : энцыклапедыя : у 2 т. – Мн. : БелЭн, 2009–2011. – Т. 2 : Л–Я / рэдкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – 2011. – С. 416–417.

4. Рыбина, Е. А. Из истории шахматных фигур / Е. А. Рыбина // Российская археология. – 1991. – № 4. – С. 86–102.

5. Мядзведзева, В. У. Касцярэзнае рамяство горада Мсціслава (X–XVII стст.) / В. У. Мядзведзева // Мсціслаў і Мсціслаўскі край : зб. навук. арт. – Мн. : Бел. навука, 2019. – С. 32–47.

6. Алексеев, Л. В. Детинец Мстиславля в XIV–XVII веках / Л. В. Алексеев // Российская археология. – 2000. – № 2. – С. 94–114.

7. Алексеев, Л. В. Новые раскопки в Мстиславле / Л. В. Алексеев, И. Г. Ионе // Археологические открытия 1976 года. – М. : Наука, 1977. – С. 399.

8. Марзалюк, І. А. Магілёў у XII–XVIII стагоддзях: людзі і рэчы : манаграфія / І. А. Марзалюк. – Мн. : Веды, 1998. – 260 с.

9. Алексеев, Л. В. Мстиславский детинец в XII–XIV веках / Л. В. Алексеев // Российская археология. – 1995. – № 3. – С. 60–77.

10. Алексеева (Гурченко), К. А. Феномен шашечной игры в истории культуры / К. А. Алексеева (Гурченко) // Мир науки, культуры и образования. – 2011. – № 5 (30). – С. 403–405.

11. Мядзведзева, В. У. Сярэдневяковыя шашкі Беларусі (па матэрыялах археалагічных даследаванняў) / В. У. Мядзведзева // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мн. : Ін-т гісторыі НАН Беларусі, 2006. – Вып. 22. – С. 187–200.

12. Голосуев, В. М. Мастера шашечных турниров / В. М. Голосуев. – Л. : Лениздат, 1989. – 111 с.

13. Бубенька, Т. С. Шашкі / Т. С. Бубенька // Археалогія і нумізматыка Беларусі : энцыклапедыя. – Мн, 1. : БелЭн, 1993. – С. 653.

14. Мядзведзева, В. У. Шашкі / В. У. Мядзведзева // Археалогія Беларусі : энцыклапедыя : у 2 т. – Мн. : БелЭн, 2009–2011. – Т. 2 : Л–Я / рэдкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – 2011. – С. 417–418.

15. Трусаў, А. А. Мсціслаўская касцярэзная майстэрня / А. А. Трусаў // Археалогія Беларусі : энцыклапедыя : у 2 т. – Мн. : БелЭн, 2009–2011. – Т. 2 : Л–Я / рэдкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – 2011. – С. 104.

16. Мядзведзева, В. У. Касцярэзная вытворчасць Полацкай зямлі IX–XIII стст. / В. У. Мядзведзева. – Мн. : Бел. навука, 2013. – 235 с.

Да зместу

УДК 902(476.7)

В. Ю. Піліповіч
Брэст, Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна

АРХЕАЛАГІЧНЫЯ ДАСЛЕДАВАННІ НА ВУЛІЦЫ БУДЗЁННАГА ГОРАДА БРЭСТА Ў 2014 ГОДЗЕ*

Артыкул прысвечаны вынікам археалагічных даследаванняў на тэрыторыі квартала ў межах вуліц Будзённага, Савецкай, Гогаля і плошчы Свабоды ў 2014 г. Раскопкі праводзіліся ў ходзе падрыхтоўкі праектнай дакументацыі для ўшчыльнення забудовы. У працы характарызуюцца выяўленыя канструкцыі, даецца кароткі аналіз культурных напластаванняў і апісанне знойдзеных артэфактаў.

Ключавыя словы: археалогія, горад, Брэст, перабудова, будаўнічыя канструкцыі, культурны пласт, артэфакт.

The article is devoted to the results of archaeological research in the territory of the quarter within the boundaries of Budyonny, Savetskaya, Gogol streets and Svoboda Square in 2014. The excavations were carried out during the preparation of design documentation for the compaction of the building. The work characterizes the discovered structures, provides a brief analysis of cultural strata and a description of the found artifacts.

Keywords: archeology, city, Brest, perestroika, building structures, cultural layer, artifact.

Маніторынг культурных напластаванняў горада XIX ст. уяўляе сабой пэўную цікавасць, таму што да нядаўняга часу гэты перыяд не вывучаўся археалагічна. Сучасныя падыходы ўрбаністычнай археалогіі патрабуюць улічваць у даследаваннях усе перыяды развіцця горада.

Археалагічныя працы праводзіліся ў былым квартале № 15, які размяшчаўся на поўнач ад сучаснай вуліцы Будзённага. Гарадская забудова сфарміравалася тут пасля пераносу горада на новае месца ў сувязі з будаўніцтвам крэпасці Брэст-Літоўск. Дадзеная тэрыторыя была забудавана да канца XIX ст. і моцна пацярпела падчас пажару 1895 г. На пачатку XX ст. квартал абмяжоўваўся вуліцамі Паліцэйская (Савецкая), Збірагоўская (Будзённага), Сярэдняя (Гогаля) і Думскай плошчай (плошча Свабоды). Прывязка плана старога горада Брэста 1823 г. да сучаснай картаграфічнай падасновы паказвае, што на месцы доследнай тэрыторыі да будаўніцтва крэпасці і пераносу горада знаходзіліся палі (незабудаваныя землі).

Асноўнай мэтай археалагічных даследаванняў было абследаванне тэрыторыі будучай будаўнічай пляцоўкі на вуліцы Будзённага, 28 з мэтай

* Праца падрыхтавана ў межах выканання НДП БРФФД «Спасательная археология в г. Бресте как элемент реализации государственной политики по охране историко-культурного наследия» на 2025–2027 гг.

выяўлення і фіксацыі захаваных падмуркаў (канструкцый) будынкаў гарадской забудовы канца XIX – першай паловы XX ст., якія маглі раней размяшчацца тут, а таксама маніторынг і вывучэнне культурных пластоў, аналіз археалагічнага матэрыялу (малюнак 1) [1].

Малюнак 1 – Месцазнаходжанне доследнай тэрыторыі на плане квартала

На тэрыторыі будпляцоўкі былі праведзены археалагічныя даследаванні (шурфоўка) агульнай плошчай 22,5 м^2. Работы праводзіліся ў адпаведнасці з методыкай археалагічных даследаванняў.

Першапачаткова быў закладзены шурф памерам 6 × 1 м. На мяжы 2–3-га пластоў пасярэдзіне шурфа былі выяўлены рэшткі будаўнічых канструкцый (падмурка), умоўна арыентаваныя па восі поўдзень – поўнач, якія ішлі ў паўночную сценку шурфа. У паўднёвай частцы раскопу канструкцыі былі разбураныя ў выніку пазнейшых будаўнічых прац (зафіксаваны бетонны падмурак, які перасякае шурф) і пракладкі камунікацый, закрытых бетонным корабам. Паэтапная прырэзка на поўнач дазволіла зафіксаваць цагляную канструкцыю нявызначанага прызначэння, якая сыходзіць ва ўсходнюю сценку, а таксама фрагменты вымасткі, якія сыходзяць у паўночную сценку шурфа. Кут дадзенага падмурка не быў выяўлены, паколькі канструкцыі ідуць пад капітальны будынак,

і іх адкрыццё і вывучэнне не ўяўляецца магчымым. Шурф быў пашыраны на ўсход і, такім чынам, атрымаў памер 12 × 1,5 м. Для даследавання канструктыўных асаблівасцяў збудаванняў і выяўлення кута будынка пазней былі дарэзаны яшчэ два квадраты на ўсход.

Культурны пласт у шурфе быў вывучаны да глыбіні залягання мацерыковай пароды – 1,6 м. Выяўленыя канструкцыі ў працэсе даследавання не разбіраліся, а пакідаліся на земляной аснове для больш дэталёвай фіксацыі ў складзе агульнага плана.

У працэсе выбаркі механічных пластоў ва ўсіх квадратах шурфа былі зафіксаваны розначасовыя бетонныя, цагляна-каменныя канструкцыі (малюнак 2). У квадраце 1 на глыбіні 0,28 м быў выкрыты бетонны падмурак, які перасякаў шурф па лініі захад – усход, шырынёй 0,18 м і вышынёй да 0,5 м, датаваны другой паловай ХХ ст. З паўночнага боку падмурка захаваліся рэшткі апалубкі, выкананай са старых драўляных разьбяных дзвярэй.

У квадратах 1–8 уздоўж заходняй сценкі шурфа на глыбіні ад 0,3 м фіксуецца падмурак з цаглянага бута і каменя, пакрыты зверху некалькімі пластамі нізкаякаснага бетону (з нізкім утрыманнем цэменту). Шырыня падмурка да 0,55 м у верхняй яго частцы, вышыня – 0,4–0,5 м. Залягае на глыбіню да 0,8 м ад дзённай паверхні. У выніку пазнейшых будаўнічых работ і пракладкі камунікацый разбураны ў квадраце 1 цалкам, у квадратах 6 і 7 – часткова. Зыходзячы з тэхнікі выканання і запаўнення прылеглых культурных пластоў, датуецца першай паловай ХХ ст.

У профілі ўсходняй сценкі квадратаў 3 і 4 на глыбіні 0,45 м быў прасочаны падмурак вышынёй да 1,1 м і глыбінёй залягання аснавання да 1,5 м ад дзённай паверхні. Прырэзка квадратаў 4А і 5А дазволіла зафіксаваць кут будынка і яго арыентацыю. Падмурак уяўляе сабой цагляны мур, пакладзены на аснову з бута і каменя, звязанага і пакрытага вапнавым растворам. Шырыня асновы 0,77–0,8 гл, вышыня 0,5–0,65 гл. Цагляны мур прасочаны ў заходняй сценцы падмурка. Уяўляе сабой некалькі шэрагаў цэглы, злучаных вапнавым растворам. Шырыня цаглянай часткі падмурка – 0,6 м. Сярэдні памер цэглы дадзенага падмурка – 0,27 × 0,13 × 0,07 м. Тэхніка выканання канструкцый і матэрыял дазваляюць датаваць іх канцом ХІХ – першай чвэрцю ХХ ст. і аднесці да перыяду забудовы горада каменнымі будынкамі.

У квадратах 5, 6, 5А на глыбіні 0,38–0,68 м зафіксавана цагляная канструкцыя памерам 1,75 × 1,75 м. Уяўляе сабой выбрукаваную цэглай і часткова кавалкамі бетону пляцоўку з прыпаднятымі бакамі (зробленую ў выглядзе латка ці карыта). У сярэдзіне (у дне т. зв. "латка") бліжэй да паўночнага краю маецца чатырохкутнае паглыбленне (цэгла адсутнічае з пэўнай мэтай або страчана). Запоўнена канструкцыя была пераважна

вапнай. Магчыма, выкарыстоўвалася для гашэння вапны ці замешвання раствору. Унутры былі знойдзены таксама некаторыя артэфакты. Размяшчэнне канструкцыі паказвае, што яна была пабудавана пазней за падмуркі канца XIX – пачатку XX ст. і падмурка першай паловы XX ст. Дадзены факт, а таксама выяўленыя ў запаўненні канструкцыі вінтовачныя гільзы сістэмы Маўзер, датаваныя 1937–1941 гг., дазваляюць аднесці канструкцыю да сярэдзіны XX ст.

У выніку апрацоўкі атрыманых даных аб выяўленых канструкцыях была зроблена спроба рэканструкцыі меркаванага размяшчэння падмуркаў на тэрыторыі будучай будаўнічай пляцоўкі.

У ходзе даследаванняў былі знойдзены рэчы і іх фрагменты, якія адлюстроўваюць штодзённае жыццё горада канца XIX – сярэдзіны XX ст. Сярод іх – рэшткі боепрыпасаў (гільзы), дэталі ад адзення і абутку (падкоўкі, спражка, гузік), рэчы гаспадарчыя (нож, фрагменты посуду, шкляная тара), таварная пломба, рэшткі абсталявання печы (заслонкі) і інш.

На некаторых рэчах былі выяўленыя клеймы і надпісы, якія дазваляюць ідэнтыфікаваць вытворцаў і прыкладныя перыяды выкарыстання. Так, на адной з заслонак печы на ручцы маецца надпіс “RZUCOW 6”, г. зн. рэч выраблена на металургічных заводах у г. Жуцаве (Польшча). Металургічныя фабрыкі з’яўляюцца ў мястэчку з 1830-х гг. і звязаны з імем Войцеха Крыгера. У другой палове XIX ст. фабрыкамі валодае сям’я Макіеўскіх. Датуецца першай паловай XX ст.

Сярод будаўнічай керамікі ў выніку даследавання былі знойдзены некалькі фрагментаў керамічнай шамотнай падлогавай пліткі. На адваротным баку маецца кляймо “MARYWIL”. На двух фрагментах кляймо было ў люстэркавым адлюстраванні. Такога выгляду плітка была папулярная ў канцы XIX – першай палове XX ст.

Неабходна адзначыць сярод знаходак фрагмент цэглы-пальчаткі. Такога віду цэгла выкарыстоўвалася ў XIII–XVIII стст. Уяўляе сабой буйнапамерную цэглу са слядамі пальцаў на паверхні. На ёй рэдка сустракаюцца пазнакі, клеймы і знакі. Трапіла ў напластаванні XIX ст., верагодна, са старога горада, што быў на тэрыторыі сучаснай Брэсцкай крэпасці.

Асобна выдзяляецца аплаўлены фрагмент цэглы, які разам са стратыграфічнымі дадзенымі сведчыць аб гарадскіх пажарах канца XIX – пачатку XX ст.

Такім чынам, у выніку даследавання культурных напластаванняў у шурфе намі выяўлены розначасовыя будаўнічыя канструкцыі (малюнак 2):

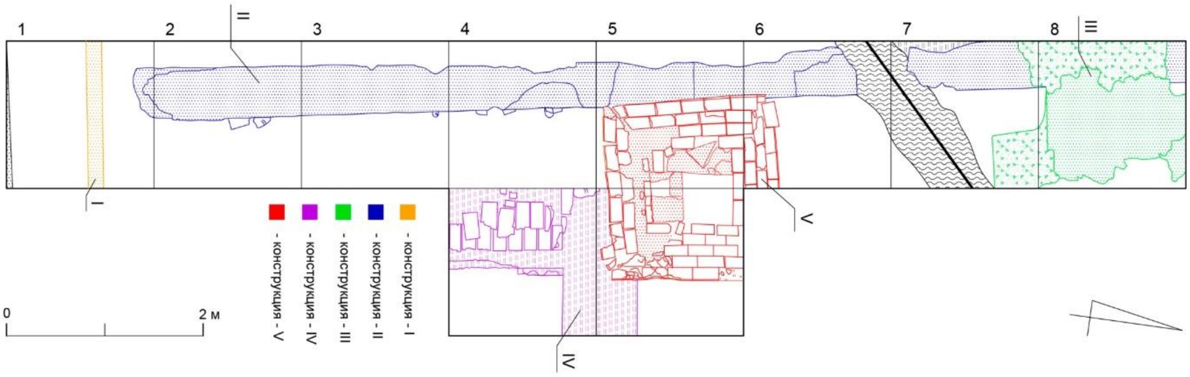
I – другой паловы XX ст.;

II – першай паловы XX ст.;

IV – канца XIX – першай чвэрці XX ст.;

III і V – сярэдзіны XX ст.

Дадзены факт сведчыць аб дынамічнай змене гэтай часткі горада, а таксама аб пастаяннай перабудове будынкаў у выніку ўплыву разнастайных фактараў: гарадскіх пажараў, ваенных дзеянняў, змены ўладальнікаў. У выніку былі вызначаны асноўныя этапы забудовы (перапланіроўкі) дадзенай тэрыторыі: канец XIX – першая чвэрць XX ст.; першая палова XX ст.; сярэдзіна XX ст.; другая палова XX – пачатак XXI ст.



Малюнак 2 – План шурфа з указаннем выяўленых розначасовых канструкцый

У ходзе даследавання культурных напластаванняў, прылеглых да выяўленых канструкцый, сабрана археалагічная калекцыя, датаваная XIX – першай паловай XX ст. Керамічны матэрыял прадстаўлены фрагментамі задымленых, чорналошчаных, паліўных тарных і сталовых сасудаў, а таксама фрагментамі фаянсавага посуду. Будаўнічая кераміка прадстаўлена фрагментамі простай кафлі і шамотных абліцовачных плітак, шкляныя вырабы – фрагментамі шклянак, бутэлек, флаконаў з імпартнага і мясцовага шкла.

Археалагічнае вывучэнне пацвердзіла вядомы нам картаграфічны матэрыял, які паказвае, што да другой паловы XIX ст. вывучаемая тэрыторыя была не забудавана і мае маламагутныя культурныя напластаванні гэтага перыяду. Пасля пачатку будавання крэпасці горад быў перанесены на новае месца і дадзеная тэрыторыя пачала забудоўвацца. Вугальныя праслойкі, утрыманне вугальных фрагментаў у пласце і наяўнасць пашкоджаных агнём артэфактаў, а таксама насычанасць грунту будаўнічым смеццем і цагляным бутам пацвярджаюць гістарычныя дадзеныя аб гарадскіх пажарах і разбурэннях.

Такім чынам, у выніку археалагічных даследаванняў устаноўлена наяўнасць канструкцый (падмуркаў) больш ранняй гарадской забудовы, датаванай канцом XIX – першай паловай XX ст., зроблена спроба прасачыць іх размяшчэнне, а таксама зафіксаваны культурныя напластаванні

сярэдзіны XIX–XX стст., што патрабуе прэвентыўных археалагічных раскопак і абавязковага нагляду за будучымі землянымі працамі ў межах квартала.

Крыніцы і літаратура

1. Башков, А. А. Отчет об археологических исследованиях на объекте «Реконструкция (2-я очередь) здания по ул. Буденного, 28/1 в г. Бресте с объединением внутридворовых построек в один объем» в 2014 г. // ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. Арх. № 3275.

Да зместу

УДК 902(470):930«1912»

Н. П. Шуткова
Могилев, Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова

ИЗРАЗЦОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПО МАТЕРИАЛАМ «СПИСКА ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ» 1912 ГОДА

В статье рассматривается «Список фабрикъ и заводовъ» 1912 г. как источник по изучению изразцового производства Российской империи. Проанализированы количество предприятий в каждой из губерний, их владельцы, специализация предприятий и стоимость выпускаемой продукции, количество занятых на производстве рабочих.

Ключевые слова: изразцовое производство, начало XX в., фабрично-заводская промышленность Российской империи.

The article examines the “List of Factories and Plants” of 1912 as a source for studying the tile production of the Russian Empire. The number of enterprises in each province, their owners, the specialization of enterprises and the cost of manufactured products, the number of people employed in production are analyzed.

Key words: tile production, early 20th century, factory industry of the Russian Empire.

«Списокъ фабрикъ и заводовъ Россiйской Имперiи» 1912 г. является важным источником в изучении уровня изразцового производства не только с исторической точки зрения, но и в плане археологического изучения изразцового материала [1, с. 267]. Белорусским изразцам XIV–XVIII вв. посвящены десятки работ археологического, исторического и искусствоведческого характера [2, с. 5–10]. Изразцы XIX – начала XX в. описаны в научной литературе в немногочисленных работах и обзорах, хотя такие материалы являются достаточно часто встречаемой категорией артефактов, получаемых в ходе археологических раскопок и археологических мероприятий в зонах земляных и строительных работ.

Цель данной статьи – описать предприятия, занимавшиеся выпуском изразцовой продукции, на территории Российской империи в начале XX в. согласно источнику «Списокъ фабрикъ и заводовъ Россiйской Имперiи». Эти материалы позволят определить количество предприятий в каждой из губерний, социальный статус их владельцев, специализацию предприятий, количество занятых на производстве рабочих.

«Списокъ…» был составлен отделом промышленности Министерства торговли и промышленности под редакцией В. Е. Варзара. Один из разделов «Группа IX. Обработка минеральных веществ» содержит следующую информацию о предприятиях, выпускавших изразцы: наименование, местонахождение, число рабочих, механические двигатели, годовая производительность [1, с. 267].

В группе описаны предприятия, зарегистрированные на территории 80 губерний и областей. Все предприятия (приведено 1530 наименований) перечисляются по губерниям или областям в алфавитном порядке. Нет упоминаний о наличии промышленных предприятий, изготавливавших изразцы в 33 губерниях (Астраханская, Бакинская, Владимирская, Вологодская, Волынская, Воронежская, Вятская, Енисейская, Иркутская, Казанская, Калишская, Калужская, Курская, Олонецкая, Орловская, Пензенская, Плоцкая, Полтавская, Приморская, Рязанская, Симбирская, Ставропольская, Сувалкская, Таврическая, Тверская, Тифлисская, Тобольская, Томская, Уфимская, Херсонская, Черниговская, Черноморская, Эстляндская) и 10 областях (Акмолинская, Донская, Закаспийская, Карская, Кубанская, Самаркандская, Семипалатинская, Сыръ-Дарьинская, Терская, Якутская) [1, с. 267–312].

Предприятия по производству изразцов работали на территории 35 губерний и 2 областей [1, с. 267–312].

В ***Амурской области*** отмечается наличие торгово-промышленного товарищества «Гончарныя Издѣлія», владевшего гончарно-изразцовым заводом в г. Благовещенске. Предприятие располагалось на улице Загородной. Выпускало гончарные изделия, огнеупорный кирпич, изразцы и пр. на 6318 рублей в год. На предприятии использовался конный двигатель с числом сил 1. Количество рабочих – 9 [1, с. 267].

На территории ***Архангельской губернии*** действовал кирпичный завод, принадлежавший потомственному почтенному гражданину И. И. Круглову. Заведение располагалось в г. Архангельске на Санкт-Петербургском проспекте, 183. Изготавливались кирпичи и изразцы на сумму17 тыс. рублей в год. На предприятии работало 60 рабочих [1, с. 267].

В ***Бессарабской губернии*** изразцы изготавливались на трех предприятиях. Кирпично-черепичный и изразцовый завод принадлежал мещанину А. М. Гугелю. Предприятие действовало в г. Кишиневе (Бачайская дорога, 5 часть). Изготавливались кирпич, изразцы и черепица на сумму 2700 рублей в год. Использовался конный двигатель и было занято 9 рабочих [1, с. 268].

Гончарно-изразцовым и кирпично-черепичным заводом владел германский подданный Р. И. Кальвейт. Заведение располагалось в Кишиневе на улице Александровской, 1. Изготавливались изразцы, черепица и кирпич на сумму 7 тыс. рублей в год. Использовался конный двигатель. Было занято 19 рабочих [1, с. 268].

Крестьянину Г. В. Клейну принадлежал черепично-кафельно-гончарно-кирпичный завод, расположенный в селении Старая-Почта Меренской волости Кишиневского уезда. Изготавливались черепица, кирпич и пр. на 7700 рублей в год. Использовался локомобильный двигатель с числом сил 10. Количество рабочих – 28 человек [1, с. 268].

На территории ***Варшавской губернии*** отмечается три предприятия, производившие изразцы. Мещане К. Б. Боренштейн и С. Г. Цельник владели кирпичным заводом в г. Пултуске (Цехановское шоссе). Изготавливали кирпич, черепицу и изразцы на сумму в 9360 рублей в год. Количество рабочих – 28. [1, с. 269].

С. Ф. Марцинковскому, мещанину, принадлежал изразцовый завод в г. Гостынинь на улице Ольшовой. Годовое производство на предприятии составляло 4200 рублей. Число занятых рабочих – 4 [1, с. 270].

Фабрикой изразцов в г. Гостынинь владел мещанин И. Новогурекий. На производстве было занято три рабочих. Годовое производство составляло 2700 рублей [1, с. 270].

Одно предприятие по изготовлению изразцов работало на территории ***Виленской губернии***. Изразцово-гончарный завод числился за мещанкой Н. А. Либо. Располагался в г. Вильно на улице Тамбовской, 24 (собственный дом). Изготавливались изразцы на сумму 30 тыс. рублей в год. Использовался паровой двигатель с числом сил 12. Количество рабочих – 35 [1, с. 271].

В ***Витебской губернии*** отмечается всего два завода, занимавшиеся производством изразцов. Дворянину Б. Я. Лисовскому принадлежал изразцово-майоликовый завод в г. Витебске на улице Лиознянской. На заводе изготавливались изразцы на 75 тыс. рублей в год. Был задействован паровой двигатель с числом сил 85. Количество рабочих составляло 78 человек [1, с. 272].

Инженеру-технологу Я. Л. Мовшенсону принадлежал изразцово-терракотовый завод в г. Двинске, расположенный на улице Средней. На производстве изготавливали терракотовые изделия и изразцы на сумму 6500 рублей в год. Количество рабочих – 18 [1, с. 272].

В ***Гродненской губернии*** работало пять заводов, выпускавших изразцовую продукцию.

Мещанину Г. И. Белькесу принадлежал изразцовый завод и фабрика сапожных шпилек в Бельском уезде (в местечке Семятичи Семятичской волости). Годовое производство двух предприятий составляло 22 150 рублей, использовался паровой двигатель с числом сил 26. Количество рабочих – 25 [1, с. 276].

Братья Ш. А. и С. А. Вайнштейны, мещане, владели изразцовым и черепичным заводом в Бельском уезде (местечко Орля Орлянской волости) с годовым производством 10 660 рублей и численностью рабочих 20 человек [1, с. 276].

А. Ш. Дейчу принадлежал изразцовый кафельный завод в Бельском уезде (в местечке Семятичи Семятичской волости). Его годовая производительность составляла 10 тыс. рублей, отмечается наличие конного двигателя. На предприятии работало 10 человек [1, с. 276].

Князь В. А. Друцкий-Любецкий владел изразцовым заводом «Станиславовъ», расположенным в Гродненском уезде – в поместье Станиславово Верцелишской волости. На заводе работало 30 человек и использовался конный двигатель. Годовое производство изразцов составляло 22 920 рублей [1, с. 276].

Мещанину Г. Л. Немому принадлежал изразцово-черепичный завод в г. Бельске (на улице Боцьковской, урочище Нова) с годовой производительностью продукции на 3100 рублей. На производстве работало 8 человек и использовался конный двигатель с числом сил 1 [1, с. 276].

На территории ***Екатеринославской губернии*** отмечается наличие кафельного завода в Бахмутском уезде (Градовская волость, при д. Ново-Александровке). Им владел Г. И. Данцигерь. Изготавливались изразцы на сумму 12 тыс. рублей в год. На производстве был задействован локомобильный двигатель с числом сил 8. Количество рабочих – 21 [1, с. 278].

В ***Забайкальской области*** работали изразцово-гончарный и огнеупорных изделий заводы, принадлежавшие Г. А. Юдовичу и К°. Предприятия располагались в г. Чите (местность Белый Ключ). Изготавливали кирпич огнеупорный и простой, майоликовые изделия, изразцы и прочие изделия на 96 100 рублей в год. На предприятиях работало 175 человек [1, с. 280].

На территории ***Киевской губернии*** располагались четыре предприятия, выпускавшие изразцовую продукцию. Австрийскому подданному И. А. Андржеиовскому принадлежал кафельный завод в г. Киеве (улица Кирилловская, 64). Завод изготавливал изразцы терракотовые и майоликовые изделия на 34 829 рублей в год. Использовался конный двигатель. Количество рабочих – 51 [1, с. 281].

Дворянка Е. А. Балашева владела керамическим заводом в Черкасском уезде (при местечке Городище Городищенской волости). На предприятии изготавливались черепица, огнеупорный и простой кирпич и изразцы на сумму 67 190 рублей в год. Использовался паровой двигатель с числом сил 25. Количество рабочих – 234 [1, с. 281].

Еще один кафельный завод располагался в г. Черкассы на городской земле. Принадлежал некой Э. Ф. Унбендахт и числился под фирмой Вейцковского. На заводе изготавливались изразцы на 5500 рублей в год. Количество рабочих – 10 [1, с. 282].

Д. Л. Хургину и А. Б. Верозубу (Торговый дом) принадлежал кафельно-гончарный завод в г. Киеве на улице Константиновской, 71. Годовое производство завода составляло 6 тыс. рублей. Использовался электрический двигатель с числом сил 20. Количество рабочих – 8 [1, с. 282].

В ***Ковенской губернии*** отмечаются шесть производств, выпускавших изразцовую продукцию. Купец Ш.-Л. В. Аврах владел изразцовым заводом, расположенным в Шавельском уезде (в имении Муравьево Векшанской

волости). В год производилось продукции на 3 тыс. рублей. Количество рабочих – 5 [1, с. 283].

Изразцовый завод в г. Ковно (Вольямпольская слобода) принадлежал мещанину Я. М. Аналику. Годовое производство продукции составляло 1350 рублей. Количество рабочих – 2 [1, с. 283].

В. И. Кремер, мещанин, владел гончарно-изразцовым заводом, работавшим в г. Ковно (улица Борковская, Вильямпольская слобода). Изготавливалось продукции на 2145 рублей в год. Количество рабочих – 4 [1, с. 283].

Кафельный завод в г. Великомире (местность Пивония) принадлежал мещанину Ю. Л. Леману. На предприятии было занято два рабочих. Продукции выпускали на 600 рублей в год [1, с. 283].

Мещане М. А. Ленеон и И. Н. Франк владели изразцовым заводом в Шавельском уезде в имении Александрия. Годовое производство продукции составляло 12 099 рублей. Использовался конный двигатель с числом сил 2. Количество рабочих – 15 [1, с. 283].

Изразцовый завод в Шавельском уезде (в местечке Куршаны Куршанской волости) принадлежал мещанину З. Л. Липшицу. На предприятии изготавливались изразцы и глазурь гончарная на сумму 6260 рублей в год. Использовался конный двигатель с числом сил 1. Количество рабочих – 9 [1, с. 283].

На территории ***Костромской губернии*** работал гончарно-изразцовый завод в г. Кинешме на Вичугской улице. Им владел купец П. Е. Агапов. Изготавливались изразцы и другая продукция на сумму 27 100 рублей в год. Использовался локомобильный двигатель с числом сил 8. Количество рабочих – 35 [1, с. 283].

В ***Курляндской губернии*** действовал изразцово-терракотовый завод в г. Митаве (Лилиенфельдский переулок, 16). Предприятием владел крестьянин М. Ф. Нестеров. Изготавливались изразцы и терракотовые изделия на сумму 24 тыс. рублей в год. Использовался локомобильный двигатель с числом сил 12. Количество рабочих – 40 [1, с. 284].

В ***Келецкой губернии*** отмечается один изразцовый завод, принадлежавший мещанину В. К. Филявекию. Предприятие располагалось в г. Олькуше на улице Вольбромской и выпускало продукции на 4360 рублей в год. Использовался конный двигатель. Было занято 13 рабочих [1, с. 286].

На территории ***Лифляндской губернии*** действовал кафельный завод, располагавшийся в г. Юрьеве на улице Газовой, 30. Предприятием владел мещанин Г. Г. Штурм. Изготавливались изразцы на сумму 2988 рублей в год. Использовался газовый двигатель с числом сил 3. Количество рабочих – 5 [1, с. 287].

На территории ***Ломжинской губернии*** работали два предприятия, изготавливавшие изразцы. Вдова купца Б. Д. Бржезинская владела израз-

цовым заводом в г. Ломже на Варшавском шоссе. На предприятии изготавливались изразцы и прочая продукция на 7480 рублей в год. Число рабочих – 17 [1, с. 287].

Изразцовый завод принадлежал мещанину Ш. Златолову и находился в аренде у Я. Пануся. Предприятие располагалось в Мазовецком уезде (гмина Мазовецк, село Власты-Ольшанка). Изготавливались изразцы и другая продукция на 6150 рублей в год. Использовался конный двигатель. Количество рабочих – 15 [1, с. 287].

В ***Люблинской губернии*** действовал изразцовый завод в г. Холме. Предприятием владел мещанин Я. Рихтер. Изготавливалось продукции на 11 200 рублей в год. Использовался локомобильный двигатель с числом сил 15. Количество рабочих – 15 [1, с. 288].

В ***Минской губернии*** работали четыре производства, занимавшиеся выпуском изразцов [1, с. 288]. Мещанин Ц.-Я. М. Авербухов владел изразцово-гончарным заводом в г. Минске на улице Новокрасной. На производстве был задействован паровой двигатель с числом сил 8 и работало 18 человек. В год завод выпускал продукции на 20 500 рублей [1, с. 288].

Купцам второй гильдии, братьям И. Г. и Г. Г. Лейтнекерям принадлежал изразцовый завод в г. Новогрудке на улице Ивановской. На заводе изготавливали изразцы и терракотовые изделия на сумму в 11 200 рублей в год. На производстве использовался конный двигатель и работало 17 человек [1, с. 288].

Поляк А. И., купец второй гильдии, владел гончарным заводом в г. Минске на улице Николаевской. Годовое производство изразцов и гончарной продукции составляло 4610 рублей. На производстве были заняты 8 рабочих и использовался керосиново-бензиновый двигатель с числом сил 6 [1, с. 288].

Мещанину С. М. Эпштейну принадлежал изразцово-гончарный завод в Борисовском уезде – в поселке Новоборисовъ, на улице Монопольной. На предприятии работало 14 человек. Годовая производительность завода составила 10 тыс. рублей [1, с. 288].

На территории ***Могилевской губернии*** действовало 16 предприятий, выпускавших печные изразцы [1, с. 288–289]. Купец Э. Л. Альперович владел гончарно-изразцовым и глазурным заводом в Горецком уезде в г. Копысе. На производстве изготавливались изразцы, терракотовые изделия и глазурь гончарная на сумму 25 400 рублей в год. Использовался конный двигатель и работало 34 человека [1, с. 288].

Б. Я. Гинзбургу, мещанину, принадлежал изразцовый завод в Горецком уезде в г. Копысе. На заводе изготавливали изразцы и терракотовые изделия на сумму 11 500 рублей в год. Количество рабочих составляло 24 человека, использовался конный двигатель [1, с. 289].

М.-Л. Л. Гуревич, купец, владел гончарно-изразцовым заводом в Горецком уезде – на улице Мало-Шкловской в г. Копысе. На производстве было занято 47 рабочих и конный двигатель. Изготавливались изразцы и терракотовые изделия на сумму 22 тыс. рублей в год [1, с. 289].

Мещанин Л. Ш. Долгин являлся собственником кафельно-изразцового завода в Горецком уезде в г. Копысе. На производстве изготавливались изразцы и терракотовые изделия на 7 тыс. рублей в год. Использовался конный двигатель. Численность рабочих завода – 18 человек.

И. А. Жорову, мещанину, принадлежали гончарный и изразцовый заводы в г. Копысе. На производстве было занято 3 рабочих и изготавливалась продукция на 2175 рублей в год [1, с. 289].

Мещанин С. Х. Иоффе владел гончарно-изразцовым заводом в г. Копысе. На предприятии изготавливались изразцы и терракотовые изделия на 11 700 рублей в год. Работало 20 человек и использовался конный двигатель [1, с. 289].

Купец второй гильдии Л. М. Коеой являлся собственником кафельного, изразцов терракотовых и химическо-глазурного завода в г. Копысе на улице Большой Слободской. Предприятие изготавливало продукции на 12 тыс. рублей в год. На производстве работало 28 человек и использовался конный двигатель [1, с. 289].

А. Л. З. Магин, мещанин, владел гончарно-изразцовым заводом в г. Копысе на улице Шкловской. На производстве изготавливали изразцы и терракотовые изделия на 8850 рублей в год и был задействован конный двигатель. Численность рабочих – 20 человек [1, с. 289].

Купцу первой гильдии И. Ш. Песельнику принадлежали гончарно-изразцовый и глазурный заводы в г. Копысе на улице Большой Слободской. На предприятии работало 77 человек. Изготавливались изразцы, глазурь, гончарные и терракотовые изделия на 33 950 рублей в год. Также в источнике отмечается, что в 1908 г. шел запуск изразцового завода № 2 И. Ш. Песельника по адресу 1-й стан, г. Копысь. Указана численность рабочих – 34 человека – и наличие конного двигателя с числом сил 2 [1, с. 289].

С. Ф. Соловейчик, мещанин, являлся собственником гончарно-изразцового завода в г. Копысе на улице Шкловской, выпускавшего изразцы и гончарную глазурь на 12 400 рублей в год. На производстве работало 13 человек и использовался конный двигатель [1, с. 289].

Дворянин Л. Н. Чачков владел гончарно-изразцовым заводом в Горецком уезде – в д. Сметанка Пугляйской волости. В источнике отмечается, что предприятие ранее принадлежало И. Ш. Песельнику. Указано имя арендатора – Г. М. Шалыто, мещанин. На предприятии изготавливались изразцы, глазурь, гончарные и терракотовые изделия на 20 500 рублей в год. Количество рабочих – 72 человека. Использовался конный двигатель [1, с. 289].

Купцу М. Л. Шалыте принадлежал гончарно-изразцовый завод в г. Копысе. На производстве изготавливались изразцы, терракотовые изделия и прочая гончарная продукция на 16 500 рублей в год. На предприятии было занято 39 рабочих и использовался конный двигатель [1, с. 289].

А. Х. Шапиро, мещанин, являлся собственником изразцового завода в г. Копысе, выпускавшего изразцы, глазурь гончарную и терракотовые изделия на 30 700 рублей в год. Указаны численность рабочих (39 человек) и наличие конного двигателя [1, с. 289].

Купец второй гильдии Ш. М. Яхнин владел двумя заводами. Один гончарно-изразцовый завод располагался в Быховском уезде в местечке Пропойск на р. Проне. На нем изготавливались изразцы на сумму 12 тыс. рублей в год, использовался конный двигатель с числом сил 2. На предприятии были заняты 10 человек [1, с. 289]. Второе предприятие под названием «Александровский изразцовый завод» располагалось в Чериковском уезде – в д. Старая Александровка Должанской волости. Изготавливали изразцы и глазурь на 14 тыс. рублей в год. На предприятии было занято 15 рабочих [1, с. 289].

В «Списке…» на территории ***Московской губернии*** отмечается шесть производств, занимавшихся выпуском изразцовой продукции. Братьям П. Д. Аблаженову (почетный гражданин) и К. Д. Аблаженову (купец второй гильдии) принадлежал гончарный завод в г. Москве, в Хамовниках. Изготавливали изразцы на сумму 19 550 рублей в год. Использовался керасиново-бензиновый двигатель с числом сил 6. На предприятии было занято 25 рабочих [1, с. 289].

М. И. Агапов, крестьянин, владел кирпично-изразцовым заводом в Богородском уезде – в д. Улитино Игнатьевской волости. На предприятии изготавливали изразцы, кирпич и глазурь на сумму 23 950 рублей в год. Использовался конный двигатель. Было занято 55 рабочих [1, с. 289].

Крестьянину А. П. Власову принадлежал гончарно-изразцовый завод в г. Москве (Пресненская часть, 1-й участок Черногрязской Слободки). Изготавливались изразцы на сумму 38 814 рублей в год. В производстве использовался конный двигатель. Количество рабочих – 55 [1, с. 290].

Торговый дом купцов братьев В. и И. Власовых владел изразцовым производством в г. Москве. Изготавливались изразцы и глазурь на сумму 77 500 рублей в год. Использовался нефтяной двигатель с числом сил 20. Было занято 80 рабочих [1, с. 290].

Ф. М. Пугин, крестьянин, владел изразцовым заводом в Богородском уезде – в д. Логипово Теренинской волости. Изготавливались изразцы на 4500 рублей в год. Количество рабочих – 7 [1, с. 291].

Крестьянину И. Е. Чеварзину принадлежал изразцовый завод в Богородском уезде – в д. Ефимова Теренинской волости. Изготавливались

изразцы на сумму 4500 рублей в год. Количество занятых на производстве рабочих – 7 [1, с. 292].

В ***Нижегородской губернии*** отмечается только один гончарный завод, принадлежавший Торговому дому Костин И. А. с племянниками. Располагалось предприятие в Нижнем Новгороде (Макарьевская часть, улица Александровская, Канавино). Изготавливались огнеупорный кирпич, изразцы и терракотовые изделия на сумму 36 200 рублей в год. Использовался локомобильный двигатель с числом сил 16. Количество рабочих – 100 [1, с. 293].

На территории ***Новгородской губернии*** зафиксировано два предприятия, занимавшиеся выпуском изразцовой продукции. Мещанин А. Ф. Гаген владел изразцовым заводом в Устюжинском уезде (Соминская волость, усадьба Чурилово). Изготавливались изразцы на сумму 1650 рублей в год. Число рабочих – 4 [1, с. 293].

Купцу И. И. Пирозерскому принадлежал гончарный и изразцовый завод в Тихвинском уезде (усадьба Веретье в Деревской волости). Изготавливались изразцы и прочая продукция на 6310 рублей в год. Количество рабочих – 8 [1, с. 294].

В ***Оренбургской губернии*** действовал изразцово-гончарный завод купца В. С. Мошкова. Предприятие располагалось в г. Оренбурге в Кузнечном переулке. Изготавливались изразцы и гончарные изделия на сумму 8604 рублей в год. Количество рабочих – 12 [1, с. 294].

На территории ***Пермской губернии*** располагался гончарно-печной и кирпично-делательный завод в г. Екатеринбурге на улице Бороздинской. Предприятие принадлежало потомственному почетному гражданину П. Ф. Давыдову. Производились огнеупорный и простой кирпич и изразцы на сумму 39 242 рубля в год. Использовался нефтяной двигатель с числом сил 57. Количество рабочих – 84 [1, с. 295].

В ***Петроковской губернии*** зафиксировано три предприятия, занимавшиеся выпуском изразцовой продукции.

Мещанин Б. Кнаах владел кафельным заводом в г. Лодзи на Вульчанской улице, 76. Изготавливались изразцы на сумму 18 тыс. рублей в год. Количество рабочих – 18 [1, с. 296].

Крестьянину И. Х. Краузе принадлежал изразцовый завод в Брезинском уезде (гмина Галковек, д. Андресполь). Изготавливались изразцы на 1600 рублей в год. Использовался локомобильный двигатель с числом сил 6. Количество занятых рабочих – 24 [1, с. 296].

Крестьяне братья А. и Т. Штенцели владели кирпичным заводом, расположенным в Ласком уезде (гмина Видзевь, д. Ксаверов). На предприятии изготавливали изразцы, кирпич простой и черепицу на сумму 33 500 рублей

в год. Использовался локомобильный двигатель с числом сил 35. Количество занятых рабочих – 60 [1, с. 298].

На территории ***Подольской губернии*** в г. Проскурове (в предместье Высокое) располагался Проскуровский керамический завод, принадлежавший купцу второй гильдии Ш. Ш. Гальперину. Изготавливались изразцы, кирпич простой и черепица на сумму 51 110 рублей в год. Использовался конный двигатель. Количество занятых рабочих – 202 [1, с. 298].

В ***Псковской губернии*** в г. Пскове (Выползова слобода) действовал изразцовый завод. Владели им купцы С. Я. Ривлин и И. Г. Борхов. Предприятие выпускало продукции на 6 тыс. рублей в год. Использовался локомобильный двигатель с числом сил 5. Количество рабочих – 12 [1, с. 299].

В ***Радомской губернии*** работали два предприятия, производившие изразцы. Акционерному обществу принадлежала фабрика «Мариваль» в г. Радоме. Изготавливались изразцы (196 тыс. рублей в год) и огнеупорный кирпич. Использовался паровой двигатель с числом сил 75. Количество рабочих – 259 [1, с. 300].

Акционерное общество керамических изделий «Дзевульский и Лянге» владело фабрикой терракотовых и глазурованных плиток и изделий из огнеупорной глины в г. Опочно. Изготавливались изразцы (224 тыс. рублей) и кирпич. Использовался паровой двигатель с числом сил 50. Количество рабочих – 282 [1, с. 300].

На территории ***Самарской губернии*** в г. Самаре работал гончарно-изразцовый и терракотовый завод, принадлежавший германскому подданому Э. К. Баару. На предприятии изготавливались изразцы, терракотовые и гончарные изделия на 11 800 рублей в год. Количество рабочих – 18 [1, с. 301].

В ***Санкт-Петербургской губернии*** отмечены три предприятия, выпускавшие изразцы. Купцу второй гильдии В. Е. Балашову принадлежал гончарно-изразцовый завод в г. Санкт-Петербурге (на улице Предтеченской). Изготавливались изразцы, гончарные изделия и печной и огнеупорный кирпич на сумму 35 253 рубля в год. Использовался паровой двигатель с числом сил 8. Количество рабочих – 43 [1, с. 301].

Потомственные почетные граждане владели гончарным заводом в г. Санкт-Петербурге (Обводной канал, 62). Изготавливались изразцы и разные гончарные изделия на сумму 25 570 рублей в год. Количество рабочих – 25 [1, с. 302].

М. В. Харламов, художник, владел гончарным заводом в г. Санкт-Петербурге (улица Предтеченская, 71). Изготавливались изразцы на сумму 12 140 рублей в год. Использовался электрический двигатель с числом сил 1. Количество рабочих – 10 [1, с. 303].

На территории ***Саратовской губернии*** в г. Саратове работал гончарно-изразцовый завод, принадлежавший купцу первой гильдии Н. И. Селиванову. На предприятии изготавливалось продукции на 8520 рублей в год. Использовался керасиново-бензиновый двигатель с числом сил 6. Количество рабочих – 15 [1, с. 304].

В ***Смоленской губернии*** отмечается кафельно-изразцовый завод купца П. А. Будникова в г. Смоленске на улице Тюремной. Изготавливались изразцы, керамические трубы, терракотовые и майоликовые изделия и печной кирпич на сумму 64 тыс. рублей в год. Использовался паровой двигатель с числом сил 16. Количество рабочих – 75 [1, с. 305].

На территории ***Седлецкой губернии*** работала фабрика изразцов «Леопольдовъ» (гмина Рыки, д. Росошь), принадлежавшая дворянину В. С. Лясоцкому. На предприятии изготавливалось продукции на 12 тыс. рублей в год. Использовался конный двигатель. Количество рабочих – 27 [1, с. 306].

В ***Тамбовской губернии*** действовали два производства, изготавливавшие изразцы. Кирпичным и гончарно-изразцовым заводом в г. Тамбове владел мещанин П. Н. Ефимов. Изготавливались кирпич простой и огнеупорный и изразцы на сумму 13 065 рублей в год. Количество рабочих – 34 [1, с. 306].

Купцу М. П. Короткову принадлежал гончарно-изразцовый завод в г. Тамбове (Успенская площадь, собственный дом). Изготавливались изразцы и печной кирпич на сумму 14 240 рублей в год. Количество рабочих – 18 [1, с. 306].

На территории ***Тульской губернии*** отмечается кирпичный завод в г. Туле на берегу р. Воронки (близ Курского вокзала), которым владел И. М. Никитин. Изготавливались кирпич и изразцы на сумму 3200 рублей в год. Количество рабочих – 8 [1, с. 308].

В ***Харьковской губернии*** в г. Харькове на улице Москалевской, 91 работал кафельный завод, принадлежавший купцу В. В. Петрову. Изготавливались кирпич огнеупорный и простой и прочие виды продукции на сумму 15 500 рублей в год. Использовался конный двигатель. Количество рабочих – 35 [1, с. 309].

В ***Ярославской губернии*** отмечается наличие трех предприятий. Купец второй гильдии В. А. Аксенов владел гончарно-изразцовым заводом в Панфиловской волости. Изготавливались изразцы на сумму 58 504 рублей в год. Использовался паровой двигатель с числом сил 12. Количество рабочих – 95 [1, с. 312].

Гончарно-изразцовый завод в г. Рыбинске на Черемушной набережной, 8 (за р. Черемухой) принадлежал купцу второй гильдии К. П. Волкову.

Изготавливались изразцы и кирпич на сумму 18 857 рублей в год. Использовался конный двигатель. Количество рабочих – 28 [1, с. 312].

Рыбинскому лесопромышленному обществу принадлежал гончарный изразцовый завод в Рыбинском уезде – в д. Б.-Тоговщина Ивановской волости. Изготавливались изразцы и кирпич на сумму 19 583 рубля в год. Количество рабочих – 35 [1, с. 312].

Таким образом, «Список фабрик и заводов Российской Империи» 1912 г. позволил установить, что на территории Российской империи действовало 87 производств, занимавшихся изготовлением изразцовой продукции. Изготовление изразцов в большинстве случаев сочеталось с производством другой керамической продукции (кирпич, трубы, гончарные изделия и др.).

Предприятия располагались неравномерно по губерниям и областям. Так, в 21 административной единице действовало по одному предприятию, в пяти – по два предприятия, в пяти – по три предприятия, в двух – по четыре предприятия, в одной – пять предприятий, в двух – по шесть предприятий, в одной – 16 предприятий (Могилевская губерния). Изразцовое производство на территории белорусских земель по количеству предприятий (Витебская, Гродненская, Минская и Могилевская губернии) составляло 31,03 % от предприятий всей Российской империи. Отдельно следует отметить Могилевскую губернию, на территории которой располагалось 16 предприятий (18,39 %). Предприятия, производившие изразцы, составляли 5,69 % от предприятий отрасли по обработке минеральных веществ.

В сравнении с источником «Фабрично-заводская промышленность России. Перечень фабрик и заводов» (1897) «Списокъ фабрикъ и заводовъ Россiйской Имперiи» (1912) содержит в разы меньше критериев для описания действующих производств, информация подана в очень сокращенном виде [3, с. 73–77].

Владельцами производств были: мещане (28 предприятий); купцы (22 предприятия); крестьяне (8 предприятий), дворяне (5 предприятий); почетные граждане (4 предприятия), иностранные подданые (3 предприятия), торговый дом (2 предприятия), акционерное общество (2 предприятия). Небольшую категорию представляют предприятия, социальный статус владельцев которых не указан в источнике или принадлежит отдельным лицам (например, художник) или обществу (например, лесопромышленное общество).

Большинство предприятий отрасли использовали двигатели разных категорий: конный (35,6 %), паровой (11,5 %), локомобильный (9,2 %), керосиново-бензиновый (3,4 %), электрический (2,3 %), нефтяной (2,3 %), газовый (1,2 %). Для 34,5 % предприятий нет указания на использование двигателя.

Количество рабочих, занятых в производстве изразцов, может быть подсчитано достаточно условно, поскольку большинство предприятий специализировалось не только на производстве изразцов, но и на выпуске другой продукции. Всего на предприятиях, согласно источнику, было занято 3360 рабочих.

Источники и литература

1. Список фабрик и заводов Российской империи : сост. по офиц. сведениям Отд. пром-сти М-ва торговли и пром-сти под ред. В. Е. Варзара. – СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. – 720 с.

2. Шуткова, Н. П. Изразцовые печные наборы Могилевского Поднепровья (XVI–XVIII вв.) : монография / Н. П. Шуткова. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2023. – 168 с.

3. Шуткова, Н. П. «Фабрично-заводская промышленность России. Перечень фабрик и заводов» 1897 г. как источник по изучению изразцового производства белорусских земель / Н. П. Шуткова // Коммуникации. Общество. Духовность – 2024: к Году семьи : XXIV Междунар. науч.-практ. конф., Ухта, 23–24 мая 2024 г. : материалы конф. – Ухта : УГТУ. – С. 73–77.

Да зместу

ЭТНАЛОГІЯ, КУЛЬТУРНАЯ АНТРАПАЛОГІЯ

УДК 93/94:391

А. М. Варабей
Мінск, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
культуры і мастацтва

РЭКАНСТРУКЦЫЯ І ПРЭЗЕНТАЦЫЯ ШЛЯХЕЦКАГА СТРОЮ XVI–XVII СТАГОДДЗЯЎ

У артыкуле разглядаюцца разнастайныя падыходы да рэканструкцыі і музейнай рэпрэзентацыі шляхецкага строю Вялікага Княства Літоўскага (далей – ВКЛ) XVI–XVII стст. Прыводзіцца класіфікацыя і кароткая характарыстыка крыніц для вывучэння шляхецкага строю ВКЛ, удакладняецца паняційна-тэрміналагічны апарат, які тычыцца рэканструкцыі элементаў касцюма. Прыводзяцца асноўныя прыёмы музеефікацыі і рэпрэзентацыі ў сучасных умовах.

Ключавыя словы: шляхецкі строй, сарматызм, экспанаванне, рэканструкцыя, аўтэнтык, копія, рэпліка, фурнітура, музеефікацыя, экспазіцыя.

The article examines various methods of reconstruction and museum representation of the nobility costume of the Grand Duchy of Lithuania in 16th – 17th centuries. It provides a classification and a brief description of sources for studying the nobility clothing of the Grand Duchy of Lithuania, and clarifies the conceptual and terminological apparatus related to the reconstruction of costume elements. The article presents the main techniques of museumization and representation in modern conditions.

Keywords: noble system, Sarmatism, exhibition, reconstruction, authentic, copy, replica, fittings, museumification, exposition.

Методыка рэканструкцыі гістарычнага касцюма ўключае як агульнанавуковыя, так і спецыяльныя метады. Сістэмны і параўнальны метады даюць інструменты для апрацоўкі крыніцавай базы па вывучэнні шляхецкага строю ВКЛ XVI–XVII стст., якая досыць шырокая. Можна вылучыць наступныя падгрупы.

1. Іканаграфічныя крыніцы – партрэты шляхты і магнатэрыі, касцюмныя кнігі XVI–XVIII стст., гравюры і замалёўкі бытавых, батальных сцэн, роспісы храмаў, у тым ліку барэльефы. Асобна трэба вылучыць кравецкія кнігі, якія даюць звесткі аб тэхналогіях пабудовы лекал і пашыву рэчаў.

2. Архіўныя крыніцы. Да гэтай групы можна аднесці судовыя і іншыя акты (тэстаменты, судовыя крымінальныя справы, прэтэнзіі), літаратурныя творы, мемуары эпохі, гісторыка-геаграфічныя даведнікі. Пошук, расчытка, пераклад і інтэрпрэтацыя архіўных спраў – нялёгкая справа, якая патрабуе адмысловых ведаў і часу. Найбольш даступныя для даследавання касцюма

апублікаваныя крыніцы з архіваў. У XIX ст. створаныя ў Расійскай імперыі Археаграфічныя камісіі займаліся апрацоўкай і публікацыяй архіўных крыніц. Пэўная колькасць дакументаў, у якіх узгадваюцца прадметы адзення, тканіны, сустракаецца ў справаводстве розных судовых установ з тэрыторыі ВКЛ, апублікаваным у розных тамах Актаў Віленскай Археаграфічнай камісіі (АВАК), а таксама ў іншых зборах (АСД, АЗР, АЮЗР і г. д.). Пэўныя звесткі агульнага характару можна атрымаць з мемуараў Гіёма Левасёра дэ Баплана, Зыгмунта Герберштэйна, прац Шымона Старавольскага і іншых геаграфічных даведнікаў таго часу.

3. Навуковыя працы. Трэба канстатаваць факт, што ў айчыннай навуковай літаратуры дадзенай тэме нададзена недастаткова ўвагі. Гісторыя шляхецкага (і не толькі) касцюма на тэрыторыі Беларусі разгледжана ў грунтоўных працах М. В. Бялявінай [1; 2]. Сярод замежных даследчыкаў можам вызначыць працы К. Блюсевіча, С. Шаменкова і І. Пагарэльскай [3–6]. Гэтыя аўтары не толькі займаюцца тэарэтычным даследаваннямі, але і практычна апрабоўваюць вынікі даследаванняў у фармаце “жывой гісторыі”. Улічваючы ўсходні генезіс традыцыйнага “сармацкага” строю ВКЛ, цікавыя артыкулы В. Пракапенка, якія разглядаюць гісторыю развіцця арыентальнага касцюма і элементаў узбраення [7].

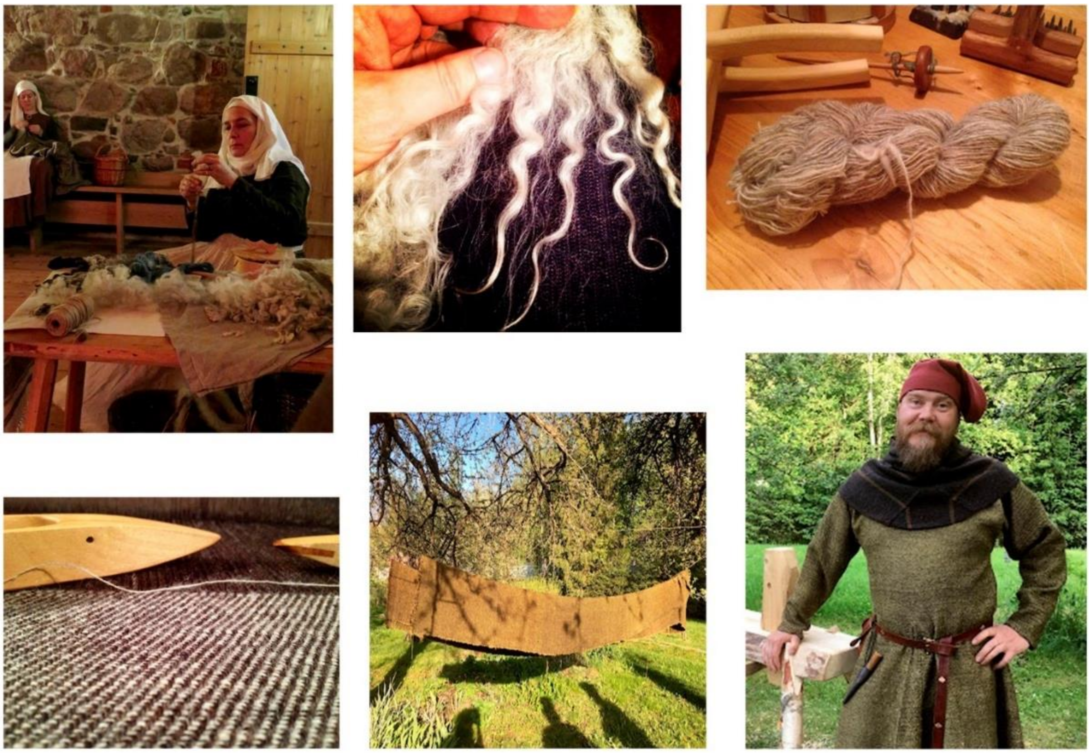
4. Захаваныя арыгінальныя прадметы – элементы строю. Да гэтай падгрупы трэба аднесці археалагічныя прадметы, у першую чаргу металічныя вырабы: гузікі, спражкі, зашпількі, дэталі паясоў і інш. [8]. Калі казаць аб дакладнай прывязцы да шляхецкай культуры, то трэба адзначыць грунтоўную працу А. А. Башкова па даследаванні шляхецкіх рэзідэнцый Берасцейшчыны [9]. Вынікі даследавання месца Берасцецкай бітвы І. Свешнікавым дагэтуль з’яўляюцца ўзорнымі ў дачыненні рэканструкцыі строю і рыштунку былой Рэчы Паспалітай сярэдзіны XVII ст. [10]. Развіццё абутку ў перыяд ранняга Новага часу разгледжана ў артыкулах А. Аўласовіча [11].

Важным крокам з’яўляецца выбар і абгрунтаванне ступені дакладнасці і аўтэнтычнасці выканання мадэлі. У практыцы айчыннай і замежнай гістарычнай рэканструкцыі існуе ўмоўная градацыя ў залежнасці ад ступені прапрацоўкі, адпаведнасці аўтэнтычнаму матэрыялу, тэхналогіі, пабудове лекал і г. д. Часам узнікаюць дыскусіі наконт дакладнасці тэрміналогіі [12; 13].

Копія лічыцца найдакладнейшым паўторам арыгінальнай рэчы. У адносінах да музейных прадметаў копіяй лічыцца рэч, якая адпавядае арыгіналу не толькі па габарытных дадзеных (памерах, прапорцыях), тэхналогіі вытворчасці, колеры, матэрыялах. Ідэальная копія – гэта цэласная пабудова ўсяго ланцуга вытворчасці прадмета, пачынаючы, напрыклад, ад пасадкі лёну, капання балотнай руды, ссякання дрэва і г. д. Пры гэтым увесь працэс і яго асобныя кампаненты павінны адпавядаць гістарычным

аналагам. Па вялікім рахунку, гэта і ёсць “крышталізаваная” навуковая рэканструкцыя ўзроўню “эксперыментальнай археалогіі”.

Падобным прыкладам працэсу гістарычнай рэканструкцыі строю можа служыць працэс вытворчасці знакамітай тунікі з Бокстэну, пададзены ў блогу HIBERNAATIOPESÄKE (малюнак 1). Вытворчасць тунікі пачынаецца з вырабу нітак, вырабніцтва, акрасу тканіны натуральнымі фарбавальнікамі. Сам раскрой і пашыццё – зразумела, уручную – ёсць фінал працэсу [14].



Малюнак 1 – Выраб дакладнай рэплікі бокстэнскай тунікі

Аднак у дадзеным выпадку мы сутыкаемся з шэрагам пытанняў. Кожная рэч выраблялася пад пэўную асобу з пэўнымі прапорцыямі. Прапорцыі чалавечага цела змяняліся на працягу стагоддзяў, не кажучы аб тым, што яны заўсёды індывідуальныя. Дакладная копія гістарычнай рэчы можа пасаваць толькі для выставы ў музейнай вітрыне. Наступнае пытанне – працяглы і досыць дарагі па кошце працэс вытворчасці, які мае выключную каштоўнасць у якасці навуковага эксперымента, але не заўсёды мэтазгодны, калі гаворка ідзе пра напаўненне экспазіцыі ці вырабу рэквізіту для масавых музейных мерапрыемстваў. У гэтым выпадку мы можам казаць пра рэпліку ці версію строю.

Рэпліка – паўтор арыгінала з невялікімі адрозненнямі. Рэпліка вырабляецца з арыгінальнага ўзора, па арыгінальнай тэхналогіі з захаваннем

аўтэнтычнага крою, швоў, апрацоўкі, але з сучасных матэрыялаў, якія адпаведны гістарычным (матэрыялы тыя ж, але фабрычна вырабленыя, з дадаткам сучасных ніцей і г. д.). Ёсць меркаванне, што дапушчальна ўжываць сучасную фурнітуру, ленты, галуны і г. д, але ўсё ж лічыцца, што гэта “касплэй”.

Версія – сучасны выраб у поўнай адпаведнасці з крыніцамі, тэхналогіямі вытворчасці, які не мае адпаведнага захаванага арыгінальнага прататыпа.

Калі мы не маем захаванага арыгінала элемента строю, але ёсць выявы, вопісы, успаміны – ужываецца тэрмін “рэканструкцыя”. Важным момантам, што звязвае паняцці “рэпліка” і “рэканструкцыя”, з’яўляецца адсутнасць уласных домыслаў і фантазій аўтара. Не толькі знешняе падабенства, але і тэхнікі і тэхналогіі вытворчасці мусяць адпавядаць арыгіналу.

Калі гаворка ідзе аб масавых імпрэзах, сцэнках, квэстах, дапускаецца ўжываць т. зв. касплэй, ці строй-вобраз, стылізацыю. У гэтым выпадку строй вонкава адпавядае гістарычнаму пры максімальным выкарыстоўванні сучасных тэхналогій і матэрыялаў.

У падыходах да прэзентацыі строю ў сучаснай музейнай прасторы можна вылучыць некалькі варыянтаў у залежнасці ад мэт, задач, узроўню фінансавання, аўдыторыі.

Класічны калекцыйны, ці сістэматычны, метад прымяняецца ў выпадку, калі трэба прадэманстраваць наведвальніку калекцыю, заснаваную на базе профільнай навуковай дысцыпліны. Гэты метад, нягледзячы на сучасныя інавацыйныя падыходы, працягвае лічыцца асноўным у музейным праектаванні.

У мемарыяльных (гісторыка-мемарыяльных) музеях, створаных на базе аўтэнтычнай архітэктурнай прасторы і адпаведных бытавых рэчаў, прымяняецца ансамблевы метад, калі на аснове музейнай калекцыі трэба аднавіць пэўнае асяроддзе, звязанае з гісторыка-культурным працэсам, падзеяй ці з’явай.

Акрамя мемарыяльных, гэты метад запатрабаваны ў гісторыка-бытавых і этнаграфічных музеях (малюнак 2). У экспазіцыях, якія будуюцца на аснове ансамблевага метаду, паспяхова ўжываюцца сучасныя інтэрактыўныя тэхналогіі – гульнявыя і тэатральныя. Актыўна прымяняецца ў дадзеным выпадку метад рэканструкцыі – ствараецца “жывы музей”. “Жывы музей” прадугледжвае асаблівыя экспазіцыйна-тэматычныя зоны зносін, дзе наведвальніку дазваляецца ў нейкім сэнсе парушаць традыцыйныя правілы наведвання музеяў, напрыклад класічнае “экспанаты рукамі не чапаць” [15, с. 25–29].

Малюнак 2 – Экспазіцыя гісторыка-мемарыяльнага музея “Сядзіба Нямцэвічаў”

Да навукова-папулярных метадаў музеефікацыі касцюма і яго элементаў можна аднесці ілюстратыўна-тэматычны метад (тэматычны, ці комплексна-тэматычны). Асноўнай структурнай адзінкай у дадзеным выпадку з’яўляецца тэматыка-экспазіцыйны комплекс, які ўключае невялікую колькасць разнародных экспанатаў, што ілюструюць нейкую навукова-экспазіцыйную думку, адлюстраваную ў тэксце-каментарыі. З падобных комплексаў складваецца экспазіцыйная тэма, з тэмы – раздзел экспазіцыі і г. д. Узнікшая экспазіцыя нагадвае ілюстраваную навукова-папулярную манаграфію. Прынцыповае адрозненне ў тым, што ў якасці ілюстрацый прапанавана выкарыстоўваць сапраўдныя матэрыяльныя сведчанні тых падзей, аб якіх расказваецца ў экспазіцыі [15, с. 31–29].

У выпадку недахопу музейнай прасторы ці музейных прадметаў ужываецца музейна-вобразны метад з ліку мастацкіх метадаў. У музеі ствараецца экспазіцыйна-мастацкі вобраз, які не ілюструе навуковую ідэю, а з’яўляецца самастойным мастацкім творам з музейнай спецыфікай. У гістарычных, гісторыка-краязнаўчых музеях на аснове музейна-вобразнага метада ствараюцца дыярамы ці панарамы. У выпадку стварэння

міні-дыярам іх стваральнікі працуюць на навуку, адлюстроўваючы ў ілюстрацыйна-вобразнай форме канкрэтную навуковую ці навукова-папулярную тэзу.

Аднак вялікія мастацкія дыярамы ці панарамы на гістарычную тэматыку могуць займаць усю экспазіцыйную прастору, выцясняючы навукова-папулярныя і тэматыка-экспазіцыйныя комплексы. У мастацка-гістарычныя дыярамы павінны арганічна ўключацца арыгінальныя музейныя рэчы [15, с. 34–37].

Найфектыўнейшым сродкам музейнай рэпрэзентацыі строяў і наогул матэрыяльнай культуры пэўнага перыяду з’яўляецца правядзенне інтэр-актыўных мерапрыемстваў – ад невялікіх імпрэз да буйных міжнародных фестываляў (малюнак 3). Гэта той выпадак, калі навуковы падыход удзельнікаў пры адраджэнні матэрыяльнай культуры папулярызуе гістарычную спадчыну ў масавай свядомасці. Важна не проста дэманстраваць наведвальнікам нешта, а старацца ўцягваць іх, асабліва дзяцей, у пэўную дзейнасць – ад “жывой археалогіі” да гістарычных танцаў (малюнкі 4, 5).

Малюнак 3 – Фестываль ля сцен Мірскага замка

Малюнак 4 – Імпрэза каля археалагічнага музея “Бярэсце”

Малюнак 5 – Інтэрактыў для дзяцей. Музей “Бярэсце”, 2019 г.

Крыніцы і літаратура

1. Бялявіна, В. М. Беларускі касцюм / В. М. Бялявіна, Л. В. Ракава. – Мн. : Беларусь, 2017. – 461 с.

2. Бялявіна, В. М. Мужчынскі касцюм на Беларусі / В. М. Бялявіна, Л. В. Ракава. – Мн. : Беларусь, 2007. – 303 с.

3. Blusiewicz, K. Obuwie warszawskie z XIV–XVIII wieku: ze zbiorów archeologicznych Muzeum Historycznego m. st. Warszawy / K. Blusiewicz // Archeologia dawnej Warszawy. T. 1. – Warszawa, 2009. – 224 s.

4. Шаменков, С. Одяг, військове спорядження та зовнішній вигляд козацької старшини середини – другої половини XVII ст. / С. Шаменков. – URL: https://www.academia.edu/44491251/Сергій_Шаменков_Одяг_військове_спорядження_та_зовнішній_вигляд_козацької_старшини_середини_другої_половини_XVIIст_Serhii_Shamenkov_Clothing_Military_Equipment_and_Appearance_of_Cossack_Officers_in_the_Middle_Second_Half_of_the_17th_Century (дата обращения : 07.05.2022).

5. Шаменков, С. Поясний одяг в гардеробі населення українських земель та в костюмі козацтва кінця XVI першої половини XVII ст. / С. Шаменков // Археологія & Фортифікація України : зб. матеріалів VI Міжнар. наук.-практ. конф. – Кам’янець-Подільський, 2016. – С. 198–201.

6. Irena Pogorzelska. – URL: https://independent.academia.edu/Irena Pogorzelska (date of access: 20.05.2022).

7. Прокопенко, В. Сабельный портупейный подвес с крючком-застежкой. Восточная Европа, Османская Империя – XVI – начало XVIII в. / В. Прокопенко // Історія давньої зброї. Дослідження 2014. – Київ, 2014. – С. 180–191.

8. Археалогія Беларусі. У 4 т. Т. 4. Помнікі XIV–XVIII стст. / В. М. Ляўко [і інш.]. – Мн. : Бел. навука, 2001. – 597 с.

9. Башков, А. А. Шляхетские резиденции Брестчины в свете археологических исследований: Ружаны, Скоки, Коссово, Закозель : монография / А. А. Башков ; М-во образования Респ. Беларусь, Брест. го.с ун-т им. А. С. Пушкина. – Брест : БрГУ, 2017. – 287 с.

10. Свешніков, І. К. Битва під Берестечком / І. К. Свешніков. – Львів : Слово, 1992. – 304 с.

11. Авласович, А. Кожаная обувь XVI–XVII вв. северо-восточных городов Беларуси / А. Авласович // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи : матеріали IX Міжнар. студент. наук. археол. конф., Чернігів, 16–18 квітня 2010 р. / Ін-т археології НАН України ; Чернігів. нац. пед. ун-т Т. Г. Шевченка ; Ін-т археології та стародавньої історії Північ. Лівобережжя. – Чернігів : ЧНПУ ім. Т. Г. Шевченка, 2010. – С. 13–14.

12. Калашникова, Н. М. К вопросу о дефенициях: реконструкция – копия – реплика костюма / Н. М. Калашникова. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-definitsiyah-rekonstruktsiya-kopiya-replika-kostyuma (дата обращения: 25.03.2025).

13. Копия? Реплика? Реконструкция? // Творческая мастерская «Дерево». – URL: https://vk.com/@tmdrevo-kopiya-replika-rekonstrukciya (дата обращения: 25.03.2025).

14. Bockstenin miehen innoittamana // HIBERNAATIOPESÄKE. – URL: https://hibernaatio.blogspot.com/2016/06/bockstenin-miehen-innoittamana-inspired.html?fbclid=IwY2xjawJ--mlleHRuA2FlbQIxMABicmlkETFnWkx6MndmMTRyOThrOUNjAR7OdrEY-PlR9JpEvj2xE7ROsYKLal1Ms4K2nbUkelzMwDSuCOZQbpTOo4rBJ5g_aem_pCOpU1gu_A9sdUFgIwNeHg (data of access: 25.04.2025).

15. Поляков, Т. П. Музейная экспозиция: методы и технологии актуализации культурного наследия / Т. П. Поляков. – М. : Ин-т наследия, 2018. – 588 с.

Да зместу

УДК 728.1:745(476.6)

Д. А. Коўшар
Мінск, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

ВЕТКАЎСКІЯ ЛІШТВЫ ЯК ЧАСТКА КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ СТАРААБРАДЦАЎ

Артыкул прысвечаны вывучэнню асаблівасцей ліштваў як неад'емнай часткі культурнай спадчыны Веткаўскага краю. Грунтуючыся на аналізе гістарычных звестак, даследчых прац і матэрыялаў палявых даследаванняў, у артыкуле разглядаюцца гісторыя развіцця разьбянога мастацтва ў рэгіёне, тыпалогія і стылістыка ліштваў. Асаблівая ўвага надаецца сімвалічнаму значэнню разьбяных элементаў, іх сувязі з народнымі вераваннямі і традыцыямі, а таксама ўплыву гістарычных і культурных падзей на фарміраванне ўнікальнага аблічча веткаўскіх ліштваў.

Ключавыя словы: Ветка; стараабрадцы; разьба па дрэве; ліштвы; падаконнік; надаконнік; аканіцы; матывы ў разьбе; абярэг; традыцыйнае мастацтва.

This article is devoted to the study of the features of window frames as an integral part of the cultural heritage of the Vetkovsky region. Based on the analysis of historical information, research papers and field research materials, the article examines the history of the development of woodcarving art in the region, the typology and stylistics of window frames. Special attention is paid to the symbolic meaning of the carved elements, their connection with folk beliefs and traditions, as well as the influence of historical events and cultural influences on the formation of the unique appearance of the Vetkov window frames.

Keywords: Vetka; Old Believers; wood carving; window frames; upper part of the window; window sill; shutters; motifs in carving; amulet; traditional art.

Ветка – невялікі горад на Гомельшчыне, які, дзякуючы багатай гісторыі і ўнікальнаму культурнаму ландшафту, з даўніх часоў прыцягвае да сябе ўвагу даследчыкаў і аматараў традыцыйнага мастацтва. Яго асаблівы каларыт вызначаецца не толькі школай іканапісу і кніжнай культурай, але і майстэрствам разьбы па дрэве, найбольш яркім выражэннем якога з'яўляюцца не менш знакамітыя веткаўскія ліштвы.

Гісторыя Веткі непарыўна звязана з царкоўным расколам XVII ст. Рэформа, ініцыяваная патрыярхам Ніканам, выклікала хвалю пратэстаў сярод вернікаў, якія не прынялі новыя абрады і захавалі вернасць старадбрадніцкай традыцыі. Стараабрадцы, якія падвяргаліся жорсткім праследам у Маскве, вымушаныя былі шукаць прытулку на тэрыторыі Рэчы Паспалітай. У 1680-х гг. на берагах р. Сож і з'явілася Ветка – горад, заснаваны тымі, хто імкнуўся захаваць сваю веру і традыцыі. Палітычнае становішча Рэчы Паспалітай і аддаленасць ад цэнтральнай Расіі спрыялі захаванню і развіццю ўнікальных культурных традыцый [1, с. 71]. У Ветцы склалася ўнікальная школа іканапісу, дзе візантыйскія каноны гарманічна

спалучаліся з мясцовымі мастацкімі традыцыямі. Кніжная справа таксама дасягнула значных вышынь, ствараючы непаўторныя рукапісныя і старадрукаваныя кнігі. Геаграфічнае размяшчэнне Веткі ў зоне ўмеранага клімату з перавагай лясных масіваў аказала значны ўплыў на развіццё традыцыйных рамёстваў, у тым ліку і разьбы па дрэве, дзе беларускія традыцыі гарманічна спалучаюцца з барочнай веліччу і стараабрадніцкім духам. Менавіта гэта надае Ветцы яе непаўторную адметнасць.

Здаўна жыхары беларускіх зямель шанавалі дрэва, выкарыстоўваючы яго для пабудовы жылля і гападарчых памяшканняў, майстравалі мэблю і транспартныя сродкі, выраблялі прылады працы, посуд [2, с. 2]. Аднак менавіта архітэктурную разьбу на беларускіх землях сталі выкарыстоўваць, верагодна, толькі пасля рэформы 1861 г. У гэты ж час назіраецца пераход ад курных хат да “чыстых” хат з комінамі [3, с. 17]. Гэта, у сваю чаргу, дазволіла павялічыць памеры вокнаў і выкарыстоўваць рамы са шклом. Вокны сталі складанай канструкцыяй: рама збіралася асобна і ўстаўлялася ў зруб. Шчыліны паміж рамай і зрубам старанна затыкалі мохам, каб забяспечыць цеплаізаляцыю, а зверху закрывалі дошкамі шалёўкі, якія з часам замяніліся аканіцамі. Каб абараніць асадачны паз ад дажджу і снегу, да верхняга бруса рамы прымацоўвалі шырокую дошку. Гэта плоскасць неўзабаве прыцягнула ўвагу разьбяроў, якія пачалі ўпрыгожваць яе рознымі спосабамі. Спачатку яны выпілоўвалі край дошкі хвалістым контурам, свідравалі адтуліны, аздаблялі накладнымі рэечкамі, ромбікамі ці кружочкамі. Паступова дэкор станавіўся ўсё больш складаным і вытанчаным, з’яўляліся выявы галінак, птушак і жывёл. Уся гэтая разнастайнасць элементаў, аб’яднаная ў адзіную кампазіцыю, утварала ліштвы [4, с. 10–11]. Такім чынам, ліштва складаецца з некалькіх элементаў: надаконнік (надваконнік); рама; падаконнік (падваконнік); аканіцы.

Існуюць розныя класіфікацыі ліштваў, у асноўным паводле формы, памеру і аздаблення надаконніка. У ніжнепасожскай традыцыі разьбянога архітэктурнага дэкору, куды, паводле класіфікацыі Я. Г. Малікава, ўваходзіць Веткаўскі раён, пераважаюць такія тыпы ліштваў, як франтонныя прапільныя і карункавыя [5, с. 92]. У аснове гэтага франтоннага тыпу ліштваў (фота 1) ляжаць надаконнікі з ламанай, пад трохвугольны або закруглены франтон, лініяй карніза, з якога звісаюць шырокія прапільныя карункі над плоскасцю лабавой дошкі, у некаторых выпадках карункі могуць і адсутнічаць. Такога тыпу ліштвы нярэдка ілюструюць сабой уплыў барока, а потым і класіцызму [4, с. 18]. Карункавыя ліштвы (фота 2) вызначаюцца надаконнікам з выразным карнізам, над якім размешчана тонкая вертыкальная дошка-карона, апрацаваная контурнай ці скразяной разьбой, пад ім – шырокая лабавая дошка з накладнымі ці прапільнымі выявамі [6, с. 84].

а)

б)

в)

г)

Фота 1 – Прыклады ліштваў франтоннага тыпу:
а) г. Ветка, вул Грамыка, 95; б) г. Ветка, вул Грамыка, 88;
в) г. Ветка, вул. Д. Кавалёва, 16; г) г. Ветка, завул. Парыжскай камуны, 10

а)

б)

в)

г)

Фота 2 – Прыклады ліштваў карункавага тыпу:
а) г. Ветка, вул Грамыка, 56; б) г. Ветка, вул. Свярдлова, 14;
в) г. Ветка, вул. Парыжскай камуны, 58; г) г. Ветка, завул. Парыжскай камуны, 28

Менавіта ў веткаўскіх ліштвах адчуваецца імкненне да дэкаратыўнасці і вытанчанасці, што адрознівае іх ад больш стрыманых форм, характэрных для іншых рэгіёнаў Беларусі. Разьбяры Веткі не толькі

віртуозна валодалі тэхнікай, але і ўкладвалі ў свае творы глыбокі сімвалічны сэнс, які адлюстроўвае імкненне да мастацкага асваення свету, да разумення і ўпарадкавання навакольнай рэальнасці праз эстэтычныя ідэалы [7, с. 188]. Таму знаёмыя з дзяцінства расліны і жывёльны свет служылі ўзорам для народных разьбяроў, натхняючы на стварэнне ўнікальных узораў. Акрамя таго, многія матывы архітэктурнай разьбы бяруць свой пачатак з багата аздобленых старадаўніх рукапісаў і з традыцыі карункавых разьбяных аб'ёмных іканастасаў стараабрадцаў. Нельга не згадаць і пра матывы з ткацтва, бо Веткаўскі раён, асабліва Неглюбка, славіцца сваімі каларытнымі ручнікамі, арнаменты якіх часта пераносіліся на драўляныя элементы, ці наадварот. Усё гэта дало пачатак да ўвядзення ў 1980-я гг. у навуковы ўжытак тэрміна "веткаўская разьба" [8, с. 38].

Акрамя таго, ліштвы вокнаў, безумоўна, захоўваюць памяць пра трох'ярусную мадэль сусвету. Іх надаконныя дошкі ўяўляюць сабой "нябесны" ярус, напоўнены раслінным арнаментам. Гэта сімвал росту, жыцця, сувязі з вышэйшымі сіламі. А самі вокны – гэта "зямны" ярус з крыжам рамы, з кветкамі ў гаршках, калі яны ёсць (і тое, і другое – вобраз Сусветнага дрэва), і з самімі жыхарамі дома, якіх мы можам убачыць праз гэтае акно [9, с. 28]. Вокны ўспрымаліся як сувязь з навакольным светам, як магчымасць бачыць і быць убачанымі. Ніжэй, пад вокнамі, у разьбяных элементах дэкору пануюць тэмы водных істот і знакаў ніжняга свету, напрыклад цмокаў. Лічылася, што іх размяшчэнне ў ніжняй частцы ліштвы абараняе жыхароў дома ад начных напасцяў, ад злых духаў і іншых небяспек, якія чакаюць у цемры.

Ніжэй разгледзім кожны элемент ліштваў і яго семантыку.

Як ужо згадвалася вышэй, першапачаткова галоўная функцыя аканіц – закрываць шчыліны ў вокнах і абараняць дом ад холаду і скразнякоў. Таму калісьці акно мела звычайна толькі адну аканіцу, потым пачалі вешаць па дзве. З-за дарагавізны шкла і адсутнасці падвоеных рам аканіцы шчыльна закрываліся на ноч, а таксама ў час моцных вятроў і маразоў [4, с. 15]. Яны былі неабходнай часткай дома і адным з асноўных элементаў, якія дазвалялі захаваць цяпло.

У большасці дамоў, пабудаваных у ніжнепасожскай традыцыі, вокны ўпрыгожваліся двухстворкавымі аканіцамі. Гэта быў самы распаўсюджаны варыянт. Зрэдку можна было сустрэць адна- і чатырохстворкавыя аканіцы, але гэта хутчэй выключэнне, чым правіла. Большасць аканіц складалася з трох філёнг – устаўных панэляў, якія ўтваралі асноўную плоскасць аканіцы. Звычайна рэльефныя філёнгі былі адзіным упрыгожваннем, без дадатковых элементаў, такіх як разьба ці малюнкі [5, с. 118]. Асноўная ўвага ўдзялялася форме і фактуры саміх філёнгаў. Аднак на дамах,

пабудаваных, хутчэй за ўсё, пасля вайны, сустракаліся аканіцы з аздабленнем у выглядзе ромбаў, крыжоў, радзей – ажурнай рашоткі.

У савецкі час роля аканіц зменшылася, таму можна ўбачыць вокны і без іх [4, с. 15]. Замест традыцыйных аканіц тут выкарыстаны “вушкі” – невялікія дэкаратыўныя элементы, якія ўстанаўлівалі па баках акна, што надавала ім сучасны выгляд.

Франтонны тып ліштваў лічыцца больш старажытным за карункавы, датуецца прыкладна канцом XIX – XX ст. і характарызуецца простай, але гарманічнай формай надаконніка, выкананага ў класіцыстычным стылі. Гэта сведчыць пра імкненне мясцовых жыхароў пераймаць гарадскую культуру, капіраваць элементы каменных будынкаў, імкнучыся да элегантнасці і вытанчанасці. Верхняя частка наваконніка ўтварае двухсхільны дах, а вуглы кароны аздоблены пілястрамі з дэкаратыўным завяршэннем (т. зв. краштэйны), што надае канструкцыі завершаны і выразны выгляд [10, с. 51].

Сярод разнастайных узораў, якія выкарыстоўваліся ў аздабленні менавіта карункавых ліштваў, варта вылучыць *стрэлы* – сімвал, які нясе ў сабе глыбокія ахоўныя і магічныя значэнні. Найчасцей стрэлы размяшчалі на дошках надаконнікаў, радзей – на філёнгах аканіц. Першапачаткова стрэлы мелі форму гарызантальнага ромба, але з часам сталі больш ажурнымі і складанымі [5, с. 117–118]. У некаторых выпадках майстры, імкнучыся ўзмацніць ахоўны эфект, размяшчалі на ліштве некалькі стрэл. Лічылася, што стрэлы адганяюць ад дома ўсё дрэннае, засцерагаюць жыхароў ад удару маланкі ці страшнага пажару. Гэта можна заўважыць па напрамку стрэл, якія нібы абгінаюць дом з двух бакоў, ствараючы ахоўны круг. Вобраз стрэл невыпадковы, улічваючы існаванне ў гэтым рэгіёне ўнікальнага абраду “Страла”, які выклікае дождж і спрыяе ўрадлівасці зямлі [11, с. 28].

На верхняй частцы дошкі падаконніка (абавязкова ў цэнтры) размяшчаліся *сонечныя сімвалы*, якія мелі асаблівае значэнне для нашых продкаў. Сустракаліся знакі Сонца ў выглядзе разетак ці паўкола, якія сімвалізавалі Сонца ў зеніце, а таксама кола з промнямі, якія разыходзяцца ў розныя бакі [11, с. 30]. Асаблівай іканаграфіі сонечных сімвалаў у Ветцы не было, кожны майстар рабіў па-свойму. Але сэнс заўсёды заставаўся аднолькавым: Сонца ўвасабляла жыццё, энергію і цяпло, было крыніцай усяго жывога. Нездарма нашы продкі надавалі Сонцу вялікае значэнне. Дні сонцастаяння і раўнадзенства выдзяляліся асабліва. Жыццё людзей, якія аселі на зямлі, непасрэдна залежала ад Сонца. Халоднае і дажджлівае лета або занадта гарачае магло пакінуць хлебаробаў без ураджаю, а гэта азначала б пагрозу смерці для ўсёй сям’і. Таму сонечныя сімвалы на ліштвах выступалі

ў ролі магутнага абярэга, які павінен быў забяспечыць спрыяльнае надвор'е і багаты ўраджай, гарантуючы дабрабыт і выжыванне сям'і.

Сярод *раслінных элементаў*, характэрных для аздаблення ліштваў, асабліва вылучаюцца пераходныя S-падобныя завіткі, кветкі, трыліснік і іх паўторы, якія ў сукупнасці ўяўляюць сабой вобраз райскага саду [12, с. 418]. Гэтыя элементы сімвалізуюць рост, развіццё і непарыўную сувязь чалавека з прыродай. Трыліснік, варта адзначыць, лічыўся надзейнай абаронай ад свету мёртвых і абярэгам поспеху, таму яго часта "хавалі" сярод іншых малюнкаў. У хрысціянстве трыліснік з'яўляецца сімвалам Святой Тройцы, а ў каталікоў асацыіруецца з крыжам святога Патрыка.

У цэнтры дошкі падаконніка можна заўважыць і *фігуркі берагінь*. З распасцёртымі рукамі і нагамі, яны дораць жыццё, увасабляюць жаночы пачатак і працяг роду. Гэта адзін з самых частых вобразаў, які займае важнае месца як на старых вышыўках, так і на разьбяных ліштвах. Гэта, па сутнасці, малітва аб урадлівасці зямлі і працягу роду. Гэта просьба аб дабраславенні на стварэнне новай сям'і і нараджэнне здаровых дзяцей.

Акрамя асноўных узораў верхняй дошкі наваконніка, варта звярнуць увагу на карункі, якія нібы "звісаюць" з яе, нагадваючы кроплі дажджу. Гэта даволі частая з'ява для мясцін Веткаўскага раёна, хоць часцей такія "кроплі" рабіліся на карнізе самога дома. Кроплі таксама можна заўважыць на звесе бакавіны. Яны сімвалізуюць жыццё, урадлівасць і ачышчэнне. Гэтыя сімвалічныя кроплі не толькі ўпрыгожваюць ліштву, але і могуць разглядацца як працяг гісторыі, звязанай з абрадам "Стралы" [11, с. 28].

У народнай разьбе 20–30-х гг. мінулага стагоддзя вялікую папулярнасць набылі элементы савецкай сімволікі. Разам з традыцыйнымі ўзорамі, такімі як раслінныя матывы, геаметрычныя фігуры і выявы жывёл, майстры ўмела ўплыталі ў свае работы стылізаваныя атрыбуты працы – серпы, молаты, а таксама каласкі пшаніцы, пяціканцовыя зоркі і г. д. [13, с. 54]. Большасць гэтых узораў, на жаль, не захавалася да нашых дзён. Аднак асобныя, не вельмі прыкметныя зорачкі яшчэ можна сустрэць на старых ліштвах.

Ніжняя частка ліштвы, так званы падаконнік, мае своеасаблівы "фартух", які пашыраецца ў сярэдняй частцы [5, с. 119]. Выявы на ім больш простыя, чым у надваконніку, але таксама нясуць важнае значэнне. У старажытных уяўленнях ніжняя частка акна сімвалізуе падземную глыбіню і свет продкаў, таму арнамент тут больш стрыманы і лаканічны, што адлюстроўвае сувязь з тымі, хто быў да нас, і аддае даніну павагі нашым караням. Упрыгожванне падаконніка яшчэ звычайна складаецца з апрацоўкі канцоў бакавых дошак (т. зв. "звесы бакавіны") у выглядзе трохвугольнікаў, завіткоў або простага зрэзу пад вострым вуглом [14, с. 3]. У пабудовах канца XIX – XX ст. падаконнік зусім адсутнічае.

Візуальная выразнасць многіх знакаў забяспечваецца пэўнымі характэрнымі рысамі, такімі як рытмічнасць паралельных ці радыяльных ліній, якія ствараюць адчуванне руху і парадку, а таксама завостранасць або гранёнасць фігуры, што дадае дынамікі. Рытмічная накіраванасць ліній ад цэнтра да краёў стварае эфект выпраменьвання, падкрэсліваючы важнасць цэнтральнага элемента, а пабудова знака ў адпаведнасці з прынцыпамі цэнтральнай сіметрыі забяспечвае збалансаванасць, робячы яго лёгка распазнавальным і запамінальным. З аднаго боку, гэта адлюстроўвае імкненне да гармоніі і балансу ў стварэнні знакаў, з другога – перадае дуальнасць існага: верхняга і ніжняга свету, дня і ночы, дабра і зла, жыцця і смерці [6, с. 84].

Такім чынам, трэба адзначыць, што Веткаўшчына сапраўды з'яўляецца цэнтрам багатай гістарычнай і культурнай спадчыны. Стараабрадцы, якія заснавалі горад, прынеслі з сабой свае традыцыі, што спрыяла развіццю адметнай школы мастацтва, у якой ліштвы вокнаў сталі сімвалам статусу і мастацкай вытанчанасці. Яны не толькі выконваюць дэкаратыўную функцыю, але і служаць абярэгамі, адлюстроўваючы светапогляд і культурныя каштоўнасці мясцовых жыхароў, спалучаючы язычніцкія і хрысціянскія сімвалы, якія адлюстроўваюць узаемапранікненне розных культурных традыцый у беларускім народным мастацтве.

Крыніцы і літаратура

1. Горбацкий, А. А. Старообрядчество на белорусских землях / А. А. Горбацкий. – Брест : БрГУ, 2004. – 236 с.

2. Сахута, Я. М. Беларускае народнае мастацтва / Я. М. Сахута. – Мн. : Беларусь, 1980. – 154 с.

3. Сахута, Я. М. Народнае мастацтва / Я. М. Сахута. – Мн. : Бел. навука, 2015. – 179 с.

4. Сахута, Я. М. Народная разьба па дрэву / Я. М. Сахута. – Мн. : Выш. шк., 1978. – 92 с.

5. Малікаў, Я. Р. Традыцыі разьбянога дэкору ў народнай архітэктуры паўднёва-ўсходняй Беларусі: канец XIX – першая палова XX ст. / Я. Р. Малікаў. – Мн. : Бел. навука, 2016. – 237 с.

6. Малікаў, Я. Р. Агульныя рысы ў аздабленні разьбой традыцыйнага жылля паўднёва-ўсходніх раёнаў Беларусі (канец XIX – 1-я палова XX ст.) / Я. Р. Малікаў // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі : зб. арт. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы. – Мн., 2008. – Вып. 5. – С. 78–87.

7. Локотко, А. И. Белорусское народное зодчество: середина XIX – XX в. / А. И. Локотко. – Мн. : Навука і тэхніка, 1991. – 286 с.

8. Скідан, А. В. Дзейнасць Веткаўскага музея народнай творчасці па зборы, захаванні і даследаванні архітэктурнай разьбы па дрэве Гомельскага Пасожжа / А. В. Скідан // Музей і традыцыйная культура Беларусі : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Гомель, 17–18 мая 2011 г. / рэдкал.: С. В. Разанаў (гал. рэд.), В. В. Дамасканаў, С. К. Кананові. – Гомель, 2011. – С. 37–40.

9. Голоса ушедших деревень / Г. Г. Нечаева, Г. И. Лопатин, С. И. Леонтьева [и др.] ; под общ. ред. Г. Г. Нечаевой. – Мн. : Бел. наука, 2008. – 341 с.

10. Сахута, Я. М. Народнае мастацтва Беларусі / Я. М. Сахута. – Мн. : Бел. Энцыкл., 1997. – 286 с.

11. Нячаева, Г. Р. Тэраталагічныя вобразы ў драўляным дэкоры жытла: (паўднёвы ўсход Гомельшчыны – паўднёвы захад Брагіншчыны) / Г. Р. Нячаева // Беларускі гістарычны часопіс. – 2023. – № 7. – С. 27–31.

12. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Веткаўскага раёна. У 2 кн. Кн. 2. – Мн. : БелТА, 1997. – 461 с.

13. Скідан, А. В. На ліштвах – сад дзівосны: веткаўская дамавая разьба ў кантэксце стараверскай культуры / А. В. Скідан // Мастацтва. – 2008. – № 7. – С. 52–55.

14. Беларуская народная архітэктурная разьба : альбом / Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору АН БССР. – Мн. : Дзярж. выд-ва БССР, 1958. – 92 с.

Да зместу

УДК 639+502.7(476)

А. В. Омелюсик
Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ПРОМЫСЛОВ БЕЛАРУСОВ В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ С БРАКОНЬЕРСТВОМ

Статья затрагивает проблему сохранения традиционных промыслов белорусов в контексте феномена браконьерства. Рассмотрена история развития белорусских промыслов (рыболовства, собирательства, охоты), феномена браконьерства от древних времен до современности. Проанализиорованы правовые подходы к регулированию промысловых занятий, их особенности.

Ключевые слова: традиционные промыслы, добывающие промыслы белорусов, браконьерство, природопользование, экологическое право, Статут ВКЛ, рыболовство, охота, собирательство.

The article addresses the issue of preserving traditional Belarusian extractive livelihoods in the context of poaching. It examines the historical development of Belarusian traditional extractive livelihoods – hunting, fishing, and gathering – and the phenomenon of poaching from ancient times to the present. Legal approaches to regulating these activities and their distinctive features are analyzed.

Keywords: traditional extractive livelihoods, Belarusian traditional extractive livelihoods, poaching, natural resource use, environmental law, Statutes of the Grand Duchy of Lithuania, fishing, hunting, gathering.

В современной белорусской этнографии сложились определенные трактовки понятия «промыслы». Так, в энциклопедии «Этнаграфія Беларусі» термин «промысел» используется параллельно с термином «ремесло». Авторы объясняют, что такое отождествление «адлюстроўвае поўнае ці частковае супадзенне іх прадметнага зместу, а разыходжанні звязаны з асэнсаваннем іх з пункту гледжання сацыяльна-эканамічнай характарыстыкі, сувязі з земляробствам, адносін да спажыўца і інш.» [1, с. 426]. Так, авторы приводят следующее общее определение: «промыслы – падсобная ў сельскай гаспадарцы вытворчасць, якая ўключае рамёствы і іншыя неземляробчыя заняткі». Из определения следует, что промыслы – это вспомогательная деятельность, которая включена в сферу сельского хозяйства и не является земледельческой. Отмечается, что такая широкая трактовка промыслов была характерна в исторической литературе XIX – начала XX в. [2, с. 11].

В издании «Беларусы» критикуется подобный подход к определению промыслов. Так, отмечается, что в сущности акцент данного определения в «неземледельческом» и вспомогательном характере деятельности.

Таким образом, определение подчеркивает второстепенность промыслов по отношению к земледелию. Отмечается, что «апошнія [промыслы] нібыта толькі дапаўнялі земляробства і не адыгрывалі істотнай ролі ў дарэвалюцыйнай вёсцы» [2, с. 12]. Тем не менее необходимо добавить, что в некоторых регионах Беларуси (например, Полесье) доминирующими в силу природных особенностей были именно промыслы (рыболовство, пчеловодство). Таким образом, мы понимаем промыслы как самостоятельные занятия, которые органически сочетались с земледелием либо существовали вне земледелия (например, добывающие промыслы).

Стоит уточнить, что в настоящей статье основное внимание отведено отдельной группе традиционных промыслов – добывающим. Более уместным будет использование следующего определения: промыслы – разнообразные занятия, направленные на получение продуктов питания или технического сырья, а также изготовление из него готовой продукции [3, с. 310]. Конкретно из данной группы промыслов мы выделили следующие: собирательство, охота и рыболовство. Данные промыслы были характерны для всей группы восточных славян, в том числе и белорусов.

Собирательство – одна из форм хозяйственной деятельности человека, собирание (добывание) готовых даров природы, в основном предметов питания и лекарственных растений [1, с. 209]. В издании «Беларусы» описывается следующим образом: «адзін з найстаражытнейшых спосабаў здабывання расліннай і жывёльнай ежы, заснаваны на збіранні дарункаў прыроды, усяго таго, што само па сабе, без ніякага дачынення чалавека расло і вадзілася на зямлі і ў вадзе» [2, с. 38]. Исходя из вышеназванных определений, собирательство, как и остальные добывающие промыслы, входит в систему присваивающего хозяйства. На своей начальной стадии оно носило синкретический характер, включая в себя элементы будущих промыслов (рыболовства, охоты, пчеловодства) [2, с. 38]. Собирательство играет важную роль в формировании традиционных природных знаний белорусов. Для того чтобы успешно заниматься собирательством, необходимо было знать особенности местной природы. Перед человеком вставал вопрос, что можно употреблять в пищу, а что нельзя. Таким образом, благодаря собирательству человек начал накопление знаний, которые затем передавал своим потомкам. Они, в свою очередь, воспринимали этот опыт. Таким образом еще на самых ранних этапах существования человека начинает появляться традиция, а вместе с этим оформляются и традиционные промыслы.

Охота в наиболее общем виде – поиск и преследование диких зверей и птиц с целью их добычи. Охота сыграла важную роль в эволюции человечества. На территории Беларуси охота известна с момента появления на ней первого человека. Важнейшим событием стало создание

специальных орудий труда для охоты. Создание таких орудий окончательно утвердило зависимость человека от «традиционности» его промысла. Возникла необходимость передачи своих знаний о производстве орудий труда и о повадках животных, без которых охотиться было не только неэффективно, но и опасно. Из этого также следует, что благодаря охоте человек начал изучать повадки животных и тем самым положил основу традиционным природным знаниям о диком животном мире. В общем виде все изложенные положения охоты распространяются и на рыболовство.

Кардинальные изменения в жизнь людей, а также трансформацию промыслов привнес неолит. Именно в этот период ведущей отраслью экономики становится рыболовство. Этот факт был обусловлен внешними обстоятельствами: резкая смена климата в связи с отходом ледника привела к кризису охоты [2, с. 55]. Рыболовство стимулировало развитие материальной культуры людей, а также помогало им в усвоении новых знаний, развитии творчества и мышления.

В период неолита окончательно оформились традиционные рыболовные принадлежности. Как подчеркивает И. Н. Браим, «створаныя ім [древним человеком] прылады лоўлі рыбы нагэтулькі аптымальныя і рацыянальныя па форме, прынцыпе будовы і дзеяння, што без істотных змен пратрывалі тысячагоддзі і паспяхова выкарыстоўваюцца ў нашы дні» [2, с. 56]. По принципу действия и способа лова традиционные приспособления лова делятся на неводы, сетки, ловушки, крючковые снасти, ударные приспособления [1, с. 437].

Постепенно традиционное присваивающее хозяйство начало вытесняться хозяйством производящим. Безусловно, такой переход не означал отказа от прежних занятий, по-прежнему люди занимались охотой, рыболовством и собирательством, однако все больше времени начала занимать новая деятельность – животноводство и земледелие. В условиях производящего хозяйства человек окончательно переходил к оседлому образу жизни, что затрудняло ведение охоты. Постепенно в большинстве семей традиционные промыслы начали трансформироваться во второстепенные занятия. Кроме этого, они начали конкретизироваться и специализироваться и окончательно оформились во времена Средневековья.

В Средневековье стремительно развивалась идея о частной собственности, что не могло не изменить отношения к традиционным промыслам. Именно в Средневековье начинает зарождаться феномен браконьерства. Стоит отметить, что само понятие «браконьерство» имеет давнюю историю. Оно проникло в русский и белорусский языки из Франции.

Изначально слово «браконьер» не имело негативной коннотации. Согласно источникам, слово braconnier означало то же самое, что и Bracher, т. е. человека, который заботится об охотничьих собаках, называемых

по-французски и по-немецки bracs, а по-латыни – bracconies. Отмечается, что слово Braconarius встречается в этом же значении в одной из грамот Генриха II, короля Англии [4]. Поэтому в изначальном смысле слова браконьеры были разновидностью охотников, как, например, сокольничьи охотники. Со временем понятие трансформировалось и обрело новые смыслы. В литературе приводятся следующие версии трансформации: «...но от того ли, что впоследствии браконьеры более других показали наклонность к тайному истреблению дичи, охота за которой составляла одно из важнейших преимуществ дворянства, или от того, что именем этим стали называть без различия всех людей, которые, единственным средством для пропитания имея охоту, необходимостью принуждены были присвоить себе добытое трудом» [5, с. 514].

В русский и белорусский язык термин пришел именно для обозначения того, «кто, не по праву, охотится в чужих дачах, кто занимается воровскою охотою, дичекрад, вор-стрелок, пострельщик, напольщик» [3, с. 108]. Важно отметить, что это определение первоначально включало в себя лишь охотничий промысел.

Феномен браконьерства представляет собой сложную взаимосвязь отношений государство – законодательство – человек – природа. Понятие браконьерства неразрывно связано с законодательными нормами. Право определяет то, что понимается под браконьерством, и вместе они представляют собой систему, в которой каждый элемент влияет друг на друга.

Стоит отметить суровость западноевропейского законодательства по отношению к браконьерам. В словаре Дидро, например, приводится выдержка из французского королевского ордонанса 1669 г., который предусматривает очень строгие наказания для браконьеров: «Все, кто расставляет силки, ловушки, тенета, петли из веревок и проволоки, сети, ошейники и т. д., будут приговорены к порке за первое нарушение и к штрафу в тридцать ливров; а за второе – будут наказаны плетью, клеймены и изгнаны на пять лет из владений» [4].

Похожее положение о браконьерстве существовало также и на белорусских землях. Так, в Статуте 1529 г. имеется девятый раздел «О ловах, о пущах, о бортном дереве, об озерах, о бобровых гонах, о хмельниках, о соколиных гнездах», который регулировал традиционные белорусские промыслы.

В первом артикуле закрепляется запрет охоты на чужих землях: «также постановляем: если бы кто-либо незаконно охотился в чужих владениях, то тому, в чьей пуще охотился, должен заплатить за насилие двенадцать грошей, а нам, великому князю, столько же должен заплатить и вознаградить, сколько будет зверей убито…» [7, с. 193]. Таким образом, здесь закрепляется денежная компенсация нарушителем нанесенного

ущерба владельцу территорий, а также выплата денежной компенсации государству за каждого убито зверя. Особенно строгой является ситуация, когда незаконный охотник ловится «над зверем убитым», т. е. прямо на месте преступления, при таких обстоятельствах охотник приговаривался к смертной казни. Схожими по содержанию являются четвертый и седьмой артикулы, посвященные вылову рыбы из чужих водных объектов. В этих артикулах также применяется практика денежной компенсации государству и владельцу, но не предусматривается мера смертной казни.

Определенно точно можно сделать вывод о том, что в государственном понимании Великого княжества зверь – собственность феодала. Так, в том же артикуле можно обнаружить, что «если бы кто-либо на своей земле зверя поднял, а тот зверь убежал бы на чужую землю, то он может своего зверя преследовать и по чужой земле и может убить зверя на чужой земле» [7, с. 193]. Закон акцентирует внимание на диком звере как на «своем звере», т. е. своей собственности, что во многом повторяет западноевропейскую модель.

За каждого зверя устанавливалась своя цена. Так, самым дорогим был зубр – 12 рублей; вдвое дешевле был лось – 6 рублей; медведь, лань, олень и конь – 3 рубля и т. д. Эти цены корректировались и изменялись: в Статуте 1566 г. олень и лань стали вдвое дороже.

Однако стоит подчеркнуть, что, кроме мер защиты права на собственность феодала, Статут содержит и артикулы, которые по современным меркам можно причислить к законодательству о защите животного мира. Ярким примером служит девятый артикул «О бобровых гонах». Как следует из артикула, «пан, в чьих владениях будут гоны, не должен разрешать своим людям и сам не должен от старого поля допахивать на такое расстояние, чтобы можно было до гнездовья бобров добросить палку. На такое же расстояние не должен подкашивать сенокосы и вырубать новые кусты» [7, с. 196]. Исходя из текста, можно увидеть, что ограничиваются в правах даже владельцы собственных территорий. Даже с учетом того, что бобры находятся на территории владельца, он не становится их собственником. Убийство же бобра каралось очень большим штрафом (за карего – копа, за черного – две копы).

Добыча бобров – один из старейших видов охотничьего промысла в Беларуси. Для добычи бобров существовала отдельная категория крестьян – бобровники. Они были ответственны за охоту на бобров, а также за охоту бобровых гонов [1, с. 44].

В Статуте 1566 г. были добавлены новые артикулы, посвященные незаконной вырубке леса, воровству в саду, а также намеренным пожарам. В 17-м артикуле примечательным является то, что на законодательном

уровне отмечается, что пожары наносят огромный вред пчелам, зверям и птицам. За намеренный пожар человека приговаривали к смертной казни.

Одним из источников Статутов Великого княжества Литовского являлось обычное право, которое существовало у белорусов на протяжении множества поколений [1, с. 212]. Обычное право является отражением мышления целого народа. Так, в Статутах нашел отражение тот факт, что белорусы – народ, который ценит и бережет окружающую природу.

Кроме Статута, такое положение подтверждает и «Устава на волоки». Так, в 40-м артикуле «Уставы» объявляется о полном запрете лова рыбы в озерах в апреле, мае и июне. В артикуле дается объяснение причины такого запрета – «для множенья ихъ въ тыхъ мѣсяцахъ» [8, с. 86].

Безусловно, отражение запрета на ловлю в нерестовый период – показатель традиционно сложившегося рационального отношения белорусов к природе. Кроме этого, в данном артикуле определяется «вольность подданых до рек и озер наших». Таким образом, закрепляется разрешение на использование рыболовецких принадлежностей (крыга, уда, бредень, тригубица и другие малые сетки). Стоит также отметить, что в целом рыболовный промысел носил более демократический характер и не контролировался так жестко, как охота [9, с. 137].

Артикулом ранее объявляется разрешение пользования лесом для заготовки дров, хвороста для ограждений, древесины для строительства и лыка исключительно для собственных нужд, а не для продажи. Кроме этого, «робятамъ малымъ и невѣстамъ» разрешалось собирать хмель, ягоды и «овощу лѣсного всякого». На своих волоках разрешалось охотиться на волка, лисицу, рыся, росомаху, зайца, белку и других маленьких зверей, а также птиц с правом «продавати кому хотячи». Однако вместе с этим говорилось, что «болшого звѣру не бити и на своихъ волокахъ; а особливо въ пущахъ и подъ пущами нашими ручницъ ховати и жадного звѣру ловити не маютъ». Стоит обратить внимание на то, что запрещается «ховати ручницы», которые не являлись традиционным охотничьим оружием белорусов.

Безусловно, Статуты и «Устава» показывают, что к Средневековью белорусы уже обладали зачатками справедливого экологического законодательства. Тот факт, что среди белорусов к этому времени уже сформировалась устойчивая модель рационального восприятия и использования природы, вытекает из законодательства. Как отмечает К. А. Шумский, исследователь экологических знаний белорусов, «…традыцыйныя веды беларусаў аб мясцовай флоры і фаўне, якія зафіксаваны ва ўсіх гісторыка-этнаграфічных рэгіёнах Беларусі, маюць ярка акрэслены экафільны характар: у іх адсутнічае абгрунтаванне драпежніцкіх адносінаў да расліннага і жывёльнага свету, выяўляюцца павага да прыроды, яе прыгажосці,

імкненне захоўваць і рацыянальна выкарыстоўваць прыродныя багацці» [10, с. 112]. Так, например, отсутствие в средневековом законодательстве запрещенных орудий рыбного лова показывает, что «існавалі дакладна распрацаваныя, жорстка рэгламентаваныя і кантралюемыя нормы зносінаў з акаляючай прыродай» [10, с. 113]. Таким образом, белорусский народ естественным образом выстраивал такие взаимоотношения с природой, где не было места нерациональному использованию природных ресурсов.

После вхождения земель Беларуси в состав Российской империи положение традиционных промыслов мало изменилось. Однако именно в XIX в. проблема браконьерства начала становиться серьезной угрозой. Так, к концу века в рыболовном промысле распространилось отравление рыбы кукельваном. Кукельван – растение, горькие, ядовитые плоды которого применялись для придания горечи пиву и для одурманивания рыбы при ловле. В «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» статья 1624 предусматривала ответственность за истребление рыбы в прудах и реках с помощью яда [11, с. 183]. Е. Романов замечает, что «настоящими рыболовами этот способ добывания рыбы не практикуется и даже преследуется» [12, с. 47].

На законодательном уровне отсутствовали общегосударственные ограничения на лов в период нереста, на лов рыбной мелочи и т. д. Меры, принимаемые земствами, населением игнорировались, а ресурсов, чтобы следить за их соблюдением, у власти не было. Дореволюционный закон о рыболовстве так и не был принят. Как отмечается, «всему виной лобби промышленников, которым закон, ограничивавший их права и грозивший снижением прибыли, был не нужен» [13].

С критикой охотничьего браконьерства на белорусских землях выступал И. Алмазов. Так, он не только критиковал браконьеров, но и пытался по-своему понять и объяснить сущность феномена браконьерства [14, с. 32–37]. И. Алмазов отмечал, что под браконьерством понимает только изначальный, традиционный смысл этого слова. Под изначальным смыслом браконьерства он понимал тех, «кто охотится в чужих лесах без дозволения». Однако также отмечал и то, что «в настоящее же время значение этого слова расплылось». В своей статье он приводит попытку понять браконьеров с точки зрения их психологии: «почти всякая человеческая натура склонна к борьбе – она любит и даже ищет ее». Из этого он делает закономерный вывод, что образоваться браконьеры могли «лишь там, где охота не только воспрещается, но и преследуется». Автор отмечал, что борьба с браконьерством ведется неэффективно, «какая стража у нас занимается особенно тщательно ловлею силовщиков и травильщиков, какая стража в состоянии поймать их с поличным или отыскать хитро расставленные силки и капканы?» Мерами по борьбе

с браконьерством были денежные штрафы как для браконьеров, так и для полиции и лесной стражи за бездействие, однако они не работали: «…как же подвергнуть штрафу браконьера-промышленника, когда даже уличить его нет почти никакой возможности». Отмечается, что местные браконьеры редко бросались в бегство или скрывались с места преступления. Чаще всего они встречали преследователя лицом к лицу, нередко даже угрожали ему оружием, а в случае необходимости даже использовали его по назначению. Так, после выстрела лесника по собаке браконьера браконьер совершил ответный выстрел в самого лесника. Также он сообщает о случае, когда «за одно намерение отнять оружие у охотящегося полесовщик получил заряд крупной дроби в ноги».

В действительности, как отмечает Н. В. Туркин, «с падением крепостного права неустройство в охотничьем хозяйстве проявилось с особенною силою, а число охотников умножилось в громадной пропорции» [15, с. 3]. Полноценного закона об охоте в Российской империи не существовало вплоть до 1889 г. До выхода в свет нового закона положения об охоте были разбросаны по разным законодательным сборникам.

Они сочетали в себе разнородные положения. Одновременно использовались, с одной стороны, нормы древнерусского права, а с другой – современные нормы, вдохновленные западноевропейским законодательством. Так, например, в законодательстве не оговаривалось право охоты несовершеннолетних, душевнобольных, лиц судимых, состоящих под надзором, женщин, иностранцев. Прежнее законодательство не включало в себя регулирование способов охоты на хищных зверей, «которые могут быть истреблены во всякое время года и всеми возможными способами» [16, с. 41]. Похожее положение касалось и нехищных животных. Н. В. Туркин обращает внимание, что «…различие редакций, отмена одних и замена других статей, окончательно спутало вопрос о дозволенных и запрещенных способах охоты» [11, с. 82].

Такое положение вещей привело к плачевным последствиям: «недостаток надзора допустил такое укоренение браконьерства, что, передаваясь из поколения в поколение, оно обратилось въ обыденное занятие местных крестьян». Так, в период с 1888 по 1902 г. было возбуждено 751 уголовное дело, касающееся браконьерства на территории Беловежской пущи [17, с. 334].

Безусловно, период социально-экономической нестабильности, который в общем виде наступил с Первой мировой войной, а затем продолжился в войну гражданскую и советско-польскую, усугубил уже существующие негативные тенденции. Последствием этих процессов является одна из главных трагедий для белорусской фауны – истребление зубров. Накануне Первой мировой войны в Беловежской пуще насчитывалось 727 зубров, в 1919 г. они были полностью истреблены [18, с. 32].

В советский период происходит формирование национального белорусского государства. Вместе с этим происходит пересмотр отношения к традиционным промыслам. Зарождается проблема сохранения промыслов в традиционном виде как таковых. Так модернизационные процессы в промышленности, сельском хозяйстве начали постепенный процесс вытеснения традиционных способов ведения населением хозяйства. С массовым повышением грамотности постепенно изменяется и мировоззренческая система белоруса. Теперь на место традиционных знаний и отношений к природе приходит рационально-научное мировоззрение.

Во многом это явилось важным изменением в сфере традиционных промыслов XX в. Так, например, у рыбаков традиционного мировоззрения существовал свой собственный этикет, нарушение которого не только не приветствовалось, но и осуждалось (стоит вспомнить кукельван, который осуждали рыболовы). Справедливо отмечается, что «..вялікая колькасць традыцыйных уяўленняў аб дзікіх жывёлах (забарона забіваць многія іх віды без патрэбы, разбураць гнёзды, мурашнікі, пчаліныя дуплы) працавала больш эфектыўна за цяперашнія прыродаахоўчыя законы і заклікі грамадскасці» [10, с. 82]. Вместе с этим трансформировались и сами традиционные промыслы. Так, получило широкое распространение любительское и спортивное рыболовство. В такой же степени изменился и охотничий промысел.

Традиционные промыслы постепенно превратились в средства отдыха и развлечения населения, что также изменяло восприятие о традиционных промыслах. В правилах любительского и спортивного рыболовства в водоемах БССР постановляется, что «грубыми нарушениями при ловле рыбы для личного потребления являются: применение гражданами сетей, бредней, мережей и других ловушек, самоловных сетных “экранов” (“телевизоров”), подъемников, лов с применением взрывчатых, отравляющих и наркотических веществ, электротока, огнестрельного и пневматического оружия, колющих орудий лова (остроги, задевы и др.), способом гона, багрения при помощи бряцал и ботания» [19, с. 11].

Как можно заметить, среди запрещенных способов добычи присутствуют и традиционные орудия труда, которые белорусские рыбаки знали и использовали столетиями. Безусловно, среди запрещенных орудий есть и те, которые никогда не были свойственны традиционным способам ловли, – взрывчатые, отравляющие и наркотические вещества, огнестрельное и пневматическое оружие, электроток и т. д.

Таким образом, начиная с этого момента возникает проблема сохранения традиционных промыслов (в первую очередь рыболовства). С запретом традиционного ведения промысла утрачивается и сама традиция, которая составляет важнейшую часть белорусской культуры. Так, регионы,

в которых традиционно занимались рыболовством (Поозерье, Полесье), оказываются в затруднительном юридическом положении.

В 2021 г. в Республике Беларусь был принят указ № 284 «О рыболовстве и рыболовном хозяйстве». Данный указ является важным шагом к разрешению проблемы сохранения традиционных ценностей.

В новой редакции правил любительского рыболовства появляется определение «традиционных национальных орудий лова рыбы» – самодельные (ручной работы) орудия лова рыбы, изготовленные из натуральных природных материалов (прутьев ивы, дранок, коры, луба, древесины, льна, пеньки, хлопчатобумажной пряжи). Стоит отметить, что в правилах приведен перечень традиционных национальных орудий лова рыбы: жак, нерет, мережа, вентер и т. д.

Для всех этих орудий оговорены предельные размерности. Использование национальных орудий лова становится легальным при условии включения пользователя орудий в специальный перечень, который формируют местные органы власти. Кроме этого, использование традиционных орудий возможно лишь в рамках платного любительского лова. К пользователям традиционных орудий предъявлены также дополнительные требования.

Следовательно, современный законодательный подход учитывает существование традиционных орудий труда, однако вместе с этим предъявляет к человеку множество требований, что делает использование традиционных орудий труда занятием с дополнительной ответственностью. Нынешнее положение традиционного рыболовного промысла можно охарактеризовать как ограниченное. Однако вместе с этим важно отметить, что данные меры, возможно, являются началом к разрешению проблемы соотношения браконьерства и традиционных промыслов белорусов, которая складывалась на протяжении значительного периода времени.

Источники и литература

1. Этнаграфія Беларусі : энцыклапедыя / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн. : БелСЭ, 1989. – 575 с.

2. Беларусы / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Каендрата Крапівы ; рэдкал.: В. К. Бандарчык, М. Ф. Піліпенка, В. С. Цітоў. – Мн. : Навука і тэхніка, 1995. – Т. 1 : Прамысловыя і рамесныя заняткі / В. К. Бандарчык, Н. І. Буракоўская, Г. М. Курыловіч [і інш.]. – 1995. – 351 с.

3. Гісторыя сялянства Беларусі : у 3 т. / пад рэд. М. П. Касцюка [і інш.]. – Мн. : Бел. навука, 1997. – Т. 1 : Гісторыя сялянства Беларусі ад старажытнасці да 1861 г. / Я. К. Анішчанка, Г. Я. Галенчанка, В. Ф. Голубеў [і інш.] ; рэдкал.: В. І. Мялешка [і інш.]. – 1997. – 430 с.

4. Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Tome second, Azyme-Cezimbra // Gallica. – URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k50534p/f398.item (дата обращения: 18.04.2024).

5. Энциклопедический лексикон : в 17 т. – СПб. : Типография А. Плюшера, 1836. – Т. 6 : БИН–БРА. – 551 с.

6. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 ч. / В. И. Даль. – М. : Изд. О-ва любителей рос. словесности, учрежден. при Император. Моск. ун-те, 1863. – Ч. 1 : А–З. – 627 с.

7. Статут Великого Княжества Литовского 1529 года / Акад. наук Бел. ССР, Отд. правовых наук. – Мн. : Изд-во Акад. наук БССР, 1960. – 253 с.

8. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией : в 5 т. – СПб. : Типография 2-го отд-ния Собствен. Е. И. В. канцелярии, 1846–1853. – Т. 3 : 1544–1587 / под ред. Император. археогр. комис. – 1848. – 356 с.

9. Беларусы / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы ; рэдкал.: В. К. Бандарчык, М. Ф. Піліпенка, І. У. Чаквін. – Мн. : Навука і тэхніка, 1995. – Т. 4 : Вытокі і этнічнае развіццё / В. К. Бандарчык, В. М. Балявіна, Г. І. Каспяровіч [і інш.]. – 2001. – 433 с.

10. Шумскі, К. А. Традыцыйныя экалагічныя веды беларусаў у XIX ст. – пачатку XXI ст. : манаграфія / К. А. Шумскі. – Мн. : БДАТУ, 2011. – 192 с.

11. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных / Сенат Рос. империи. – СПб. : Типография II Отд-ния Собствен. Его Император. Величества Канцелярии, 1845. – 898 с.

12. Романов, Е. Р. Белорусский сборник. Вып. 8. Быт белоруса / Е. Р. Романов. – Вильна : Типография А. Г. Сыркина, 1912. – 600 с.

13. Беляев, Д. С. От закона до закона / Д. С. Беляев // Русская рыбалка : журнал. – URL: https://rusfishjournal.ru/publications/from-the-law-until-the-law/. – Дата публ.: 16.02.2016.

14. Алмазов, И. Браконьерство в Северо-Западном крае / И. Алмазов // Журнал охоты : орган Император. о-ва размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты. – 1875. – Т. 2, № 6. – С. 32–37.

15. Туркин, Н. В. Законы об охоте: Критическое исследование русских охотничьих законоположений / Н. В. Туркин. – М. : Ред. журн. «Природа и охота», 1889. – 219 с.

16. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный : в 15 т. – СПб. : Типография II Отд-ния Собствен. Его Император. Величества Канцелярии, 1832–1839. – Т. 12 : Свод законов государственного благоустройства, Ч. 4, 5. – 1932. – 734 с.

17. Карцов, Г. П. Беловежская пуща: ее исторический очерк, современное охотничье хозяйство и Высочайшие охоты в Пуще / Г. П. Карцов. – СПб. : Артистическое заведение А. Ф. Маркса, 1903. – 414 с.

18. Козло, П. Г. Зубр в Беларуси / П. Г. Козло, А. Н. Буневич ; науч. ред. В. П. Семенченко. – 2-е изд., испр. и доп. – Мн. : Бел. навука, 2011. – 366 с.

19. Ломтев, Ю. И. С удочкой по водоемам / Ю. И. Ломтев, В. Я. Линник. – Мн. : Ураджай, 1989. – 143 с.

Да зместу

УДК 39(476)

А. А. Селях
Брэст, Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна

"НА ДОЎГУЮ ПАМЯЦЬ": ПАЭТЫЧНЫЯ ІНСКРЫПТЫ Ў РУКАПІСНАЙ ДЗЯВОЧАЙ КУЛЬТУРЫ АПОШНЯЙ ТРЭЦІ XX СТАГОДДЗЯ (ПА МАТЭРЫЯЛАХ З ЗАХОДНЯГА ПАЛЕССЯ)

У артыкуле асэнсоўваецца адна з практык дзявочай штодзённасці – складанне дароўных памятных надпісаў. Разглядаюцца найбольш пашыраныя жанры дзявочай рукапіснасці, дзе сустракаюцца паэтычныя інскрыпты. Аналізуецца сэнсавы змест інскрыптаў, а таксама іх значэнне ў міждзявочай камунікацыі ў апошняй трэці XX ст. Праблема асэнсоўваецца на падставе аналізу матэрыялаў, сабраных у выніку палявых этнаграфічных даследаванняў у Заходнім Палессі.

Ключавыя словы: рукапісная дзявочая культура, камунікатыўныя практыкі дзяўчат, інскрыпты, паэтычныя інскрыпты, Заходняе Палессе.

The article is devoted to the study of one of the practices of girls' everyday life – the compilation of commemorative inscriptions. The author considered the most expanded genres of girls' handwriting, where poetic inscriptions are found. The author analyzes the semantic content of scripts, as well as their significance in girls' communication in the last third of the twentieth century. The problem is understood based on the analysis of materials collected as a result of field ethnographic research in the Western Polesie.

Keywords: handwritten girls' culture, girls' communication practices, inscriptions, poetic inscriptions, The Western Polesie.

У поле даследавання сучаснага культурнага антраполага, этнолага ўваходзяць шматлікія аспекты штодзённасці, у тым ліку яе кампаненты, звязаныя са спосабам мыслення, стратэгій паводзін грамадства, яго карцінай свету. Асобную цікавасць для даследавання ўяўляе камунікатыўная прастора соцыуму. Прадметам разгляду дадзенага артыкула з'яўляюцца паэтычныя інскрыпты, а менавіта іх месца сярод пісьмовых форм камунікацыі заходнепалескіх сельскіх дзяўчат.

Вывучаючы штодзённасць заходнепалескіх сельскіх дзяўчат на падставе палявога матэрыялу, які збіраўся ў сельскай мясцовасці Заходняга Палесся, было выяўлена, што адной са штодзённых практык дзяўчат у другой палове XX ст. з'яўлялася стварэнне рукапісных тэкстаў [1, с. 366]. Пры гэтым асобныя жанры рукапіснай дзявочай культуры (анкеты, сшыткі пажаданняў, надпісы на фотаздымках) выконвалі камунікатыўную функцыю і прадугледжвалі наладжванне сувязі паміж адрасантам і адрасатам.

Зыходзячы з заяўленага прадмета навуковага асэнсавання (паэтычныя інскрыпты ў рукапіснай культуры), на першы погляд падаецца, што праблема будзе разглядацца ў філалагічным накірунку. Але гэта не зусім так. Сапраўды, рукапісная культура дзяўчат апошняй трэці XX ст. (анкеты,

дзённікі, спеўнікі, пажаданнікі, фотаальбомы, у якіх фота суправаджаецца подпісамі) – гэта тэксты ў чыстым выглядзе. Але гэтыя "тэксты" ўяўляюць цікавасць не толькі з пункту гледжання філалогіі, лінгвістыкі, але і культурнай антрапалогіі. У дзявочых сшытках і альбомах зафіксаваны ў тым ліку пачуцці і перажыванні, каштоўнасці і ўяўленні, што адлюстроўвалі сацыяльны і ментальны бок жыцця гэтай полаўзроставай і статуснай групы вясковай супольнасці ў пэўных прасторавых і часавых межах.

На падставе аналізу зместу сабраных падчас палявых даследаванняў помнікаў дзявочай рукапіснай культуры было заўважана даволі частае фігураванне ў тэкстах катэгорыі "памяць". Найбольш яскрава "мемарыяльнасць" прасочваецца праз памятныя надпісы – інскрыпты [2]. Інскрыпт уяўляе сабой дароўны памятны надпіс, пакінуты адрасантам для адрасата [3, с. 53–54]. Такога кшталту надпісы можна знайсці як на фотаздымках, так і ў рукапісных альбомах, анкетах, сшытках пажаданняў і інш. Адзначым, што тэксты сабраных матэрыялаў, з якімі атрымалася папрацаваць у працэсе даследавання, – рускамоўныя, таму цытаванне будзе ажыццяўляцца адпаведна арыгінальнай мове крыніцы.

Інскрыпт на фотаздымках – надпіс, які сведчыў аб перадачы ў дар фотаздымка з выявай дарыльшчыка. Размяшчаўся інскрыпт, як правіла, на адваротным баку. Ён меў "формульную" і "няформульную" часткі. Формульная частка змяшчала дароўную формулу, у якой называліся атрымальнік і дарыльшчык ("Свете от Тани"), пазначалася мэта дарэння ("на долгую/вечную/добрую память"), пазначалася дата і месца дарэння, а таксама подпіс дарыцеля. Няформульная частка змяшчала адрасаванае атрымальніку пажаданне "не забываць" [4, с. 194–195]. Даволі часта ў дзявочых тэкстах сустракаліся інскрыпты накшталт "на памяць", "згадай", "не забывай". Акрамя таго, сустракаліся інскрыпты ў вершаванай форме. Вершы і афарызмы, размешчаныя на адваротным баку фотаздымка, адносяць да "паэтычных інскрыптаў", якія былі прызваны аказаць уплыў на чытача за кошт сваіх мастацкіх і эстэтычных якасцяў [4, с. 195].

Прыклады інскрыптаў на фота з уласных архіваў рэспандэнтаў:

Не нравится – порви, а нравится – храни (Прыватны архіў рэспандэнткі, фотаздымак дзяўчыны, 1986 г.);

Пусть волны жизненного моря не смоют ***память*** *обо мне* (Прыватны архіў рэспандэнткі, фотаздымак дзяўчыны, 1985 г.);

Лучше ***вспомни*** *и взгляни, чем взгляни и* ***вспомни*** (Прыватны архіў рэспандэнткі, фотаздымак дзяўчыны, 1978 г.);

Дарю на долгую ***память,***
А может на несколько дней.
Все это зависит от дружбы,
От дружбы твоей и моей (Прыватны архіў рэспандэнткі, фотаздымак дзяўчыны, 1989 г.).

Іншая група тэкстаў, што адносяць да паэтычных інскрыптаў, прадстаўлена ў дзявочых анкетах і пажаданніках. Сярод памятных надпісаў найчасцей сустракаліся цытаты, аўтарскія вершы, празаічныя пажаданні. У анкетах дзяўчат часта сярод пытанняў сустракаецца пункт “Пожелание хозяйке анкеты” (размяшчаўся, як правіла, у самым канцы, пасля ўсіх пытанняў). Адрасаваны інскрыпт-пажаданне ўтрымліваў просьбу “не забываць”, “успамінаць”:

***Вспоминай** иногда, если будет когда... А всегда **вспоминать** невозможно...* (Прыватны архіў рэспандэнткі, інскрыпт з анкеты, 1983 г.);

*Алая роза упала на грудь, милая Лена, меня **не забудь!*** (Прыватны архіў рэспандэнткі, інскрыпт з анкеты, 1968 г.).

У сшытках пажаданняў інскрыпты ў сваёй большасці прадстаўлены ў вершаванай форме:

Пусть радость и счастье, любовь и ученье

Всегда украшают твой жизненный путь.

Сквозь бурь наслаждений, тревог и волнений

*Меня, ты мой друг, **не забудь!*** (Прыватны архіў рэспандэнткі, інскрыпт з пажаданніка, 1980 г.);

Если тетрадь ты откроешь,

*Неужели не **вспомнишь** меня?*

*Нет! Я думаю, **вспомнишь**,*

Ведь когда-то мы были друзья (Прыватны архіў рэспандэнткі, інскрыпт з пажаданніка, 1963 г.).

Акрамя таго, даволі часта ў сшытках пажаданняў можна знайсці інскрыпт-настаўленне. Гэта своеасаблівае пажаданне, якое змяшчала парады на будучыню, у тым ліку павучальнага характару:

Смейся жизни в лицо,

Никогда не грусти.

Там, где нужно рыдать,

Ты назло хохочи (Прыватны архіў рэспандэнткі, інскрыпт з пажаданніка, 1980 г.).

***Не забывай** весёлой шумной школы.*

***Не забывай** весёлых шумных дней.*

***Не забывай** друзей, среди которых,*

Проходят годы юности твоей (Прыватны архіў рэспандэнткі, інскрыпт з пажаданніка, 1988 г.).

Аналіз тэкстаў з рукапісных помнікаў, створаных дзяўчатамі, дае падставу вызначыць пэўныя характарыстыкі гэтай сацыяльнай групы. Так, напрыклад, з фотакартак і анкет можна даведацца пра ўзрост дзяўчат, іх сацыяльнае становішча (вучаніца, студэнтка). Як правіла, такога кшталту камунікацыя адбывалася паміж дзяўчатамі-аднагодкамі, якія разам

навучаліся ў школе, тэхнікуме, інстытуце або разам працавалі. Падчас пражывання ў інтэрнаце ў перыяд навучання або працы ў горадзе, выезду на "сезоны" за мяжу адбывалася пашырэнне сяброўскага кола дзяўчат. Найбольшае распаўсюджванне паэтычныя інскрыпты атрымалі менавіта ў асяроддзі школьнікаў і студэнтаў, паколькі гэтыя субкультуры больш шырока выкарыстоўвалі ў камунікацыі пісьменнасць, вершаваныя формы, праз якія рамантызаваліся пачуцці сяброўства і кахання. Нездарма рукапісную дзявочую культуру даследчыкі называюць "школьным фальклорам" [1, с. 366].

Інскрыпты як мемарыяльны знак ствараліся дзяўчатамі-сяброўкамі з мэтай дэманстрацыі жадання захаваць адносіны ў перспектыве, калі прыйдзе час развітання. Камунікацыя на адлегласці нярэдка працягвалася праз ліставанне. Дзеля захавання вобраза ў памяці дзяўчаты паміж сабой, таксама як з хлопцамі, абменьваліся фотаздымкамі. На адваротным баку пакідалі інскрыпты, якія, як правіла, утрымлівалі дату і месца фотаздымка, колькасць гадоў, вершаваныя радкі [5, с. 258]. Пакіданне на фотаздымках ці ў дзявочых сшытках паэтычных інскрыптаў прадугледжвала непазбежны ў перспектыве разрыў у камунікацыі паміж атрымальнікам і дарыльшчыкам. Але ў сітуацыі расстання менавіта праз дароўны тэкст адбывалася сімвалічная камунікацыя паміж сяброўкамі, якія адна ад адной маюць паведамленне, прачытаўшы якое згадаюць мінулае. Многія з дзяўчат натуральным чынам знікалі з камунікацыйнага поля (раз'язджаліся па розных гарадах навучацца ці ўладкоўвацца на працу, выходзілі замуж у розныя мясцовасці), але памяць пра іх захоўвалася і зберагалася, што немалаважна. Аб гэтым сведчыць трапяткое стаўленне жанчын (былых дзяўчат) да сваіх фотаальбомаў і сшыткаў.

З успамінаў: *Есть подружкэ, фотографіі которых я дажэ і не помню, шо ў меня есць, а там напэсанэ стіхі. От ностальгія такая! Сядем посмотрым: «О, в мана вжэ ныма, а в ейі сохранылысь фотографіі на долгую память». І там подпісі такэі да чітаеш. І когда-то думалы, шо ныкогда ны забудым, но прошло врэмя. Конешно, всё помынялось. Став совсем образ другэй жызні. Воно ны забувалось: подружкы, друзья, но всё равно своя жызнь стала і всё как-бы чуть-чуть вдаль отошло, а вжэ твоя жызнь другая пошла. Совершэнно другіе вжэ друзья і замуж, деті...* (Запісана ад С. В. Нічыпорчык, 1963 г. н., в. Літоўск Драгічынскага р-на) [6, інт. № 63].

Такім чынам, паэтычныя інскрыпты з'яўляюцца неад'емным кампанентам рукапіснай дзявочай культуры, у цэлым дзявочай субкультуры апошняй трэці XX ст. і адлюстроўваюць культуру сацыяльных адносін гэтага часу. Аналіз зместу інскрыптаў-пажаданняў (вершаў, цытат, афарызмаў) дае падставу для высновы аб тым, што асобнае месца

ў пісьмовых камунікатыўных практыках дзяўчат займала “мемарыяльнасць”, мемарыяльная тэматыка. Частае сустраканне катэгорыі “памяць” (у выглядзе лексем “не забудь”, “помни”, “вспоминай”, “на память” і інш.) сведчыць пра значнасць гэтага канцэпту ў ментальнасці грамадства, яго каштоўнасных арыенцірах, свядомасці, без вывучэння якіх немагчыма спасцігнуць гісторыка-культурную рэчаіснасць ва ўсёй яе паўнаце.

Традыцыя міждзявочых камунікатыўных практык праз запаўненне анкет, складанне пажаданняў, стварэнне памятных надпісаў на фотаздымках сёння страчана. Гэты пласт культуры застаецца малавывучаным айчыннымі даследчыкамі, але даволі цікавым і рэпрэзентатыўным для вывучэння штодзённасці асобных сацыяльных груп, а таксама грамадства (як вясковага, так і гарадскога) ў цэлым.

Крыніцы і літаратура

1. Селях, А. А. Месца пісьмовага фальклору ў дзявочай культуры заходнепалескай вёскі другой паловы XX ст. / А. А. Селях // ARS LONGA: навуковыя дасягненні і перспектывы : зб. навук. арт. / Ін-т гісторыі Нац. акад. навук Беларусі ; рэдкал.: Т. Даўгач [і інш.]. – Мн. : Ін-т гісторыі НАН Беларусі, 2024. – С. 364–369.

2. Косых, Е. А. Жанровое своеобразие инскрипта / Е. А. Косых ; Алтайс. гос. пед. ун-т. – Барнаул : АлтГПУ, 2024. – 161 с. – URL: https://library.altspu.ru/dc/pdf/kosyh.pdf (дата обращения: 08.05.2025).

3. Косых, Е. А. Инскрипт в речевой парадигме социума: к проблеме классификации / Е. А. Косых // Филология и человек. – 2022. – № 1. – С. 53–66.

4. Бойцова, О. Ю. Любительские фото: визуальная культура повседневности / О. Ю. Бойцова. – СПб. : Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2013. – 266 с.

5. Селях, А. Дзявочая рукапісная культура другой паловы XX ст.: па матэрыялах з Заходняга Палесся / А. Селях // Беларускі фальклор: матэрыялы і даследаванні : зб. навук. пр. – Мн. : Бел. навука, 2024. – Вып. 11. – С. 248–261.

6. Фальклорна-этнаграфічныя матэрыялы, сабраныя А. А. Селях у Заходнім Палессі // Архіў Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы НАН Беларусі. – Ф. 23. Воп. 23. Спр. 1.

Да зместу

ГІСТОРЫЯ, ГІСТАРЫЧНАЯ ПАМЯЦЬ

УДК 94(476)“1940/1980”(092)

В. А. Баран
Брэст, Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна

УСПАМІНЫ І. Я. КАЛЕСНІКАВА ЯК КРЫНІЦА ПА ГІСТОРЫІ НАЦЫЯНАЛЬНА-ВЫЗВАЛЕНЧАГА РУХУ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ 1921–1939 ГАДОЎ

Артыкул прысвечаны аналізу ўспамінаў Івана Ягоравіча Калеснікава, члена Камуністычнай партыі Заходняй Беларусі (КПЗБ), як гістарычнай крыніцы для вывучэння нацыянальна-вызваленчага руху Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. Падкрэсліваецца важнасць комплекснага падыходу да вывучэння эга-дакументальнай спадчыны ветэранаў КПЗБ, якая патрабуе крытычнага аналізу крыніц у кантэксце іншых гістарычных даных, уліку культурных, сацыяльных і палітычных фактараў часу, што дазваляе стварыць больш аб’ектыўную карціну досведу і светапогляду аўтараў, якія паўплывалі на адлюстраванне імі гістарычных падзей.

Ключавыя словы: Заходняя Беларусь 1921–1939 гг., нацыянальна-вызваленчы рух, падпольная барацьба, Вялікая Айчынная вайна, успаміны ветэранаў КПЗБ.

The article is devoted to the analysis of the memoirs of Ivan Kolesnikov, a member of the Communist Party of Western Belarus (CPZB), as a historical source for the study of the national liberation movement of Western Belarus in 1921–1939. The importance of an integrated approach to the study of the ego-documentary heritage of veterans of the CPZB is emphasized, which requires a critical analysis of sources in the context of other historical data, taking into account cultural, social and political factors of the time, this allows you to create a more objective picture of the experience and worldview of the authors who influenced their depiction of historical events.

Key words: Western Belarus 1921–1939, national liberation movement, underground struggle, Great Patriotic War, memoirs of veterans of the Communist Party of Belarus.

Гісторыя Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. – неад’емная і найважнейшая старонка айчыннай гісторыі. Яе значэнне актуалізуецца надзённасцю і запатрабаванасцю вопыту заходнебеларускай гісторыі, яе адміністратыўна-палітычнага, гаспадарча-эканамічнага, грамадска-палітычнага і культурнага жыцця [1, с. 4]. Крыніцамі, якія даюць магчымасць рэканструяваць карціну тых гадоў, з’яўляюцца не толькі афіцыйныя дакументы і публікацыі, але і асабістыя сведчанні ўдзельнікаў падзей – эга-дакументальныя крыніцы ветэранаў КПЗБ, у якіх праз прызму асабістага досведу і ідэалагічных перакананняў адлюстроўваюцца рэаліі жыцця насельніцтва Заходняй Беларусі пад польскай уладай, падзеі нацыянальна-вызваленчага руху, дзейнасць КПЗБ. Аналіз гэтых крыніц у спалучэнні з іншымі гістарычнымі

данымі, дазваляе больш поўна і аб'ектыўна ацаніць уклад жыхароў Заходняй Беларусі ў нацыянальна-вызваленчы рух і фарміраванне беларускай ідэнтычнасці ва ўмовах складанай геапалітычнай сітуацыі міжваеннага перыяду. У сувязі з гэтым уяўляюць цікавасць успаміны І. Я. Калеснікава, актыўнага дзеяча КПЗБ з 1930 г., які прымаў актыўны ўдзел у важных палітычных кампаніях. З яго арганізацыйным удзелам на Быценшчыне было арганізавана пяць ячэек кампартыі, у 1936 г. працаваў сакратаром падрайкама КПЗБ, удзельнічаў у 1937 г. у рабоце Варшаўскага кангрэса прафсаюзаў. Яго вопыт мемарыялізацыі пралівае святло на многія аспекты акрэсленых праблем. Выяўленыя ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь, Дзяржаўным архіве Брэсцкай вобласці і Занальным дзяржаўным архіве ў г. Баранавічы, а таксама апублікаваныя на старонках кнігі "Памяць" успаміны І. Я. Калеснікава дазваляюць пашырыць уяўленні адносна як біяграфіі самога аўтара, так і многіх аспектаў нацыянальна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі.

Паводле ўспамінаў, Іван Ягоравіч Калеснікаў нарадзіўся ў 1910 г. у в. Быцень Івацэвіцкага раёна сучаснай Брэсцкай вобласці (Слонімскага павета Гродзенскай губерні – па тагачасным адміністрацыйным дзяленні) у сям'і серадняка. Падчас Першай сусветнай вайны ў 1915 г. сям'я падалася ў бежанства ў Расію, дзе з кастрычніка 1915 г. пражывала ў Казанскай губерні – у в. Елькіна Ядрынскага павета. У 1921 г. у Паволжы была засуха, азімае жыта было вельмі дрэннае, а яравыя пасля пасеву засушыла. У кастрычніку 1921 г. разам з іншымі бежанцамі сям'я І. Я. Калеснікава выехала ў г. Маскву і жыла там "на питательном пункте", а ў сакавіку 1922 г. вярнулася на радзіму ў в. Быцень. Асаблівае месца ва ўспамінах І. Я. Калеснікава нададзена паказу становішча простага беларускага народа пры польскай уладзе: "Пробыл я всего дома одну неделю и сразу пришлось пойти пастухом к хозяину. Нужно было зарабатывать на хлеб. Нанялся я пастухом к крестьянину Левону Волкову в д. Коротень Новогрудского района. Я пас коров и должен был работать по хозяйству. Отдыхать хозяин не давал совершенно. Будни до восхода солнца, а ложился я поздно вечером" [2, арк. 2–3].

У 1923 г. І. Я. Калеснікаў наняўся пасвіць кароў у в. Сецевіна, за 7 км ад Навагрудка, у селяніна Ануфрыя Казла. Яго пляменнік Іван Казёл, камуніст з 1920 г., добраахвотнік Чырвонай Арміі, былы камісар, а з восені 1923 г. – член КПЗБ, які ўжо працаваў у падполлі, істотна паўплываў на палітычны светапогляд юнага Калеснікава. Ён даваў І. Я. Калеснікаву невялікія даручэнні па распаўсюджванні сярод насельніцтва рэвалюцыйнай літаратуры, далучаючы да рэвалюцыйнай дзейнасці. І хоць атрымаў прапанову застацца на другі год, І. Я. Калеснікаў наняўся на службу да іншага гаспадара. Але, як падрабязна апавядае аўтар пра ўмовы працы

на новым месцы, "служба была очень тяжелой. Пришлось не только летом пасти коров, но и всю работу выполнять в хозяйстве. Ночью нужно было молотить цепом. Хозяин часто ездил ночью воровать лес и меня брал с собой. Хозяин меня часто бил за то, что иногда был не в силах выполнять ту или иную работу". Восенню 1924 г. пасля чарговых пабояў Калеснікаў звярнуўся ў паліцыю, але не атрымаў чаканай абароны і падтрымкі, а ў суд не звярнуўся, бо разумеў цяжкасці судовых намаганняў. Падмануты гаспадаром ("по окончании срока службы мне хозяин не заплатил. Он не отдал хлеб, а пообещал купить сапоги, пиджак, рубашку, брюки. Купил же сапоги, которые через два месяца развалились, и дал пиджачок своей работы из домотканного полотна, а хлеба совсем не дал"), вярнуўся пехатой у Быцень, "был истощен и слаб, у меня не было никаких сил" [2, арк. 3–5].

Аўтар настойліва акцэнтуе ўвагу на галоўнай цяжкасці тагачаснага незаможнага насельніцтва – пошуку працы. Яго маркотнае жыццё ажыўляецца ў выніку чарговага знаёмства і супрацоўніцтва з камуністамі-падпольшчыкамі Іванам Ладыкам і Фёдарам Жылінскім, які з'яўляўся сакратаром камсамольскай арганізацыі. У 1926 г. І. Я. Калеснікава прынялі ў камсамол, што вызначыла яго далейшы лёс [3, с. 115], бо гэта быў вірлівы час Беларускай сялянска-работніцкай грамады (БСРГ) і ахопленых рамантыкай нацыянальнага вызвалення камсамольцаў Заходняй Беларусі.

2 лютага 1927 г. на чале з Ф. Жылінскім у складзе пяці чалавек І. Я. Калеснікаў накіраваўся ў Косава, дзе прынялі ўдзел у Косаўскай дэманстрацыі супраць разгрому польскімі ўладамі БСРГ. Аўтар з захапленнем успамінаў, як з чырвонымі сцягамі і транспарантамі, на якіх былі надпісы "Вызваліць рабоча-сялянскіх дэпутатаў, вызваліць усіх палітзняволеных!", "Далой фашысцкую дыктатуру Пілсудскага!", з рэвалюцыйнымі песнямі дэманстранты прайшлі па вуліцах Косава, правялі мітынг. Атрады самаабароны прагналі паліцыю, якая спрабавала яго разагнаць. Калі дэманстранты зноў рушылі па горадзе, паліцыя пачала страляць. Першым залпам быў забіты Пётр Гаўрусь з в. Малы Галік. Ён ішоў наперадзе калоны са сцягам у руках. Паміраючы, ён крыкнуў: "Товарищи, мы погибаем единицы – вас останутся миллионы, не бросайте начатого нами дела…" [2, арк. 5; 4, с. 429].

І. Я. Калеснікаву ўдалося пазбегнуць арышту, у 1928 г. у чарговы раз працаваў на лесазаводзе Блок-Быцень, у 1929 г. уладкаваўся на лесазавод у Стоўбцах, які належаў фірме "Англія-Еўропа", дзе пасля трох месяцаў "катаржнай работы" рабочыя арганізавалі забастоўку з патрабаваннем павялічыць заработную плату. Скончылася тым, што зачыншчыкаў забастоўкі звольнілі з работы, і І. Я. Калеснікаў вымушаны быў пакінуць Стоўбцы. Вярнуўшыся дамоў, зноў стаў працаваць на заводзе Блок-Быцень,

адразу адчуў, што за ім устаноўлены нагляд, за арганізацыю выступлення рабочых быў звольнены з работы.

Вартасць успамінаў заключаецца ў тым, што змяшчае прозвішчы паплечнікаў па барацьбе, у тым ліку ў складзе КПЗБ, сябрам якой ён стаў у 1930 г., а таксама вызначальныя аспекты рэвалюцыйнай дзейнасці. Сакратаром партячэйкі быў Фёдар Аляксандравіч Макарэвіч, членам яе з'яўляўся Сцяпан Салонка з в. Манцюты, якога праз год арыштавалі, а ў 1932 г. арыштавалі І. Ф. Макарэвіча, абвінаваціўшы ў шпіянажы на карысць СССР і правядзенні сярод польскіх салдат антыўрадавай агітацыі. Пазней, пасля некалькіх звальненняў з розных месцаў работы, Ф. А. Макарэвіч перайшоў граніцу і апынуўся ў СССР. І. Я. Калеснікаў застаўся працаваць у сваім раёне. Сакратарамі партыйных ячэек у вёсках вакол Быцені сталі А. Ф. Лукшын і І. А. Ляўчук з в. Прыбарава, М. І. Банасевіч з в. Рудні, В. І. Ермаловіч з в. Заполле, М. М. Лукашык з в. Козіна, У. М. Страковіч з в. Манцюты. Да самага роспуску КПЗБ яны з'яўляліся сакратарамі партыйных ячэек, арганізоўвалі і ўзначальвалі забастоўкі. Адной з самых працяглых была забастоўка рабочых, якія працавалі ў капіталіста Рамбіля [3, с. 115–116].

Кідаецца ў вочы ідэйна-палітычная абумоўленасць стылістыкі аўтара, сацыяльна-класавыя прыярытэты якога былі скіраваны на цяжкія ўмовы найму, працы, арганізацыі барацьбы і эканамічныя правы рабочых. Так, паводле ўспамінаў аўтара, у лістападзе 1935 г. была аб'яўлена забастоўка лесарубаў, возчыкаў і рабочых лесазавода Блок-Быцень на тэрыторыі быценскай гміны. Рабочыя патрабавалі павышэння заробку для возчыкаў на 40 %, г. зн. з 2,5 злотых да 4 злотых, лесарубам на 10 %. Спачатку капіталісту ўдалося знайсці штрэйбрэхераў у кожнай вёсцы, нягледзячы на тое, што была праведзена тлумачальная праца сярод насельніцтва, каб не выходзілі і не выязджалі на працу да таго часу, пакуль не будзе заключаны дагавор. Вельмі перашкаджалі ў дасягненні пастаўленай мэты штрэйкбрэхеры. Дружыны самаабароны, якія былі створаны ў кожнай вёсцы, адбіралі ў іх сякеры і пілы, ламалі вазы і тапілі ў р. Шчары. Аднак пасля настойлівай растлумачальнай работы яны адступілі [2, арк. 11–12]. Забастоўкі праходзілі ва ўмовах жорсткіх рэпрэсій і праследаў. У Быценскай гміне былі мабілізаваныя на тое, каб зламаць забастоўкі, асаднікі, якія не давалі збірацца па 3–5 чалавек, разганялі і збівалі бастуючых, праводзілі арышты. Калеснікаў адзначыў важную акалічнасць, звязаную з тым, што забастоўка працягвалася больш за два месяцы і закончылася перамогай рабочых. Акрамя павелічэння платы за працу, было вырашана пабудаваць для рабочых завода Блок-Быцень інтэрнат [5, арк. 182].

Аўтар праяўляе жаданне падкрэсліць сваю значнасць праз супрацоўніцтва з вядомымі асобамі камуністычнага руху, акцэнтуе ўвагу і на 20 лістапада 1936 г., калі яго выклікалі ў в. Акунінава, дзе знаходзіўся сакратар Слонімскага акруговага камітэта камсамола С. В. Прытыцкі, на момант напісання ўспамінаў важная асоба палітычнай іерархіі БССР. Па яго прапанове І. Я. Калеснікава абралі сакратаром партячэйкі, членамі якой сталі А. М. Маслоўскі і К. А. Макарскі. Праз тры месяцы былі арганізаваны пяць ячэек КПЗБ, а праз паўгода ў наваколлі Быцені была арганізавана яўрэйская партячэйка і дзве камсамольскія. Паспяхова завяршылася новая забастоўка на Блок-Быцені. Зарплата возчыкаў была павышана на 70 %, а лесарубаў – на 20 %. Былі пабудаваны для рабочых тры баракі [3, с. 116].

Як вядома, у законе, прынятым Сеймам Польшчы ў 1924 г., было сказана, што там, дзе пражывае 25 % беларусаў ці дзе 40 % бацькоў выказвае жаданне навучаць сваіх дзяцей на беларускай мове, павінны быць адкрыты беларускія школы. У 1936–1937 гг. паўсюдна праводзіліся сходы, дзе абмяркоўвалася пытанне аб адкрыцці беларускіх школ на тэрыторыі Быценскай гміны. На сходах прымаліся рэзалюцыі з патрабаваннем адкрыць беларускія школы. Мясцовая адміністрацыя на чале з войтам Гейгатэхам усімі сіламі імкнулася аслабіць барацьбу беларускіх рабочых за родную школу, пад рознымі падставамі не давала магчымасці падаваць дэкларацыю. Сяляне вёсак Быцень, Прыбарава, Козіна, Заполле, Манцюты праяўлялі вялікую актыўнасць і напорыстасць. У масавым парадку ў гмінныя рады і школьны інспектарат паступалі дэкларацыі. Збіраліся подпісы і накіроўваліся ў Міністэрства асветы ў г. Варшаву, а таксама ў староства і на імя ваяводы. Такіх рэзалюцый і дэкларацый было накіравана каля 20 з подпісамі каля 3000 чалавек. За патрабаванне адкрыцця беларускіх школ было масавае выступленне рабочых і сялян. Адміністрацыя і паліцыя праследавалі і разганялі сходы, але былі выпадкі, што пасля разгону сходу сяляне на другі і трэці дзень збіраліся зноў [2, арк. 23–24; 5, арк. 190].

Асобная частка ўспамінаў прысвечана аўтарам знаходжанню ў канцлагеры Бяроза-Картузская. Першыя дні знаходжання ў канцлагеры моцна адбіліся ў памяці І. Я. Калеснікава: “Нас завели в подвал, так называемый изолятор. Камера была большая, сырая, холодная. Окна были забиты. Нас поставили к стенке по стойке смирно, почти уткнули носом в стену и заставили раздеться догола. Произвели тщательный обыск и стали избивать резиновыми палками. Они издевались над нами в течение целого дня”. Апісанне штодзённасці лагера ўключае ў сябе інфармацыю пра, сцвярджэнні аўтара, наўмыснае стварэнне антысанітарных умоў, а менавіта затапленне камеры вадой і прымус да знаходжання ў мокрым асяроддзі. Прымусовае прыняцце вызначанага становішча (“ляжаць на левым баку”) і

наступнае цыклічнае паўтарэнне каманд. Начныя інцыдэнты з уздымам і збіццём, якія здзяйсняліся пад рознымі падставамі, паказваюць на сістэму наўмыснага парушэння сну і сталага падтрымання стану страху і трывогі. Далей падрабязна апісана працэдура ранішняга мыцця і сняданку: "Утром принесли нам котелки, ложки, а затем погнали нас умываться к водоколонке. Гнали и командовали: "Ложись! Бегом марш! Ложись! Ползи по пластунски!" Назад в камеру бежали под ту же команду. После умывания стали еще грязнее. Такие приемы умывания почти каждый день повторялись. Вбежав в камеру и схватив котелки, мы направлялись в столовую на завтрак. Получив мутную водичку (кофе или кислую похлебку) и порцию хлеба, арестованные по сигналу садились за стол. Полиция обычно подгоняла палками опоздавших сесть за стол, а поэтому арестованные во избежание экзекуции усаживались на пол и принимались за пищу" [2, арк. 32–33]. Дадзеныя факты паказваюць на грэбаванне патрэбамі зняволеных і выкарыстанне ежы ў якасці інструмента кантролю і пакарання.

27 ліпеня І. Я. Калеснікава перавезлі з канцлагера Бяроза-Картузская ў Слонімскую турму, дзе ўжо знаходзіўся Іван Малец са Слоніма і сакратар ЦК камсамола Заходняй Беларусі Давід Фенгінберг. Хутка І. Я. Калеснікаў быў абраны сакратаром турэмнага камітэта. Задачы турэмнага камітэта былі наступныя: 1. Арганізаваць вучобу камуністаў і камсамольцаў, павышаць іх адукацыйныя веды, весці сярод іх палітычна-выхаваўчую работу і арганізаваць нелегальную перапіску. 2. Дабіцца ад турэмнай адміністрацыі, каб не перашкаджалі зняволеным атрымліваць з дому прадукты і выпісваць газеты.

10 сакавіка 1939 г. быў судовы працэс, і І. Я. Калеснікаў быў асуджаны на 5 гадоў турэмнага зняволення. 17 верасня, прыкладна ў 16.00 гадзін дня, быў вызвалены з турмы. Пасля вызвалення ў верасні 1939 г. І. Я. Калеснікаў актыўна уключыўся ў станаўленне і ўмацаванне Савецкай улады на Брэстчыне, быў дэпутатам Народнага сходу Заходняй Беларусі, на якім было прынята рашэнне пра ўз'яднанне з БССР [2, арк. 48–50; 3, с. 116]. З кастрычніка 1940 г. па красавік 1941 г. працаваў інструктарам Быценскага райвыканкама, затым да пачатку Вялікай Айчыннай вайны працаваў старшынёй Быценскага сельскага савета. 7 ліпеня 1941 г. І. Я. Калеснікаў у Крычаве быў мабілізаваны ў Савецкую Армію. Прынцыпова важна адзначыць тое, што Калеснікаў, у адрозненне ад большасці КПЗБоўцаў, якія мала распавядалі пра сваю дзейнасць у 1941–1944 гг., шмат паведаміў пра сваю баявую дзейнасць у складзе розных вайсковых і партызанскіх фарміраванняў, нягледзячы на факт знаходжання яго ў нямецкім палоне, з якога ён уцёк. Пасля заканчэння вайны быў намеснікам камандзіра батальёна па палітычнай частцы корпуса Міністэрства дзяржаўнай бяспекі Польшчы. У красавіку 1946 г. яму было прысвоена вайсковае званне капітана. З 25 жніўня па 28

верасня 1946 г. знаходзіўся ў распараджэнні галоўнага палітупраўлення Узброеных сіл СССР у г. Маскве. 28 верасня 1946 г. І. Я. Калеснікаў быў дэмабілізаваны [6, арк. 79–87].

Такім чынам, успаміны І. Я. Калеснікава адлюстроўваюць яго жыццёвы шлях, палітычную дзейнасць і з'яўляюцца змястоўнымі крыніцамі, якія дазваляюць глыбей зразумець асаблівасці нацыянальна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. Варта адзначыць тое, што ўспаміны былі напісаны праз некалькі дзесяцігоддзяў пасля апісваемых падзей, што ўплывала на іх аб'ектыўнасць. Неабходна крытычна аналізаваць магчымыя скажэнні і суб'ектыўныя ацэнкі, абумоўленыя часам і асабістым досведам аўтара. У цэлым, успаміны І. Я. Калеснікава ўяўляюць цікавасць для гістарыяграфіі гісторыі Заходняй Беларусі 1920–1930-х гг., падаюць змястоўныя дадзеныя і могуць быць выкарыстаны для ўдакладнення існуючых уяўленняў аб гісторыі Беларусі ў першай палове XX ст.

Крыніцы і літаратура

1. Савіч, А. А. Айчынная гістарыяграфія гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гадоў : манаграфія / А. А. Савіч ; навук. рэд. А. А. Каваленя ; М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Брэсц. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна. – Брэст : БрДУ, 2019. – 300 с.

2. Занальны дзяржаўны архіў у г. Баранавічы. – Ф. 131. Воп. 14. Спр. 1.

3. Памяць: Івацэвіцкі раён: гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / уклад: М. В. Банасевіч [і інш.] ; рэдкал.: В. П. Касько [і інш]. – Мн. : БелТА, 1997. – 496 с.

4. Хаўратовіч, І. П. Косаўскі расстрэл 1927 / І. П. Хаўратовіч // Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / гал. рэд. Г. П. Пашкоў. Т. 8. Канто – Кулі. – Мн. : Бел. Энцыкл. імя П. Броўкі, 1999. – С. 576.

5. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 1440. Воп. 3. Спр. 1084.

6. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці. – Ф. 500. Воп. 1. Спр. 25.

Да зместу

УДК 93/94

А. В. Воробей
Брест, Брестский государственный областной центр
молодежного творчества, Молодежный патриотический центр
И. А. Воробей
Брест, Брестский государственный технический университет

БЕРЕСТЕЙСКИЙ АРСЕНАЛ В СЕРЕДИНЕ XVI ВЕКА

В статье рассматривается опись вооружения и снаряжения, хранившегося в цейхгаузе Берестейского замка в середине XVI в. Автор выдвигает аргументированную гипотезу, как могли выглядеть описанные предметы оружия, амуниции и защитного снаряжения, исходя из реалий эпохи и личности берестейского старосты Николая Радзивилла Черного, чьими усилиями был собран замковый арсенал.
Ключевые слова: цейхгауз, доспехи, орудия, гаковницы, бургиньот, кираса, копье, полудоспех.

The article presents an inventory of weapons and equipment stored in the arsenal of the Berestye Castle in the middle of the 16th century. The author puts forward a reasoned hypothesis on how it was possible to describe figurative items of weapons, ammunition and protective equipment, based on the realities of the era and the personality of the Berestye praepostor Nikolai Radziwill the Black, through whose efforts the castle arsenal was collected.
Keywords: arsenal, armor, weapons, hooks, burgognotte, cuirass, spear, half-armor.

Любой архитектурный объект необходимо исследовать в контексте его функционального назначения, без понимания которого исследование будет неполным. Говоря о замках XVI в. на территории Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ), можно выделить две функции: оборонительную и резиденциальную. Особенностью рассматриваемого периода является т. н. «милитарная революция», ставшая возможной благодаря изобретению пороха, развитию технологий металлообработки, технических инноваций. Использование и развитие новых видов вооружения привели к изменению тактики боевых действий, обороны и устройства крепостей, структуры, организации и рекрутирования войск. XVI в. является переломным для замковой архитектуры ВКЛ. К концу столетия оборонительная функция переходит в основном на земляные сооружения: куртины, бастионы, равелины и пр. Собственно жилище феодала – дворец с сопутствующими постройками – выполняет функцию жилья, а также репрезентативную. Архитектурная выразительность, декор, ландшафт подчеркивают богатство и статус владельца.

В это же время старые резиденции крупных феодалов, особенно короля, перестают соответствовать требованиям времени. Берестейский замок, бывший с XIV в. великокняжеской и королевской резиденцией,

к середине XVI в. не вмещал королевский двор: «…Krol z Krolową Boną, y z Krolową mlodą iachał do Brześcia na Seym Litewski, na ktory przyiachal też Krol August z Wilna, y stal w Dworze Biskupa Łuckiego za Muchawcem, bon a Zamku dla niego stanie bydż nie mogło» [1, с. 13].

Обороноспособность замка напрямую связана с хранившимся в его стенах арсеналом оружия. Виды вооружения определяли не только объемно-пространственные характеристики зданий и сооружений, но и форму и габариты отдельных элементов (например, ширину, высоту расположения проемов). В средневековых замках и городах для хранения вооружения и снаряжения строилось отдельное здание арсенала или цейхгауза (от нем. Zeughaus). Первое известное описание цейхгауза Берестейского замка относится к середине XVI в. и известно по описанию Берестейского староства, опубликованному М. Довнар-Запольским: «...Цекгавзъ: домъ на пудмурованю, в которого на горе коморъ 4 розно, при путехъ, в середине шракги для вешаня и складаня зброи и иншихъ речей военныхъ, двери з замками 2, одни на блямки, другие на долъ; перед замкомъ и всходъ по обоюхъ сторонъ кганку; перед дверми на доле схована тартищами положоно, ворота 2 и двери передъ кганком, оболони складни с крижами...» [2, с. 443].

Отдельный интерес представляет комплект вооружения и снаряжения, хранившегося в берестейском замковом цейхгаузе. Arcis Bresten. Restaurator Николай Радзивилл Черный не только реконструировал Берестейский замок, но и пополнил замковый арсенал: «…будованьемъ и стрельбою замокъ добре опатрилъ и заспособилъ» [3, с. 178].

«...Зброя и стрелба в цецкгавзе: Зброе бляховие на особъ 100, до трехъ рукавицъ нѣтъ. Штурмаковъ до тихъ зброи 99. Партезановъ герцирскихъ, долгонасажоныхъ з герби небожчика панавоеводи виленского 22. Древецъ чорнихъ 35. Шефелиновъ неосажонихъ 3. Древецъ гишпанскихъ з кроти 13. Болтовъ до кушъ 5. Лихтаръ великий железний, роговъ оправенъ, 1. Кгротовъ 89.

На доле: Дѣлъ осажонихъ 12. Гаковницъ 96. З тихъ взято до Вилна за листомъ его милости пана подскарбего 48. Киевъ железныхъ 7. Цингратовъ до делъ 18. Кулъ железныхъ до делъкопъ 6. Флашекъ до гаковницъ 99. Форма на кули до делъ, можджеръ великий, штука желизная до стрелби, шлей до делъ 12, седелъ 12, хомотковъ 12; шкла округлого шибъ 2500...» [2, с. 443].

Из описания видно, что вооружение Берестейского замка состояло из «зброи» и «стрелбы». К «зброе» относилось холодное оружие и защитное снаряжение, в категории «стрелба» перечислено не только огнестрельное оружие, но и амуниция к нему. Огнестрельное оружие и амуниция хранились «на доле», т. е. на нижнем этаже, холодное оружие и доспехи хранились на втором этаже цейхгауза – «на горе».

В настоящее время нам неизвестно сохранившихся образцов оружия или доспехов XVI в. с точной привязкой к Бресту, за исключением отдельных предметов из раскопок [4, с. 93–98; 5. с. 208–231]. При этом милитария данного периода широко представлена в различных собраниях на территории Европы. Отдельные образцы вооружения, снаряжения и доспехов хранятся в музейных собраниях Республики Беларусь. Наибольший интерес для нас представляют предметы вооружения из собрания несвижского арсенала рода Радзивиллов, особенно образцы первой половины – середины XVI в, когда ярчайший представитель этого рода Николай Радзивилл Черный, находясь на должности Берестейского старосты, занимался реконструкцией замка и пополнением арсенала. Известно одно из ранних описаний радзивилловского арсенала, перевезенного из Несвижа в Чернавчицы его сыном, Николаем Криштофом Радзивиллом Сироткой, в котором упоминаются образцы вооружения, аналогичные берестейским, приведенным в реестре замка. Можно предположить, что Николай Радзивилл Черный, занимаясь закупками вооружения для королевского замка, заботился и о пополнении личного арсенала, делая заказ у одних и тех же мастеров. Известен список чернавчицкого арсенала, приведенный в статье В. Юхо [6]. Также в настоящее время известны отдельные образцы оружия и доспехов из радзивилловских собраний Несвижского замка [7].

Первыми в списке Берестейского арсенала упоминаются «зброе бляховие» – латные или пластинчатые доспехи (от нем. blach – плоский, пластина). История защитного снаряжения из металлических пластин на землях ВКЛ уходит корнями в эпоху Руси. Известно два вида пластинчатого доспеха того периода: ламеллярный и доспех на основе. С конца XIV – начала XV в. на территорию Беларуси проникает доспех, изготовленный из крупных кованых пластин.

В XVI в. на территории Европы происходит как унификация типологии доспехов, так и поиск новых форм и конструкций, сочетающих в себе функциональность и простоту изготовления и использования. Это было связано не в последнюю очередь с увеличением процента «неблагородных» воинов, в том числе наемников, нуждавшихся в надежной, но относительно недорогой и удобной в эксплуатации защите тела. Формируются такие типы доспеха, как полудоспех и трехчетвертной доспех, использовавшиеся пехотой и легкой кавалерией. В источниках того времени на наших землях упоминается «зброя стрелчая» – доспехи для стрелков.

Какие же доспехи хранились в арсенале Берестейского замка? Бросается в глаза соответствие количества вооружения и снаряжения: латные доспехи на 100 человек, к ним 99 «штурмаковъ» и 96 гаковниц. Скорее

всего, речь идет о комплектах пехотинцев-стрелков. Можно предположить, что это были облегченные полудоспехи, состоявшие из кирасы, ожерелья, шлема и рукавиц (к трем из ста комплектов «рукавицъ нѣтъ»). О внешнем виде этих доспехов мы можем предположить исходя из следующих фактов. Реконструкция замка, в том числе пополнение арсенала «стрелбою», происходило в 1550-е гг., когда Николай Радзивилл Черный получил должность берестейского старосты, и была завершена к 1559 г. Возможно, закупка снаряжения осуществлялась по распоряжению Радзивилла централизованно. О пристрастиях самого старосты мы можем судить по его гарнитуру, исполненному знаменитым нюрнбергским платнером Кунцем Лохнером в 1555 г., как раз в период реконструкции Берестейского замка (рисунок 1).

Рисунок 1 – Доспех Николая Радзивилла Черного

Выбор старосты берестейского был не случаен. Кунц Лохнер – Lochner (Lachner) Cunz (Conrad), ок. 1510, Нюрнберг – 17.09.1567 – являлся представителем профессиональной династии платнеров. Отец – Кунц, братья: Фридрих, Ханс, Хайнрих и Зебальд, все платнеры. Обучался в отцовской мастерской. Клеймо мастера – восстающий лев (рисунок 2).

В 1543 г. он получил 42 флорина за работы королевской Harnischkammer в Праге. В 1544 г. эрцгерцогом Максимилианом ему была пожалована должность придворного бронника с годовым окладом 50 флоринов. Около 1545 г. он доставил императору Карлу и его сыну, эрцгерцогу Максимилиану, позже императору Максимилиану II, доспехи, украшенные золотым травлением.

Рисунок 2 – Изображение клейма К. Лохнера [9]

Он был, вероятно, лучшим мастером среди нюрнбергских бронников своего времени. Имена работавших на него художников- граверов, отличавшихся высоким уровнем мастерства, к сожалению, неизвестны. Его произведения пользовались спросом среди высшего нобилитета Европы. В 1555 г. он снабжал князя Николая Радзивилла Черного. Для Сигизмунда II Августа, короля польского и великого князя литовского, он изготовил комплект брони для человека и лошади. В 1559 г. он сам приехал в Польшу за получением оплаты. Этот комплект был принесен в дар принцессой Анной королю Юхану III в 1574 г. В настоящее время эти доспехи хранятся в Королевском арсенале Швеции (Livrustkammaren) в г. Стокгольме (рисунок 3) [8 с. 184; 9, с. 77–80; 10. с. 933].

Рисунок 3 – Доспех Сигизмунда Августа
Hjälm så kallad armet / Livrustkammaren. URL: https://samlingar.shm.se/ object/BD98F1E4-38C4-435C-8F45-63D0B243EE78 (дата обращения: 20.03.2025)

Естественно, что доспехи из берестейского арсенала были попроще. К середине XVI в. в Европе был популярен т. н. «черно-белый» дизайн доспехов, сочетавший окраску основных плоскостей в черный цвет с рельефным выделением отдельных неокрашенных, шлифованных элементов. Окраска была недорогим и эффективным средством защиты металла от коррозии. Выделение шлифованных «белых» элементов в сочетании с черными плоскостями придавало доспеху эффектный, брутальный вид. Латная защита простого пехотинца и офицера отличалась как качеством, так и отделкой (травление, золочение и т. д.). Если говорить о типах шлемов, то в рассматриваемый период одним из популярных был бургиньот (или бургонет). К середине XVI в. это был шлем с глубоким куполом, высоким гребнем, козырьком, назатыльником и подвижными наушами. Купол шлема с гребнем мог быть цельнотянутый либо склепанный из двух половинок с завальцовкой по гребню. Науши могли быть открытыми, фиксирующиеся подбородочным ремешком, либо закрытыми, формирующими защиту подбородка. В документах ВКЛ такие шлемы назывались штурмаки (от нем. Sturmhaube).

В настоящее время известно несколько сохранившихся «солдатских» полудоспехов из собрания Радзивиллов в Несвиже, датированных серединой XVI в.

Один из них экспонировался в музее Хиггинса (Higgins Armory Museum) и представляет собой кирасу с латной юбкой, защиту шеи и плеч и шлем типа «бургонет-морион». Это первый доспех из распроданной в 1920-х гг. коллекции, выкупленный и возвращенный в экспозицию Несвижского замка. Нагрудник кирасы характерной для середины XVI в. формы с ярко выраженным тапулем. Шлем собран из двух половин, скрепленных вальцовкой по гребню и заклепками на козырьках. Науши открытого типа, назатыльник по форме и конструкции аналогичен козырьку. На элементах юбки нагрудника видны отверстия под заклепки, что позволяет предположить о ее некомплектности и наличии тассетов в первоначальном комплекте. Доспех декорирован канавками, следов оригинального окраса не сохранилось (рисунок 4).

Другой, выполненный в характерном для второй половины XVI в. черно-белом дизайне, хранится в музее Метрополитен (The Metropolitan museum of art), AN: 27.183.93 (рисунок 5). В примечании сказано, что это дар князя Альбрехта Радзивилла (Gift of Prince Albrecht Radziwill), 1927 г. Что характерно, местом изготовления доспеха указан Нюрнберг. Данный комплект состоит из полузакрытого шлема типа «бургонет» (бургиньот), горжета с наплечниками, кирасы с юбкой и защитой рук в виде налокотников и латных перчаток. На левой стороне кирасы присутствует вмятина, похожая на пулевую. На данном комплекте не только отсутствуют

налядвинники (tassets), но и не заметны следы их крепления. Подобная комплектация могла предназначаться как раз для солдат замкового гарнизона, которые сражались на «бламках» и не нуждались в защите нижней части тела.

Рисунок 4 – Полудоспех
из коллекции Радзивиллов
Национальный историко-культурный музей-заповедник «Несвиж»

Рисунок 5 – Доспех из музея Метрополитен

Германское происхождение имеют и другие предметы, хранящиеся в музее Метрополитен, числящиеся как «дар» Альбрехта Радзивилла. Среди них характерными для рассматриваемого периода и функционального назначения являются нагрудник AN: 27.183.48, защита спины AN: 27.183.53 (рисунок 6), горжеты AN:27.183.58 и AN: 27.183.59 (рисунок 7).

Рисунок 6 – Нагрудник и наспинник из коллекции Радзивиллов

Рисунок 7 – Горжеты XVI в. из коллекции Радзивиллов

Можно предположить, что в Берестейском замке хранились латные комплекты, аналогичные представленным выше. Важной деталью в описании является упоминание латных перчаток: «до трёхъ рукавицъ нѣтъ», что говорит о комплектации доспехов защитой рук, за трех комплектов.

Следующими в списке представлены различные виды древкового оружия. В брестском замковом арсенале хранилось 22 «партезана герцерскихъ, долгонасажоныхъ з герби небожчика пана воеводи виленского». «Партезанам» – протазаном – называлось длиннодревковое (долгонасажоное) оружие с достаточно длинным двухлезвийным наконечником с расширением внизу в виде полумесяца (рисунок 8).

Рисунок 8 – Протазаны XVI в. из арсенала в Граце

К XVII в. протазан из боевого превратился в церемониальное и статусное оружие. На протазанах из Берестейского замка был изображен герб «покойного пана воеводы Виленского». Очевидно, речь шла о гербе Николая Радзивилла Черного, умершего в 1565 г. (рисунок 9). Мода украшать оружие распространилась в Европе из Италии в XIV в. К XVI в. повсюду увеличивается количество богато украшенного оружия. Наконечники богато украшались травлением, таушировкой, нередко также искусной резьбой по металлу. Тонкая гравировка наконечников характерна для оружия дворцовой стражи. Исходя из описания, можем с уверенностью предположить, что в арсенале Берестейского замка хранилось 22 протазана оруженосцев (герциръ – оруженосец) из свиты Николая Радзивилла Черного с выгравированным или вытравленным на наконечниках гербом.

Рисунок 9 – Изображение Николая Радзивилла Черного с его гербом
с картины «Император Карл V на Аугсбургском съезде назначает Николая, сына Яна, и его потомков князьями на Олыке и Несвиже, находящихся под властью Николая с 1545»

Далее указаны 35 боевых копий «древецъ чорнихъ 35» (одно из значений слова чорный – не парадный, повседневный). К XVI в. копья становятся основным оружием пехоты. В войсках наемников-ландскнехтов их длина достигает 4,5–5 м.

Следующими по списку указаны «шефелиновъ неосажонихъ 3». В словаре польского языка Самуэля Богумила Линде слово szefelin приводится как синоним других разновидностей копий: влочни, ощепа, рогатины [11]. Однако Бехайм определяет шефлин (нем. Schefflin) как метательное копье с длинным, но пустотелым наконечником на коротком втоке, крепившемся к тонкому древку длиной 1,7 м (рисунок 10). Этимология названия выводится от javelin, javelot, также gabelo, известного со времен раннего Средневековья [12, с. 246]. Слово «неосажоныхъ» в данном контексте уместно перевести как ‘несобранных’. Возможно, речь идет лишь о наконечниках к этому виду оружия, не насаженных на древко.

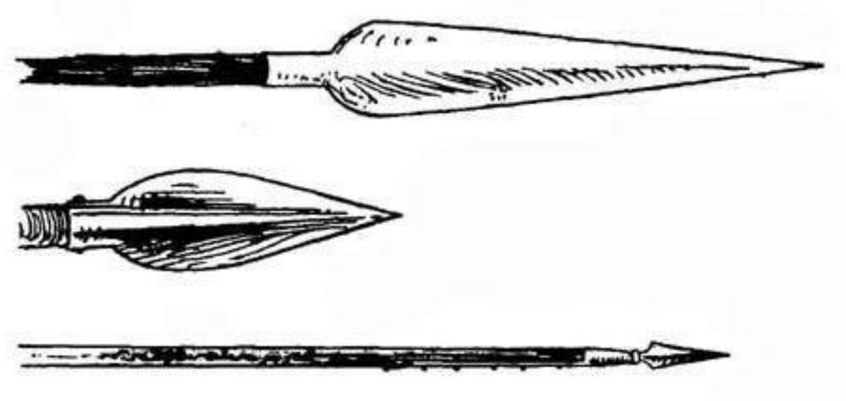


Рисунок 10 – Два шефелина и ландскнехтское копье (по В. Бехайму)

«Древецъ гишпанскихъ з кроти 13». Вопреки общеевропейской тенденции вооружения пехоты пиками с относительно узкими гранеными наконечниками, на вооружении знаменитой испанской пехоты стояли длинные копья с короткими, плоскими и широкими острыми наконечниками. Подобная тенденция сохранялась с XV по XVII в. включительно. Оригинальные образцы испанских наконечников XV–XVII вв. хранятся в музее Метрополитен с инвентарными номерами 14.25.486, 14.25.482, 14.25.24, 14.25.28. Длина варьируется от 11 до 12,2 см без учета длины лангет (рисунок 11).

Рисунок 11 – Наконечники испанских копий XV–XVII вв.
(по материалам сайта metmuseum.org)

В арсенале замка зафиксировано «болтовъ до кушъ 5» – пять арбалетных болтов. Есть мнение, что арбалет (куша) ко второй половине XVI в. утратил свое значение как боевое оружие на территории ВКЛ, не фигурируя в «пописах» войска и инвентарях арсеналов, за исключением берестейского [13, с. 57]. Арбалетные болты найдены П. Ф. Лысенко при раскопках в слоях XIV–XVI вв. [4, с. 96] (рисунок 12). В слое XV в. найден арбалетный «орех» [5, с. 283]. Необходимо отметить, что линейка арбалетов к XVI в. была достаточно разнообразной. Кроме боевых и охотничьих, существовали большие крепостные арбалеты, стрелявшие со специальной станины.

Рисунок 12 – Арбалетные болты из раскопок Берестья

Кроме этого, в берестейском цейхгаузе хранилось «кгротовъ 89» – 89 наконечников, тип которых не уточнен.

«Лихтаръ великий железний, роговъ оправенъ 1» – большой железный фонарь. Конструкция средневекового свечного фонаря принципиально не менялась на протяжении веков. Свеча помещалась в металлический или деревянный корпус. Для предохранения от задувания свечи с одновременной возможностью освещения использовались тонкие светопрозрачные пластины из кости. Технологию изготовления таких фонарей можно реконструировать по изображениям в известных Нюрнбергских домовых книгах (рисунок 13) [14].

Рисунок 13 – Средневековые фонари и их производство

Таким образом можно сделать вывод, что арсенал древкового оружия Берестейского замка, приведенный в реестре, был достаточно разнообразен по типологии и функциональному назначению.

Нижний этаж берестейского цейхгауза занимало огнестрельное оружие и амуниция. Первым пунктом упоминаются артиллерийские орудия на лафетах: «На доле: Дѣлъ осажоныхъ 12». К XVI в. типология артиллерийских орудий была весьма разнообразна как по назначению, так и по калибрам и даже способам заряжания – наряду с дульнозарядными появляются фоглеры как прототипы казнозарядных орудий. По письменным и иконографическим источникам нам известны гуфницы, шрубницы, серпантины, фоглеры, фельдшланги и т. д. Данные типы орудий не имели стандартных пропорций и норм изготовления. К 1530 г. формируется следующая линейка соотношений орудий по весу и калибру [15, с. 34] (таблица 1).

Таблица 1 – Соотношение орудий по весу и калибру

Орудие	Масса, ц.	Масса снаряда, фунт
Шарфмица	100	100
Базилиск	75	75
Соловей (Spiewak/slowik)	50	50
Каратуна	25	25
Нотшланги	–	16
Фельдшланги	–	8
Фальконы	–	4
Фальконеты	–	1–2

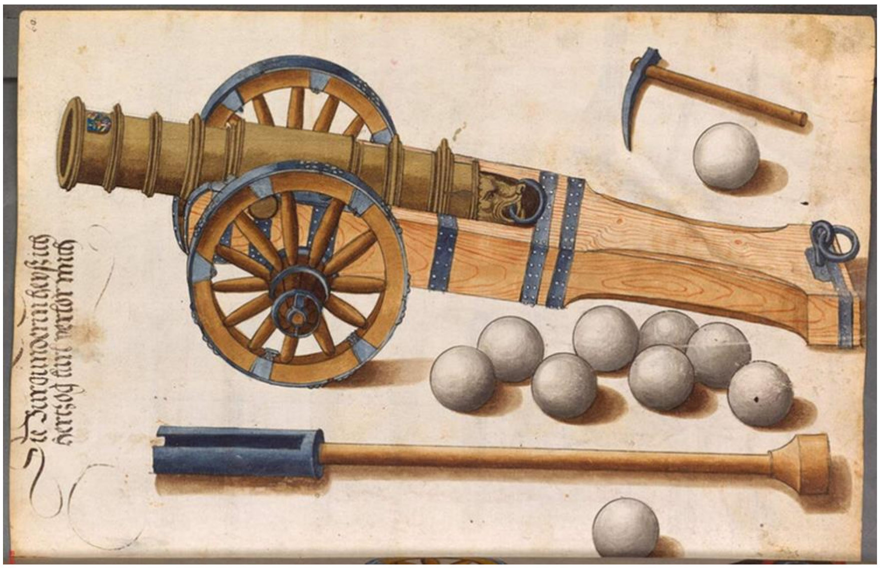


Рисунок 14 – Орудие на лафете, XV–XVI вв.
(по Zeugbuch Kaiser Maximilians I)

Рисунок 15 – Гаковница из Несвижа
Металл, ковка, сварка, чеканка; l – 1350 мм; калибр – 20 мм; l гака – 90 мм
(по материалам https://niasvizh.by/posetitelyam/arkhiv/gakovnitsa/)

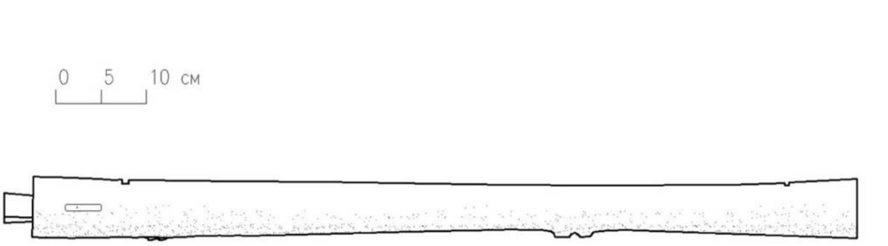
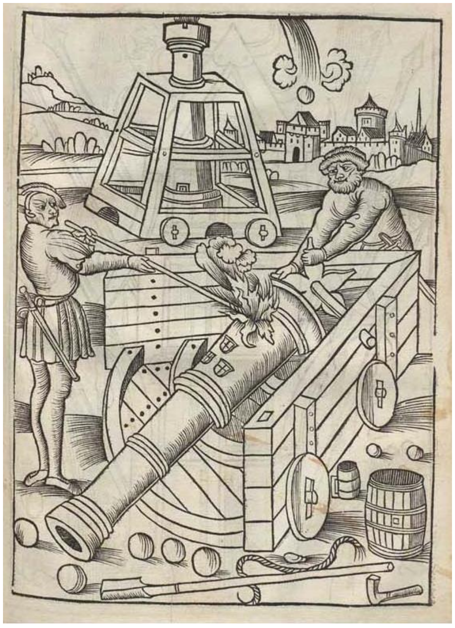


Рисунок 16 – Гаковница из фондов Брестского областного краеведческого музея (обмеры автора)

Рисунок 17 – Кий железный
(по материалам сайта vikingsword)



1

2

3

Рисунок 18 – Пальники:
1. Vier Bücher der Rytterschafft, Erfurt, Germany, 1511;
2. 1561 г.; 3. Сохранившиеся образцы в частных коллекциях
(по материалам сайта vikingsword)

Рисунок 19 – Пороховница середины XVI в. с дозатором

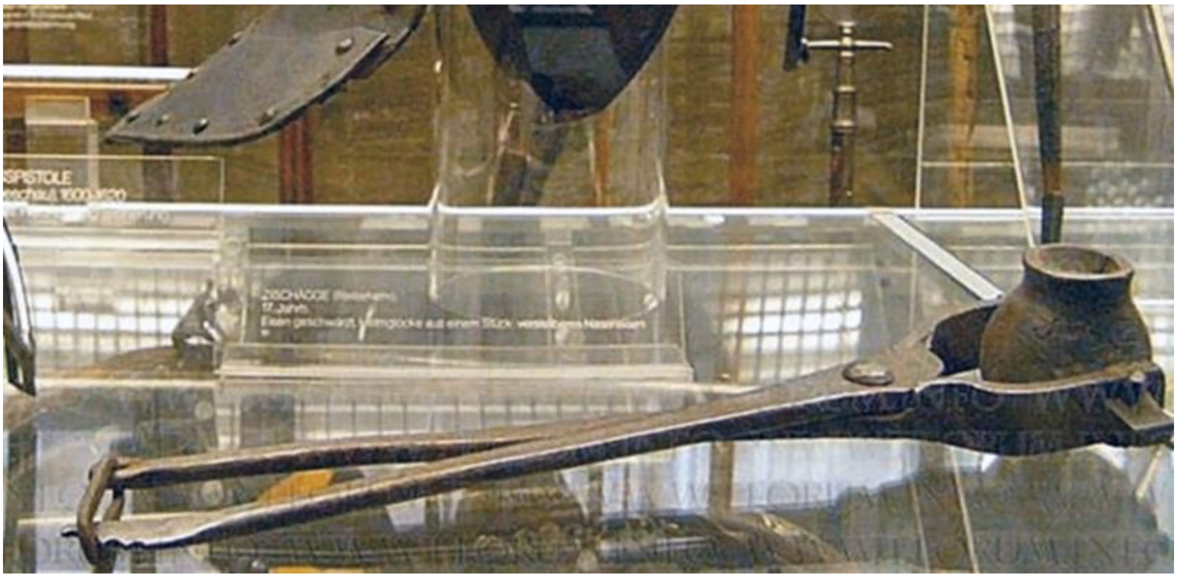


Рисунок 20 – Форма для литья ядер
(по материалам сайта vikingsword)

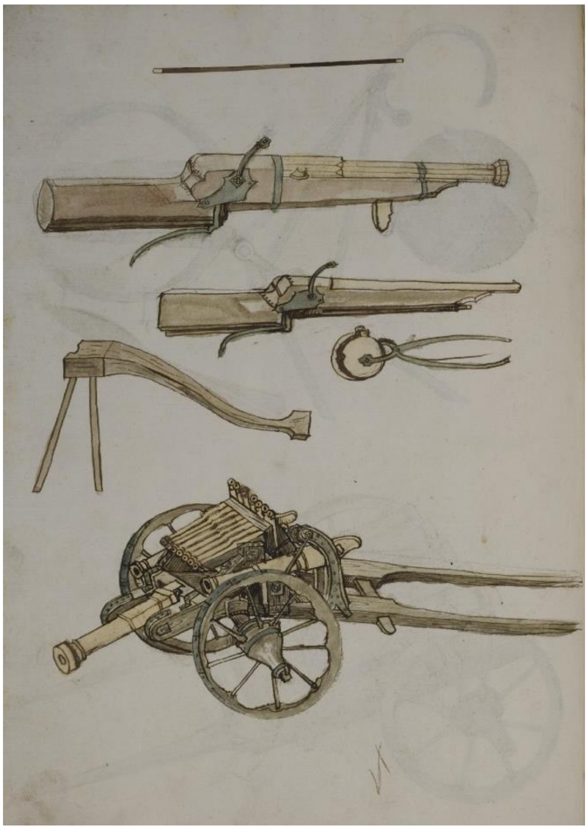


Рисунок 21 – Изображение гаковниц, многоствольных орудий и формы для ядер
(*по Philipp Mönch: Kriegsbuch*)

Рисунок 22 – Мортира
(*по Zeugbuch Kaiser Maximilians I*)

Рисунок 23 – Вьючное седло со сбруей
(*по Zeugbuch Kaiser Maximilians I*)

Примерно в это же время данные названия и классификация стали применяться в Короне. К середине XVI в. в документах ВКЛ всё чаще фигурирует термин «дело» как универсальное название всех артиллерийских орудий [13, с. 62–63].

Материалом для отливки орудий служили бронза и железо. В правление Жигимонта Августа людвисарня и артиллерийские варштаты из Кракова перемещаются в Вильно, где до этого не было ничего подобного. Причиной этих изменений были регулярные конфликты с Москвой [15, с. 54]. Это обеспечило стремительное развитие артиллерии ВКЛ 2-й половины XVI вв. (рисунок 14).

Обслуживанием орудий занимались специалисты, называемые в источниках «пушкари». В этот период оплата пушкарей была разной. Некоторые получали по 20, по 10, другие по 6и до 2 злотых на квартал и даже «к вящему удовольствию» и «платье в придачу». Во время военной кампании пушкари кроме оплаты (жолда) получали продуктовое довольствие 12 грошей на неделю и полный пансион. Пушкари имели при себе топорик, пороховницу с порохом для запала, «циндруту» - пальник, и прочистку запала. О принятии пушкарей на службу издавались королевские указы, в которых говорилось, где и за какую плату (жолд) они должны были служить [15, с. 43]. Поступая на службу, пушкари давали присягу, в которой обещали служить Его Величеству Сигизмунду, Королю Польскому, Великому Князю Литовскому, заботиться о вверенном оружии и сопутствующей матчасти (ядрах, порохе), способствовать нанесению максимального ущерба противнику и верно служить Его Величеству.

В мирное время пушкари служили при замках, занимались изготовлением пороха. Король Жигимонт I неоднократно напоминал старостам, чтобы пушкари не тратили время зря, а за высокое жалование, которое получали, занимались очисткой селитры и изготовлением пороха. Тех же, кто приказов не слушал, нужно было гнать со службы [15, с. 44].

В Литовской Метрике берестейский пушкарь Марко Зубрицкий упоминается около 1516 г. и позже. [16, с. 178–179].

«Гаковницъ 96. З тихъ взято до Вилна за листомъ его милости пана подскарбего 48». Гаковница (от немецкого Hackenbuchse) – ручное дульнозарядное орудие с крюком («гаком»), предназначенным для уменьшения отдачи от выстрела при упоре за крепостную стену или полевой щит. В источниках также имеет название «затинная пищаль». В конце XV в. для изготовления стволов подобных орудий часто применялась бронза. К середине XVI в. стволы гаковниц изготовлялись из железа. Анализ сохранившихся гаковниц данного периода показывает 2 основные формы ствола: круглый в сечении и гранёный (8-гранный). В сети Интернет есть большое

количество информации по гаковницам 1-й пол. – середины XVI в. от обыкновенных фото до страниц специализированных музеев и профильных форумов, где кроме фотографий приведены физические параметры орудий – размеры, вес, материал, нюансы технологии изготовления.

Находки гаковниц на территории Беларуси были сделаны в период 2006–2011 гг. во время реставрационных работ при расчистке рва Несвижского замка. В 2006 г. был обнаружен фрагмент ствола гаковницы с казённой частью, зимой 2010–2011 гг. две целых и одна, сохранившаяся фрагментарно. Весной–летом 2011 г. было найдено ещё семь гаковниц (рисунок 15). Длина стволов различная, в пределах 1115–1630 мм. Из девяти целых и двух фрагментарно сохранившихся гаковниц две имеют круглое сечение ствола, остальные – 8-гранное [17; 18].

Интересный экземпляр гаковницы хранится в фондах Брестского областного краеведческого музея (КП 2409, «Пищаль XVI–XVII вв., р-н Баранович»). Общая длина 942 мм, длина ствола с казённой частью 910 мм, калибр 28 мм. Сечение ствола круглое. В казённой части находится углубление под крепление полки высотой около 8–9 мм с запальным отверстием внутри. В нижней части ствола на расстоянии 120 мм от завершения казённика сохранились остатки петли для крепления ствола на ложе. Остатки гака (обломан) расположены на расстоянии 290 мм от дульного среза ствола. Пропилы под крепление мушки и целика расположены на расстоянии 75 мм. от дульного среза и 97 мм от завершения казённой части соответственно (рисунок 16).

«Киевъ железныхъ 7». «Кием железным» назывались ранние образцы ручного огнестрельного оружия XV в. Представляли они собой простую трубу, не унифицированную по длине, калибру, сечению ствола. Крепление могло осуществляться как на примитивное ложе, так и на палку (рисунок 17).

«Цингратовъ до делъ 18» Этимология слова «цингратъ» видится от немецкого «Zündgerät» – зажигательное приспособление, то есть пальник. В XVI в. можно выделить два типа пальников. В одном случае пороховой заряд поджигался раскалённым железным наконечником. В другом варианте использовался пропитанный селитрой фитиль, фиксировавшийся зажимным устройством, аналогичным курку фитильной аркебузы или мушкета. В обоих случаях в художественном оформлении пальника могли использоваться мотивы змеиной или драконьей головы (рисунок 18).

«Кулъ железныхъ до делъ копъ 6. Флашекъ до гаковницъ 99. Форма на кули до делъ…» В данном случае под термином «кули до делъ» мы можем подразумевать артиллерийские ядра. «6 копъ» – 360 штук для 12 орудий являлось неплохим запасом, учитывая скорострельность пушек того времени и расход боеприпасов. В XV–XVI вв. существовали различные

способы хранения пороха. Зачастую предполагалась его предварительная расфасовка в зависимости от калибра оружия (массы пули или ядра). «Флашки для гаковниц» – пороховницы, которые шли в комплекте с гаковницами. Существовало несколько вариантов зарядки огнестрельного оружия. Основной пороховой заряд засыпался в специальные ёмкости – «апостолы», носимые на перевязи – бандольере. Количество ёмкостей, как правило 12, откуда и название «апостолы». Затравочный порох носился в отдельной пороховнице, называемой «натруска». Заряд мог засыпаться в ствол сразу из пороховницы. Для этого пороховницы делались со специальным дозатором, поскольку малый заряд был неэффективен, а от чрезмерно большого ствол ружья могло разорвать при выстреле. Поскольку ревизия не упоминает никакой иной «пороховой» амуниции, можно предположить, что берестейские пороховницы были с дозаторами (рисунок 19). Порох изготовляли в замках, занимались этим пушкари. Во второй половине XVI в. использовались следующие соотношения компонентов для производства порохов (таблица 2).

Таблица 2 – Соотношение компонентов для производства порохов

Селитра	*Уголь*	*Сера*
5	1½	1½
6	1	1
7	1	1
8	1	1

Эти пропорции зависели от качества селитры. Чем она была лучше, тем меньше её брали [15, с. 42, 61]. «Форма на кули до делъ» – форма для отлива ядер (пуль). Пулелейки шли в комплекте к огнестрельному оружию (орудиям), чтобы солдаты имели возможность пополнять запасы амуниции в походе. Среди сохранившихся образцов встречаются в основном ружейные пулелейки. Формы для литья пуль большого калибра и ядер встречаются реже. В Germanisches Nationalmuseum в Нюрнберге хранится подобная форма, датированная 1621 г. [19] (рисунок 20). Самым ранним изображением такой формы для литья считается акварельный рисунок из книги Philipp Mönch: Kriegsbuch, датированной 1496 годом [20] (рисунок 21).

«Можджеръ великий» – мортира. Название соответствует принятому в XVI веке делению мортир на большие, средние и малые [15, с. 34] (рисунок 22).

В конце списка приведены «штука желизная до стрелби, шлей до делъ 12, седелъ 12, хомотковъ 12…». Соответствие количества орудий и конской сбруи для транспортировки говорит о том, что замковая артиллерия могла использоваться для походов и полевых сражений (рисунок 23).

Таким образом мы видим, что в замковом цейхгаузе хранилось вооружение на сотню пехотинцев-стрелков, 12 артиллерийских расчётов, а также холодное церемониальное и боевое оружие, устаревшие образцы вооружения. Учитывая площадь замкового детинца – около 2 Га, – запас был не малый. Оборона же «места» – собственно города Берестья, была обязанностью мещан: «А они мають… и гаковницы, и порохи и иные потребы ку обороне **местской** справовати и прибавляти всякими бронами, а парканъ…вси мають делници свои зробити потому, какъ и передъ тымъ всимъ местомъ робили» [21, с. 199]. Как видно из документа, в обязанность мещан входило «обслуживание» и оборона своего участка городской стены. В настоящее время мы не располагаем информацией про городской арсенал, в котором хранилось вооружение и снаряжение для обороны города. Скорее всего военнообязанные мещане хранили свою амуницию дома. Также интересен вопрос о рекрутирование солдат для замкового гарнизона. – были ли это военнообязанные мещане или расчёт был на наёмный гарнизон в случае военной опасности.

Источники и литература

1. Zbiór pisarzów polskich. Część druga. Pisma Ł. Gornickiego. T. IV. – Warszawa, 1828 // Podlaska biblioteka cyfrowa. – URL: https://pbc.biaman.pl/dlibra/publication/58203/edition/56571/content (data dostępu: 01.12.2024).

2. Описание староства Берестейского 1566 г. // Документы Московского архива Министерства юстиции. Т. 1. – М. : Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1897 г. – С. 205–448.

3. Довнаръ-Запольскій, М. Государственное хозяйство Великаго княжества Литовскаго при Ягеллонахъ. Т. 1. – Киевъ : Типографія Император. ун-та им. св. Владиміра, Акціон. О-ва печатн и издат. дѣла Н.Т.Корчакъ-Новицкаго, 1901. – 807 с.

4. Лысенко, П. Ф. Открытие Берестья / П. Ф. Лысенко ; 2-е изд., доп. – Минск : Белорусская наука, 2007. – 181 с.

5. Лысенко, П. Ф. Берестье / П. Ф. Лысенко. – Минск : Наука и техника, 1985. – 399 с.

6. Инвентарь вооружения Несвижского замка 1510, 1569 годов (позднее вывезенного в Чернавчицы) // Проект MEMO-RANDUM.NET – URL : https://memo-randum.net/katalog/interesnye-stati/inventar-vooruzheniya-nesvizhskogo-zamka-1510-1569-godov-pozdnee-vyvezennogo-v-chernavchitsy-i-drugi/ (дата обращения : 09.03.2025).

7. Нясвіж. Палацава-паркавы ансамбль. Збор зброі і даспехаў : кніга-альбом / Сяргей Егарэйчанка. – Мн. : А. А. Аляксееў, 2017. – 267 с.

8. Фолкс, Ч. Средневековые доспехи. Мастера оружейного дела / Чарльз Фолкс ; пер. с англ Т. Е. Любовской. – М.: ЗАО «Центрополиграф», 2006. – 207 с.

9. Gurlitt, C. Deutsche Turniere, Rüstungen und Plattner des XVI Jahrhundert. Archivalische Forschungen / Cornelius Gurlitt. – Dresden : Gilbers'sche Königl. Hof-Verlagsbuchhandlung, 1889. – 114 с.

10. Nürnberger Künstlerlexikon: Bildende Künstler, Kunsthandwerker, Gelehrte, Sammler, Kulturschaffende und Mäzene vom 12. bis zur Mitte des 20. Jahrhunderts / Herausgegeben von Manfred H. Grieb unter Mitarbeit zahlreicher Fachgelehrter. – K. G. Saur München, 2007. – 2104 s.

11. Szefelin // Słownik języka polskiego. T. 3. R–T. – URL: https://kpbc.umk.pl/dlibra/publication/8182/edition/13038/content (data dostępu: 26.03.2025).

12. Бехайм, В. Энциклопедия оружия / В. Бехайм ; пер. с нем. А. А. Девель [и др.]. – СПб. : АО «Санкт-Петербург оркестр», 1995. – 576 с.

13. Бохан, Ю. М. Узбраенне насельніцтва беларускіх зямель у XIV–XVI стст. / Ю. М. Бохан. – Мн. : Беларусь, 2012. – 151 с.

14. Nürnberger Hausbücher // Die Hausbücherder Nürnberger Zwölfbrüder-stiftungen. – URL: https://www.nuernberger-hausbuecher.de/ (datum des zugriffs: 01.12.2020).

15. Górski, K. Historya Artyleryi Polskiej / K. Górski. – Warszawa, 1902. – 327 s.

16. Obrazy życia i podróży przez J. I. Kraszewskiego. T. 1. Wydanie Adama Zawadzkiego. – Wilno, 1842. – 223 s.

17. Мяцельскі, А. А. Знаходкі агнястрэльнай зброі ў Нясвіжскім замку / Андрэй Мяцельскі // Беларускі гістарычны часопіс. – 2011. – № 2 (139). – С. 43–44.

18. Мяцельскі, А. А. Новыя знаходкі агнястрэльнай зброі з Нясвіжскага замка / А. А. Мяцельскі, В. А. Ціхінская // Беларускі гістарычны часопіс/ – 2012. – № 6. – С. 42–45.

19. Rare 15th and 16th Century Ball Molds // Vikingsword. – URL : http://www.vikingsword.com/vb/showthread.php?t=10236 (date of access : 23.03.2025).

20. Philipp Mönch: Kriegsbuch // Bibliotheca Palatina – digital. – URL : https://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/cpg126/0020/ (date of access : 23.03.2025).

21. Акты Литовско-Русского государства, изд. М. Довнар-Запольским. Вып. 1. (1390–1529 г.). – М. : Унив. тип., 1899. – 258 с.

Да зместу

УДК 39(476)

Л. П. Никитенкова
Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

К ВОПРОСУ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ В ОБЛАСТИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В XVII ВЕКЕ: ИЗУЧЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ ТЕНДЕНЦИЙ ОБЩЕСЛАВЯНСКОГО НАСЛЕДИЯ

Статья посвящена проблеме культурных связей восточнославянских народов в области просвещения в XVII в. Автор рассматривает взаимопроникновение культур на примере деятельности Киевского коллегиума, который был центром распространения научных знаний, культурных достижений на земли восточных славян.

Ключевые слова: влияние, культура, просвещение, восточные славяне.

The article is dedicated to the problem of cultural ties of East Slavic peoples in the field of enlightenment in the XVII-th century. The author considers the interpenetration of cultures on the example of the activities of the Kiev Collegium, which was a center for the dissemination of scientific knowledge, cultural achievements in the lands of the East Slavs.

Keywords: influence, culture, enlightenment, East Slavs.

Социокультурная ситуация в современном мире демонстрирует целый спектр серьезных противоречий во взаимодействии человека с обществом и миром. Тотальное наступление массовой культуры, кризис институтов семьи, манипулирование человеком со стороны современных социальных сетей – все это заставляет говорить о социальном кризисе современного человека и усугубляет трудности в воспитании подрастающего поколения. Поэтому на сегодняшний день принципиально важной задачей в формировании целостной личности становится изучение мира человеческих ценностей.

Возврат к традиционным ценностям восточнославянских народов является необходимым и оправданным с точки зрения благополучного развития общества. А для того, чтобы общество могло сохранить свою уникальную культуру, должна происходить передача духовных, ценностных ориентиров, на которых держалась восточнославянская цивилизация на протяжении своей истории. Изучение межнациональных историко-культурных связей восточных славян имеют давнюю историографическую традицию, но современные условия требуют не только повторения, но и активного обсуждения проблем общеславянского культурного наследия.

Славянская духовно-культурная общность определяется исторической судьбой народа и своеобразием его исторического пути. Понимание

собственного прошлого, правильный выбор приоритетов, адекватная интерпретация культурного наследия – вот одно из обязательных условий формирования устойчивой национально-культурной самоидентификации. «Историческая память является одной из фундаментальных основ национального самосознания» [1, с. 87].

Традиционная культура восточных славян во многом базировалась на архаических механизмах общинно-коллективистского массового сознания. Проявлением этого можно считать идею единства восточнославянских народов. При анализе общности духовных ценностей восточных славян необходимо учитывать то, что народы Беларуси, Украины, России имеют сходство и параллелизм в происхождении, исторических судьбах, культурном развитии.

XVII век занимают особое место в истории европейских государств: идет процесс политической централизации, экономического подъема. Восточнославянские земли не могли не откликнуться на те изменения, что имели место в западном мире. Именно «с эпохи Алексея Михайловича усиливается взаимодействие великорусской и западнорусской, в особенности малорусской, культур, в результате чего явилось создание общерусской культуры. При этом вклад малорусов и белорусов в эту общую для всех восточных славян культуру был не только не меньшим, но даже большим, чем великорусов» [2, с. 5].

Некоторые авторы утверждают, что «начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа» [3, с. 54].

Но влияние, взаимопроникновение культур никто не отрицает. В. О. Ключевский отмечал: «Влияние наступает, когда общество, его воспринимающее, начинает сознавать превосходство среды или культуры влияющей и необходимость у неё учиться, нравственно ей подчиняться, заимствуя у неё не одни только житейские удобства, но и сами основы житейского порядка, взгляды, понятия, обычаи, общественные отношения» [4, с. 135].

Он же выделил и причину появления «западничества» в Московской Руси: «источник западного влияния – недовольство своей жизнью, своим положением, а это недовольство исходило из затруднения, в каком очутилось Московское правительство… невозможность справиться с насущными потребностями государства при наличных домашних средствах, какие давал существующий порядок…» [5, с. 195].

Таким образом, интерес к западной культуре регулировался прежде всего экономическими факторами [6, с. 45].

В XVII веке перед Московией стояла задача преодоления международной и культурной изоляции. Государство уделяло внимание культуре,

финансируя и насаждая её, уничтожая препятствия на пути этого развития. Особое значение приобретала проблема образования подрастающего поколения. Точка зрения многих современных исследователей по данной проблеме сводится к тому, что самодержавие было лидером модернизации, а вовсе не тормозом развития просвещения. Более того, «не развитие народного образования отставало от потребностей народа, а наоборот, потребности народа в образовании отставали от возможностей, которые создавала существующая система народного просвещения» [7, с. 43].

Разум без учения приобрести невозможно, а учиться надобно с детства. Если с младенчества ребёнка не учить, как правильно заметил историк Татищев В. Н., то он останется «в природной злости и невежестве» [8, с. 51].

Находясь в соседстве с католической Польшей, украинские и белорусские земли попали под непосредственное влияние этой страны. Влияние это обнаружилось во внутренней жизни малоруссов и западноруссов, их быте, религии и особенно в характере просвещения, которое заметно стало создаваться здесь по латино-польскому образцу. Именно исторические обстоятельства этого периода повлияли на то, что восточнославянская культура встала перед необходимостью ускорить выработку собственной идентификации, вступив в непосредственный контакт с более активной католической конфессией. Конечно, не только религиозный фактор определял направление адаптационного процесса, но роль его была значительной, потому что костел, церковь принимали активнейшее участие в формировании этноса.

В XVII в. мы находим на белорусских, украинских землях, в самом Московском государстве школы, устроенные по образцу средних училищ, существовавших в Польше и других странах Европы. При организации учебно-воспитательного процесса в этих школах можно видеть существовавший компромисс между православными догмами и реалиями европейской культуры того времени. Впоследствии между ними возвысилась Киевская Богоявленская братская школа. Архимандрит Киево-Печерской Лавры и митрополит Киевский П. Могила, находясь во Львове в 1631 г., подписал обет об устроении им школы: «умыслилем фундовать школы для того, абы молодежь…в обычаех добрых и в науках вызволионых цвичена была» [9, с. 27].

Из Львова пригласил и ученых монахов Исайю Козловского и Сильвестра Коссова, которые получили образование в Виленской братской школе, а потом продолжили обучение в Люблинской иезуитской коллегии [10, с. 68].

В результате слияния данной школы с Киево-Печерской Лаврской школой образовался Киевский коллегиум в 1632 году [11, с. 499].

П. Могила, возглавив это учебное заведение, заплатил дань своему времени и окружавшему его польско-католическому миру: При всей его

ревности к православию, в нем заметно примирение со многими формами и обычаями католицизма. «Это доказывают его сочинения и особенно просветительская деятельность по устройству коллегиума, получившего под его влиянием несомненно католический характер, вследствие чего он и оказал важную услугу распространению католического влияния в Южной и Западной Руси» [12, с. 119].

Длительное время это высшее учебное заведение, где было сильно западно-католическое направление, являлось центром распространения научных знаний, культурных достижений не только на земли восточных славян, но и южных. Чуть позже это направление получит название киевского по его сосредоточению в Киеве [13, с. 137].

Именно этим направлением и были заражены те представители малорусского и белорусского народа, которые, появившись в Москве в середине XVII в., стали одним из источников ассимиляции культурных начал Запада и Востока. «За XIV–XVI ст.ст. вышэйшую адукацыю ў Еўропе атрымала да 700 выхадцаў з Беларусі і Літвы» [14, с .7].

В Киевском коллегиуме учились не только белорусы, украинцы, но и дети русской знати (боярский сын Иван Озеров, Порфирий Зеркальников, впоследствии московский дьяк, стольники Иван Обидовский и Конон Зотов). Ее учениками были многие известные культурные и общественные деятели Беларуси, Украины, России (Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский, Федор Баевский, Симеон Полоцкий, Карион Истомин) [13].

Достижения иезуитов в сфере образования были широко известны. Исследователи отмечает три основных момента в деятельности иезуитских коллегиумов. «Во-первых, при учреждении коллегиума предварительно создавался источник постоянного фонда – фундация. Поэтому коллегиум предлагал бесплатное обучение… Во-вторых, содержание и методы обучения в коллегиуме были стандартизированы. В-третьих, для иезуитов учительский труд являлся не способом добычи средств к существованию, а обязательной формой упражнения в трёх монашеских добродетелях: нестяжании (бедности), целомудрии и послушании. Последнее обстоятельство обеспечивало коллегиуму непрерывное возобновление высокомотивированных учительских кадров» [15, с. 28].

Открытая система знаний, существовавшая с начала европейской эпохи, доступ к которой регламентировался, прежде всего, экономическими факторами, свидетельствовала о достаточно высокой планке образования, которую предложил «латинский мир» [6, с. 45].

Латинское образование, сближая Речь Посполитую, многоконфессиональное, многонациональное государство, со всем католическим миром, являлось одним из вариантов взаимопроникновения культур восточно-

славянского этноса и той культурной почвой, на которой выросло национальное просвещение.

Таким образом, «белорусско-украинская контактная этнокультурная зона сыграла важнейшую роль в последующем развитии славянских культур. Лежавшая между двумя крайними культурными центрами славянского мира, она способствовала обмену духовным опытом, а тем самым и снижению контрастности славянских этносов» [16, с. 77].

Для каждой культуры одинаково вредны как национальная замкнутость, приводящая к застою, так и игнорирование национальных традиций, которые придают ей стабильность. Взаимопроникновение общественно-политических идей, церковно-богословской и светской литературы, подвижничество деятелей культуры имело благотворное влияние на историческое развитие восточнославянских народов.

Взаимодействие культур и сотрудничество не должно перерасти в засилье национальных идей со стороны заимствованных. И вместе с тем, ценностные доминанты восточнославянской культуры не должны быть утрачены в процессе взаимодействия с другой культурой в новом глобальном мире [17].

Источники и литература

1. Козловская, Н. В. К вопросу о концептах: историческое сознание и историческая память / Н.В. Козловская, Н.Л. Мысливец // Веснік Гродзенскага дзяржуніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 5. – 2015. – №1. – С. 78–88.

2. Восточные славяне в XVII–XVIII веках: этническое развитие и культурное взаимодействие. Материалы «круглого стола» // Славяноведение. – 2002. – № 2. – С. 3–35.

3. Нугманова, Н. А. Данилевский о всемирно-историческом процессе: основные понятия и категории / Н. А. Нугманова // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 1997. – №2. – С. 53–55.

4. Ключевский, В. О. Сочинения: В 9-ти тт. Т. III. Курс русской истории / В. О. Ключевский. – М. : Мысль, 1988. – 414 с.

5. Ключевский, В. О. Сочинения: В 9-ти тт. Т. II. Курс русской истории / В. О. Ключевский. – М. : Мысль, 1987. – 447 с.

6. Евароўскі, В. Б. Сярэднявечная Беларусь у інтэлектуальнай гісторыі «экспансіі» Еўропы / В. Б Евароўскі // Веснік Магілёўскага дзяржуніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя навукі. – 2015. – № 1(45). – С. 43–48.

7. Моряков, В. И. Проблема воспитания «истинного сына Отечества» в России / В. И. Моряков // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 2009. – № 2. – С. 42–58.

8. Татищев, В. Н. Избранные произведения / / В. Н. Татищев ; под ред. С.Н. Валка. – Ленинград : Наука, 1979. – 464 с.

9. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. В 3 т. Т. 1. – М. : Издательство Академии Наук СССР, 1953. – 588 с.

10. Дзюба Е. Н. Просвещение на Украине и его роль в укреплении связей украинского народа с русским и белорусским, вторая половина XVI – первая полвина XVII в. / Е. Н. Дзюба ; АН УССР, Ин-т истории. – Киев : Наукова думка, 1987. – 131 с.

11. Полонська-Василенко Н. Д. Історія Украини : у 2 т. / Н. Д. Полонська-Василенко. Т.1. : До середини XVII століття. – Киив : Либідь, 1992. – 588 с.

12. Любимов, С. Борьба между представителями Великорусского и Малорусского направления в Великороссии в конце XVII и начале XVIII веков / С. Любимов // Журнал министерства народного просвещения. – Санкт-Петербург, 1875. – Часть CLXXX. – С. 117–152.

13. Пушкарев, Л. Н. Культурные связи России и Украины во второй половине XVII века / Л. Н. Пушкарев // Вопросы истории. – 2000. – № 7. – С. 136–143.

14. Самусік, А. Ф. Зараджэнне патрыятычнага выхавання ў сістэме айчыннай адукацыі ў XIV– пачатку XVII ст. / А. Ф. Самусік // Весці БДПУ. Серыя 2. Гісторыя, філасофія, паліталогія, сацыялогія, эканоміка, культуралогія. – 2014. – №4(82). – С.7–10.

15. Лявшук, В.Е. Формирование сети орденских домов общества Иисуса в Великом Княжестве Литовском в 1569–1773 гг. / В.Е. Лявшук // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы. Серыя 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2015. – №1 (189). – С.27–34.

16. Мыльников, А. Близкие и далекие. Разлом в славянском мире / А. Мыльников // Родина. – 2001. – №1-2. – С.72–78.

17. Сыманович, Т. Н. Духовная традиция восточных славян в современном воспитательном процессе / Т. Н. Сыманович. – URL: http://dspace.mspu.by/bitstream/123456789/1358/1/Сыманович%2C%20Т.%20Н. %20Духовная%20традиция.pdf (дата обращения: 20.03.2025).

Да зместу

УДК 94“1941/1945”:069.(476.6) “1944/1991”

Е. В. Розмысл
Гродно, средняя школа № 26 имени А. Н. Сивачева

МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ ПАМЯТИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ЩУЧИНСКОМ РАЙОНЕ: СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1944–1991)

В статье представлено исследование процесса увековечивания памяти о событиях Великой Отечественной войны на территории Щучинского района Гродненской области. Рассматриваются мероприятия местных партийных и советских органов по ликвидации последствий немецкой оккупации, по выявлению мест захоронений мирных жителей и воинов Красной Армии, партизан, установлению памятных знаков. Предлагается классификация мемориалов: памятники жертвам Холокоста, землякам, индивидуальные могилы, мемориалы сестрам Хатыни. Подчеркивается значение мемориализации в сохранении и передаче памяти о Великой Отечественной войне потомкам, в патриотическом воспитании молодого поколения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, мемориализация памяти, увековечивание погибших, мемориалы, местные органы, советская власть.

This article traces the process of commemorating the memory of the Great Patriotic War in the Shchuchin District of the Grodno Region. It examines the efforts of local Party and Soviet authorities to address the consequences of the German occupation, identify burial sites of civilians, Red Army soldiers, and partisans, and erect memorial markers. A classification of memorials is proposed: Holocaust memorials, monuments to local residents, individual graves, and memorials dedicated to the "sisters of Khatyn." The significance of memorialization in preserving and passing on the memory of the Great Patriotic War to future generations is emphasized, as well as its role in the patriotic education of the younger generation.

Keywords: Great Patriotic War, memorialization of memory, commemoration of the fallen, memorials, local authorities, Soviet government.

Увековечивание памяти о событиях и жертвах Великой Отечественной войны на территории Щучинского района началось с момента освобождения от немецких оккупантов и продолжается до настоящего времени.

Документальные сведения об этом хранятся в Государственном архиве общественных объединений Гродненской области (ГАООГО) [1–6] и Государственном архиве Гродненской области (ГАГО) [7]. Частично документы опубликованы в сборниках «Геноцид белорусского народа» [8], «Хатынская Стена памяти» [9], «Преступления немецко-фашистских оккупантов» [10]. Ценным источником по теме исследования явились воспоминания участников партизанского движения [11] и узников гетто: Н. Г. Шифмановича, П. Левит-Бейраха [12], С. Р. Полячака [13]. Информация о памятниках и об увековечении памяти погибших содержится в справочниках, газетных материалах и научных исследованиях. Использование такого

пласта документов и материалов с применением методов научного исследования позволили рассмотреть ход мемориализации на территории Щучинского района.

В данном процессе можно выделить два этапа. Первый – от освобождения района в июле 1944 г. и до завершения ликвидации последствий войны и восстановления народного хозяйства в рамках четвертой пятилетки (1946–1950 гг.), второй – с начала 1950-х гг. и до распада СССР [14, с. 41].

До 6 января 1965 г. нынешний Щучинский район состоял из Желудокского, Василишковского и Щучинского районов, а также прилегающих территорий. Масштаб уничтожения населения и разрушений в Щучинском районе в период оккупации определить сложно. По данным Народного комиссариата госбезопасности БССР, в трех районах погибло с учетом бойцов Красной Армии, партизан и мирного населения более 16 500 человек [15, с. 229].

Уходя, враг оставил не только выжженную землю, но и бесчисленные следы своих преступлений. Для их выявления и учёта по постановлению СНК СССР от 17 апреля 1943 г. № 3664 и постановлению исполкома Барановичского областного Совета депутатов трудящихся и бюро обкома КП(б)Б от 29 августа 1944 г. была создана Чрезвычайная Государственная комиссия (ЧГК) по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям [1, лл. 9–10]. Также на заседании бюро райкома партии 18 сентября 1944 г. была создана районная комиссия [1, л. 7]. К нему 20 сентября 1944 г. создали рабочий аппарат районной ЧГК в составе 7 человек. Аналогичные комиссии создавались в сельсоветах до 1 сентября 1945 г. [1, л. 10].

Одновременно принимались меры по увековечению памяти погибших. На заседании бюро РК КП(б)Б 5 октября 1944 г. рассматривался вопрос «Оформление братских могил – жертв немецких оккупантов в Щучинском районе» [1, л. 11]. Было принято решение: «В целях увековечивания памяти погибших лучших сынов нашей Родины в борьбе за независимость и свободу белорусского народа провести в следующие мероприятия: 1. Обязать председателей сельсоветов к 27-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции (7 ноября 1944 г.) взять на учёт все могилы партизан, бойцов Красной Армии и граждан, зверски уничтоженных немецко-фашистскими захватчиками. 2. Построить ограды вокруг кладбища, а также одиноких и братских могил, провести кодировку могил, посадку деревьев, цветов и др. 3. Восстановить и сделать постаменты и надписи о похороненных в могилах на металлических пластинках масляными красками, а также сохранить имеющиеся фотографии. 4. Организовать постоянный уход и

наблюдение за состоянием кладбищ, одиночных могил и мест массовых казней. 5. Рабочих, служащих, интеллигенцию, комсомольцев, пионеров и школьников организовать по сохранению и уходу за местами похороненных воинов Красной Армии и партизан. 6. Выделить средства для оплаты расходов, связанных с оформлением и уходом за могилами» [1, лл. 13–14; 16, с. 158; 17, с. 192–194]. С учетом объективных обстоятельств процесс проходил медленно [18, с. 189].

На заседании Щучинского РК КП(б)Б 20 апреля 1946 г. было принято постановление «Об увековечивании памяти воинов РККА». В нем сообщалось: «А) Перенести могилы воинов и партизан из городского сквера на военное кладбище. …В) соорудить памятники на городских скверах на месте массового расстрела еврейского населения, в парке, где были расстреляны советские военнопленные. …2. обязать председателей сельсоветов произвести перенос могил воинов РККА погибших в 1941 г. и захороненных на полях, шоссейным и тракторным дорогам, а также к населенным пунктам» [5, л. 93]. Руководству фанерного завода было указано изготовить фундаментальный памятник из дуба или граба и установить его на братской могиле воинов в городском парке к 30 апреля 1946 г. [5, л. 92]. Таким образом, к первой годовщине победы уже существовал первый мемориал советским воинам, погибшим на территории района [19, с. 249–250].

В нем были захоронены 229 воинов 139-й стрелковой дивизии 50-й армии 2-го Белорусского фронта, погибших в июле 1944 г. при освобождении района и города от фашистов, а также 6 партизан: С. Марчук, И. Сапега, С. Морозов, И. Антонович, А. Колядко и неизвестный. Среди погибших – командир 3-й батареи 472 Краснознаменного Лиозненского Верхнеднепровского гаубичного артиллерийского полка РГК В. М. Федорович, награжденный орденом Красного Знамени. В 1950 г. над могилой установлена скульптура воина, а на лицевой стороне высечено: «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины» [18, с. 190; 20, с. 756; 21, с. 335; 22].

В постановлении Василишковского РК КП(б)Б от 26 июля 1947 г. «Об итогах работ по увековечиванию памяти воинам Советской Армии и партизан, погибшим в годы Великой Отечественной войны» было принято решение о завершении работ по увековечиванию памяти погибших к 3 сентября 1947 г. [3, л. 240; 23, с. 213].

В 1950 г. в Острино была установлена братская могила подпольщиков. В ней захоронены комсомольцы В. Вашкевич, П. Жуковский, Н. Корсунов, В. Сакута, Н. Слатвинский, погибшие в борьбе против немецко-фашистских захватчиков в июне 1942 г. В декабре 1941 г., когда немцы заявили о взятии Москвы, на улицах Острино появились листовки, в которых сообщалось о разгроме вражеских войск у столицы [24, с. 12; 25, с. 263–264; 26, с. 49].

Таким образом, в первые послевоенные годы началось увековечивание памяти о жертвах и героях Великой Отечественной войны. В последующие десятилетия эта работа продолжалась.

В 1960-е гг. устанавливались безымянные захоронения, места массовых расстрелов и казней. Стали регулярно проводиться массовые мероприятия, посвященные событиям военных лет. На заседании Щучинского РК КПБ 16 июня 1961 г. принято постановление: «Привести в порядок памятники, установленные в честь боевых подвигов советских людей, братские и индивидуальные могилы воинов и партизан, могил советских граждан в д. Зиняки. 22 июня 1961 г. в Щучине организовать массовое шествие к памятнику в городском сквере, возложение венков» [6, л. 38; 18, с. 192].

9 мая 1965 г. впервые за последние 20 лет в Москве состоялся парад Победы, а сам праздник объявлен выходным днем. 26 октября 1965 г. было создано Щучинское районное отделение Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры. Цель – привлечь широкую общественность к активному участию в охране памятников истории и культуры, повышение их роли в коммунистическом воспитании трудящихся. Был утвержден Оргкомитет в составе 9 человек, на который возлагалась задача по созданию отделения. Также бюро обязало все организации оказывать практическую помощь в создании первичных организаций Щучинского районного отделения [2, л. 101].

Процесс мемориализации был хаотичный, поскольку для воздвижения мемориала требуются не только финансы и материалы, но и сбор информации о событиях, какие происходили на территории района в период оккупации. В это время можно говорить о классификации памятников: мемориалы или братские могилы; памятники жертвам Холокоста; землякам; индивидуальные могилы; мемориалы сестрам Хатыни.

Наибольшее количество погибших составляли евреи. Для увековечения памяти о них были воздвигнуты в 1959 и 1965 гг. памятники жертвам фашизма в Желудке и Щучине [20, с. 771, 757; 21, с. 344–345, 335; 27, с. 268].

В Желудке накануне войны, по воспоминаниям Н. Г. Шифмановича, «были три школы с обучением на идиш, иврите и польском языке, две синагоги - старая и новая, свой раввин Сорочкин, отделения организаций «һа-Халуц» и «Бейтар» [28, с. 203]. Ещё один узник Желудокского гетто П. Левит-Бейрах вспоминал, что «накануне Второй мировой войны здесь проживало 2200 евреев» [13, с. 2]. Немцы 27 июня 1941 г. сожгли местечко, остались только окраины, а на ул. Трамвайной до ноября 1941 г. устроили гетто [12, с. 6; 28, с. 203]. Расправа над евреями наступила 9 мая 1942 г. в 10 часов утра. Её осуществляла зондеркоманада СС и литовские полицаи, под руководством штабслеймера Леопольда Виндиша и Рудольфа Вернера. Уничтожено от 1500 до 2000 человек – жители местечка, переселенцы из

Орли, Василишек и других окрестных сел. Тех, кто пытался бежать или спрятаться, убивали. По воспоминаниям Н. Г. Шифмановича, уцелел только мальчик Фишеле Зборовский, который выбрался из ямы и бежал, но потом снова попал к немцам» [28, с. 203; 13, с. 2; 29, с. 2; 30, с. 3]. Остался в живых 19-летний Шлеймеле, которого мать спрятала, заложив кирпичами в печи, – ночью он убежал, смог найти партизан, отважно воевал и погиб в одном из боёв [28, с. 203; 31, с. 61]. Судьба оставшихся трагична. 80 евреев были отправлены сначала в Щучинское гетто, а оттуда в 1943 г. в лагерь смерти Собибор. Оставшиеся 140 молодых людей отправили в концлагерь Скрибово, а затем в Лидское гетто. Оттуда лишь некоторые узники смогли бежать [12, с. 6; 13, с. 2].

В Щучине памятник на могиле жертв фашизма установили в память о 2180 зверски убитых евреях [20, с. 757; 21, с. 335]. Гетто было создано в сентябре 1941 г. Оно занимал южную часть города в районе современных ул. 17 Сентября и Общежития, частично перекрытые улицами Комсомольской и Фрунзе. Территория обнесена колючей проволокой. Кроме местных, сюда привозили евреев из Рожанки – всего 2500 человек. Охрану осуществляли полиция и комендант гетто Петухов [15, с. 126–127; 25, с. 191; 27, с. 268; 32, с. 241]. Согласно «Акту районной комиссии по расследованию преступлений, совершенных оккупантами в Шучинском районе», в гетто выдавали в сутки 150 граммов суррогатного хлеба [25, с. 190–191].

Судьба узников решилась 8-10 мая 1942 г. Тщательно спланированной акцией руководил штабслеймер Л. Виндиш. По приказу коменданта полиции Коцата и главы районной администрации Ижевского было убито от 2060 до 2180 человек. Как вспоминал узник Я. Мазовецкий: «Когда колонну завернули в сторону теперешней ул. Кирова, 500 трудоспособных и кто владеет ремеслом, отвели в сторону и уложили на землю лицом вниз. Остальных погнали за город к лесу к вырытой у кладбища яме в 3 на 40 м» [12, с. 6]. 17 сентября 1943 г. гитлеровцы погрузили оставшихся в живых в закрытые вагоны поезда и отправили в лагерь смерти. Выжило 13 евреев [15, с. 127–128, 130].

Сейчас на месте гетто располагаются дома местных жителей, а последнее пристанище тех 500 евреев, которых позже переправили в концлагеря, не увековечено: даже нет мемориальной доски, свидетельствующей о том, что здесь находилось место еврейской сегрегации [33, с. 111].

Помимо «окончательного решения еврейского вопроса», политика геноцида коснулась и мирного населения, что подтверждает трагедия Хатыни. За 10 лет до сооружения мемориального комплекса «Хатынь», на территории Щучинского района увековечили её «сестру» – д. Огородище. 26 февраля 1943 г. около 500 гитлеровцев окружили село. Всех жителей согнали в дом Матвея Саковича, мужчинам приказали копать яму.

Потом начали выводить по 10 человек и подгонять их. Деревня из 28 домов и 147 жителей была уничтожена, а существующая ныне могила жертв фашизма была мемориализована недалеко от д. Пагородня и Зуброво [20, с. 784; 21, с. 346; 34, с. 280; 35, с. 57].

Спустя 7 лет увековечили д. Шкленск. Небольшое село около дороги Гродно-Острино 18 июля 1943 г. было стерто с карты. На рассвете гитлеровские автоматчики окружили деревню и начали выгонять на улицу женщин, детей, стариков. Вместе с мертвыми в наспех вырытые ямы бросали раненых детей. Уничтожено 67 мирных жителей, 17 дворов сожжено. Урну с пеплом с места трагедии спустя 3 года передали мемориальному комплексу «Хатынь» [22].

Боевые действия на Щучинщине 11–13 июля 1944 г. унесли жизни немалого количества красноармейцев. Было важно увековечить их подвиг. С этой целью на территории района началось сооружение братских могил и мемориальных комплексов.

В 1957 г. в Желудке установлена скульптура воина на месте захоронения 36 воинов 19 стрелковой дивизии 50 армии 2 Белорусского фронта, погибших 12 июля 1944 г. при освобождении поселка, а также 26 партизан [21, с. 343–344]. Среди них летчик-истребитель П. М. Батырев. За время войны провел 52 воздушных боя, в которых сбил 5 самолетов. Летом 1944 г. заместитель командира по воздушно-стрелковой службе 163 истребительного авиаполка гвардии капитан П. М. Батырев доставил данные разведки об обороне противника, переправах на реках Проня, Днепр, Березина, эшелонах врага на ж/д Могилев-Орша, вражеской группировке, окруженной у Шклова. Совершил 330 боевых вылетов, пока не был сбит в июле 1944 г. За заслуги перед Родиной 23 февраля 1945 г. ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза [18, с. 192; 21, с. 344]. Ещё один мемориал в форме скульптурной композиции – воин и партизанка установили в 1958 г. в д. Зачепичи, где похоронены 2 советских воина и 30 партизан [20, с. 774; 21, с. 345]. В 1965 г. в д. Василишки на кладбище была установлена скульптура на братской могиле в честь 3 неизвестных погибших воинов [18, с. 191; 21, с. 339].

Наибольшее распространение в процессе мемориализации приобрели могилы землякам, которые являлись участниками войны. Первый монумент в честь партизан воздвигнут в 1951 г. у д. Шкленск [22]. На юго-западной окраине села Берщты в 1964 г. на месте базирования партизанского соединения был установлен обелиск [20, с. 761, 763] и памятник возле здания правления колхоза имени Ф. Э. Дзержинского в д. Волчко: в честь 50 земляков, погибших в годы войны [21, с. 340]. Еще в 3 деревнях соорудили 3 обелиска в 1965 г.: в Барташах – 14 землякам села и из д. Дубровляны, Заречье

и Поплаво [21, с. 338]; в д. Чапаевка – 10 землякам [21, с. 352]; в д. Щенец – 38 землякам [21, с. 354].

Как объект мемориализации можно выделить одиночные или семейные мемориалы в память их заслуг в годы войны, или внесших значимый вклад в развитие Щучинщины в послевоенные годы. Так, в 1951 г. в Острино установлен обелиск в честь Михалева М. В. – партизана и комиссара отряда имени Котовского бригады имени Ленинского комсомола, который работал с августа 1945 г. заместителем председателя Василишковского райисполкома и был убит 4 февраля 1948 г. членами постаковского подполья [20, с. 759; 21, с. 337]. Аналогичный мемориальный знак установили в 1963 г. у д. Пиловня на месте гибели партизана бригады имени Ленинского комсомола В. В. Александрова. Он погиб 15 декабря 1943 г. возле села, закрыв собой командира десантного партизанского отряда имени комсомола Беларуси А. Я. Андреева. Самого же героя перезахоронили 9 июля 1967 г. в д. Берштвы, где на средства бывших партизан, работников Щучинской автобазы, его сестры и сотрудников Берштовской школы был установлен памятник [20, с. 761; 21, с. 339, 351; 26, с. 55; 32, с. 217].

Мемориализация имела огромное значение в сохранении памяти о войне. В 1967 г. этот процесс стал массовым: практически в каждом селе и уголке Щучинщины были установлены памятники на братских могилах, землякам, жертвам геноцида.

Трагическая история происходила в местечке Василишки. Как только немцы 25 июня 1941 г. оккупировали местечко, по воспоминаниям С. Р. Полячака, сразу же создали гетто: «Были арестованы наиболее уважаемые жители, среди них бывший директор еврейской школы Штейн и его дочь. 16 из арестованных были расстреляны. Через несколько дней вдвое больше расстреляно, потом еще и еще...» [36, с. 2]. Спустя год после уничтожения евреев в Щучине и Желудке, утром 10 мая 1943 г. людей согнали на Школьную улицу. Затем раздалась команда приготовить документы и посемейно выходить из гетто. На выходе штабслеймер Л. Виндиш, бургомистр Василишек Шмигиро, некий чин из поселковой управы по фамилии Вашкевич, комендант полиции Ежевский. По обеим сторонам улицы стояли немцы с оружием на изготовке. Они стали отсчитывать по 10-30 человек и отгонять в сторону кладбища. Там раздевали, загоняли в яму и расстреливали [8, с. 102; 10, с. 291; 20, с. 765]. Это подтверждают документы: «Из числа евреев в Василишках 2150 человек за 3 дня убито 1800 человек, а остальных увезли в г. Лида» [4, л. 3]. Современные оценки и данные из акта Василишковской районной комиссии по установлению и расследованию злодеяний оккупантов увеличивают эту цифру до 2159 человек, расстрелянных за 2 дня: 10–11 мая. В зверствах принимали участие: войска «СС», т. н. «Зондергруппен», вызванные из Лиды [25, с. 193; 27, с. 248–249, 269; 31, с. 60]. Парадокс

памяти в том, что на созданном в 1967 г. обелиске написано: «советским гражданам», погибшим от рук фашистов – евреи не упоминаются [25, с. 205].

Были увековечены еще 2 сестры Хатыни: Якубовичи и Зиняки, на месте уничтожения которых установлены скульптура женщины в трауре и обелиск. Трагедия первого села произошла 22 декабря 1942 г., когда к дому Ивана Александровича Воробья палачи сгоняли стариков, женщин и детей. Из 27 сельчан, приговоренных к смертной казни, выжил только Михаил Кизель [20, с. 792; 21, с. 354; 34, с. 280; 35, с. 63]. О трагической судьбе д. Зиняки стало известно ещё во время войны из партизанской листовки: «К уничтоженным ранее вёскам 22 января 1944 г. добавилось новое чудовищное преступление немцев: они заживо сожгли вместе с постройками село Зиняки. Погибло более 400 человек» [7, л. 8].

800 солдат и офицеров Вермахта окружили деревню. Жителей согнали в две группы – женщин с детьми и мужчин. Сначала на глазах родителей расстреляли детей, потом мужчин согнали в гумно, женщин в другое, облили их бензином и подожгли. Погибли 419 жителей Зиняков, среди которых 68 детей, и 65 жителей других сел – 12 жителей деревни Сухари. Всего захватчики сожгли 82 дома и расстреляли 484 жителя [20, с. 774; 21, с. 346; 24, с. 280; 35, с. 63].

В райцентре был открыт на современной площади Свободы мемориал землякам. Его возвели в знак уважения памяти 1473 жителей района, отдавших жизнь на фронтах войны, 420 партизан и подпольщиков, 6503 мирных жителей, расстрелянных и замученных гитлеровцами, и 118 партийных и советских работников, погибших от рук врагов советской власти в послевоенные годы [20, с. 757]. Одновременно на ул. Красноармейская, 7, на здании райотдела милиции поставили мемориальную доску 4 сотрудникам, погибшим в борьбе с врагами советской власти в 1946–1948 гг. [21, с. 335–336].

Величественную скульптуру воина установили в д. Орля – в честь 46 воинов, погибших в боях с гитлеровцами в июне 1941 г. и при освобождении деревни в июле 1944 г. Тут же похоронено и 16 партизан, отдавших жизнь в боях с оккупантами в 1943–I944 г. [18, с. 191; 20, с. 784; 21, с. 350–351]. Схожий мемориал установили в Острино, где имеется могила советских воинов, партизан и партийно-советских активистов. Здесь захоронены 21 солдат 5 гвардейской кавалерийской дивизии имени Котовского 3 гвардейского кавалерийского корпуса, которые погибли в июле 1944 г. при освобождении посёлка, и 17 партизан, погибших в период оккупации. Среди них – командир отряда имени Ленинского комсомола Д. Панков, командир партизанской бригады имени Ленинского комсомола А. Станкевич. Именем последнего назвали улицу, где и установлен памятник [18, с. 190–191; 20, с. 759; 21, с. 336].

Памятники землякам установлены в д. Богуши возле дома культуры в память 26 борцов за свободу из колхоза имени Кирова [20, с. 763; 21, с. 338]. Валянчицы – 38 местным, погибшим в годы войны [20, с. 763; 21, с. 339]. В Василишках установили стелу с барельефным изображением женщины в трауре в память 13 земляков [20, с. 765; 21, с. 340]. В Великих Березовцах, возле правления колхоза «Советская Белоруссия», где похоронили воина, погибшего в 1944 г. при освобождении деревни, а также 44 павших земляков установили памятник [20, с. 768]. В Головачполье установлен обелиск в честь 8 жителей д. Старые Берники [20, с. 769]. В д. Громки, в 0,5 км к западу от села, установлена скульптура воина в честь двух неизвестных солдат и в память героев-односельчан [18, с. 192; 20, с. 770–771; 21, с. 340]. Демброво – на восточной окраине деревни, установили памятник в честь 62 жителей, погибших в боях с фашизмом [20, с. 771]. Евлаши – рядом со зданием клуба увековечены 7 земляков [21, с. 344]. В центре д. Залесна возведен памятник 11 жителям из совхоза «Протасовщина», погибших в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками [20, с. 774]. В д. Каменка возвели 2 монумента – памятник землякам возле здания конторы совхоза «Протасовщина», где похоронены 8 односельчан, и возле костела Святого Антония на могиле И. П. Земцова, который погиб в ходе перестрелки 21 сентября 1939 г. во время освободительного похода РККА в Западную Беларусь [21, с. 347; 32, с. 203]. Кобровцы – у дороги Острино-Берщты, в сквере увековечили память 14 земляков из колхоза имени Некрасова [20, с. 777]. В Крупово – 45 местных патриотов увековечены на северной окраине села [20, с. 778]. 7 жертв войны увековечены обелиском возле клуба д. Кулаши [20, с. 771]. 32 погибших воина похоронены недалеко от клуба в д. Липично [20, с. 779].

Ярким примером мужества молодежи в борьбе с врагом свидетельствует памятник ученикам в д. Ляцевичи, где захоронены 12 бывших учащихся школы, которые погибли на фронтах Великой Отечественной войны и в партизанской борьбе против немецко-фашистских захватчиков [21, с. 348]. В д. Лычковцы и Матюки возле правления колхозов имени Суворова и «Искра» установили обелиски в честь 15 и 11 земляков-патриотов соответственно [20, с. 779–780]. В центре Малинников возвели памятник 5 односельчанам [21, с. 348]. В Орле установлен обелиск 65 павшим землякам [18, с. 191; 20, с. 784; 21, с. 350–351]. Есть захоронения в д. Острово и Ошмяны. В первом возле клуба установили скульптуру воина в честь 52 участников войны, а в Ошмянах – 24 землякам у правления колхоза «40 лет Октября» [20, с. 766, 760; 21, с. 341, 338].

В июне 1967 г. завершилось проведение раскопок у д. Рожанка, на развилке дорог Мосты – Каменка – Вербилки, по итогам которых были обнаружены тела 3 неизвестных советских воинов, воинское обмундирование,

медаль «За отвагу» №17653, пистолет, часы, компас. Впоследствии установлено, что они погибли в ходе боев 26 июня 1941 г., защищая Рожанку, где и решено было увековечить их память в братской могиле [21, с. 351; 22].

15 погибших во время войны односельчан похоронены в братской могиле возле клуба д. Потока [20, с. 784; 21, с. 351]. В Скоржиках, на юго-восточной окраине, установлен обелиск неизвестным солдатам. 28 бойцов захоронили в сквере в центре деревни Скрибовцы. Особо выделяется д. Сороки, где возле правления колхоза «Неман» захоронены 96 земляков [20, с. 787; 21, с. 352]. 12 борцов с фашизмом были увековечены около 8-летней школы в Тысевшчине, в то время как на окраине Шейбаков – 19 земляков из колхоза имени Суворова, среди которых не только жители поселка, но и проживающие в окрестностях: Сброжки, Далиняны, Псярцы, Ходели, Каревичи [20, с. 791; 21, с. 353].

После войны немало жителей района погибли в результате террористических актов постаковского подполья. В ряде населенных пунктов района жертвам террора поставлены памятники. Как напоминание о тех годах – обелиск на могиле учителям-супругам Каминским, зверски убитым в июне 1947 г. в д. Большое Село [21, с. 342], а также мемориальная доска директору И. И. Илькевичу в д. Ходилони, погибшему в 1948 г. [21, с. 352].

Работы по мемориализации продолжалась и в последующие годы. В 1968 г., был воздвигнут памятник 18 землякам – участникам войны из д. Старовщина [20, с. 787; 22]. 1969 г. ознаменовался сооружением обелиска в Василишках в память о 33 жителях деревни, погибших в период оккупации [18, с. 191]. Такое же число жертв увековечили в Рожанке [20, с. 785; 21, с. 351; 22].

В честь 30-летия освобождения БССР от немецко-фашистских захватчиков в д. Зачепичи открыли мемориальный комплекс «Партизанская землянка», рядом с которым поставлен памятник на месте базирования в 1943–1944 гг. штаба партизанского соединения Щучинской зоны, которой руководил С. П. Шупеня. Комплекс является уникальным местом для всех, кто интересуется партизанским движением, напоминанием о том, что именно здесь, развернулось мощное партизанское сопротивление, к концу 1943 г. объединившее четыре бригады. Спустя 10 лет внутри комплекса был открыт музей «Народной славы». В нем насчитывается более 250 экспонатов основного и 120 вспомогательного фонда [20, с. 774; 21, с. 345–346; 22; 25, с. 249; 26, с. 48; 32, с. 211, 218].

Продолжалась работа и по сооружению памятников землякам. В 1975 г. в д. Первомайская возле исполкома сельсовета установили обелиск на братской могиле партизан и жертв фашизма. В этом месте захоронены 3 неизвестных партизана из отряда генерал-майора Ф. Ф. Капусты и 8 жителей, расстрелянных в 1943 г.: Альбертский В., Альбертская М., Яковлева, сын

Бартош, дочь Кристина, Кухарский И., Пашынская Т., Бушман А., Палтарацкая Е. [18, с. 191–192; 21, с. 351; 22]. Рядом воздвигнута величественная стела со звездой на вершине и барельефным изображением воина с автоматом. На трех мемориальных плитах выгравированы имена погибших. Вечный огонь, который горит постоянно, символизирует память о погибших [21, с. 340; 20, с. 761].

Не меньшее значение придавалась увековечению совместной борьбы с немецкими оккупантами представителей братских народов СССР. Примером этого является мемориализованная в 1976 г. могила Л. М. Квитковского, организатора польского партизанского отряда имени Ванды Василевской в д. Шинковцы [21, с. 354]. Его подпольное имя – Матвей Людвикович Марусик. Он прибыл на Щучинщину с группой партизан из Витебской области в 1943 г., возглавил межрайонный антифашистский комитет польских патриотов, вел агитацию и пропаганду среди местного польского населения. При его личном участии из граждан польской национальности был организован партизанский отряд имени Ванды Василевской. Погиб у д. Шинковцы незадолго до освобождения Щучинского района. 15 августа 1944 г. посмертно награжден орденом Красной Звезды [11, с. 287–288; 25, с. 228; 26, с. 58–59; 32, с. 218].

Помимо сооружения, значительное внимание уделялось модернизации памятников. В 1988 г. в д. Зиняки был сооружен обелиск, центральной фигурой которого была мать, держащая на руках ребенка [37, с. 3; 38, с. 114].

В 1989 г. стало известно еще об одном захоронении евреев в поселке Острино. Здесь с июня 1941 по ноябрь 1942 гг. находилось гетто, в котором гитлеровцы и полицаи замучили и расстреляли 1969 евреев, среди которых большинство составляли женщины и дети. Подробности происходящего стали известны на основании раскопок, когда на месте боев была обнаружена братская могила – 4 гроба с останками [22]. Также помогли показания, взятые 11 мая 1994 г. у В. Глембоцкого [9, с. 238; 27, с. 248, 268; 31, с. 59]. На месте гетто воздвигли памятник [27, с. 268; 39, с. 206].

Таким образом, за весь послевоенный период до распада СССР, на территории Щучинского района Гродненской области было сооружено значительное количество памятников, обелисков, мемориалов, мемориальных комплексов и обустроено индивидуальных могил, напоминающих о трагедии 1941–1945 гг. и трудностях послевоенного лихолетья. Сегодня они продолжают существовать. Органы власти, общественность проявляют заботу об их сохранении. В дни государственных праздников – Дня Победы, освобождения Беларуси от немецких оккупантов, освобождения тех или иных населенных пунктов, а также 22 июня – день начала Великой Отечественной войны – у мест памяти проходят митинги. Каждое новое поколение благо-

даря мемориализации памяти о войне с болью в сердце переживает трагедию сожженных деревень, уничтожения мирных жителей, отдавая дань уважения тем, кто погиб во имя сегодняшнего мирного дня.

Источники и литература

1. Государственный архив общественных объединений Гродненской области (ГАООГО) – Ф. 10. Оп. 1. Д. 3.
2. ГАООГО – Ф. 10. Оп. 31. Д. 7.
3. ГАООГО – Ф. 7. Оп. 1. Д. 20.
4. ГАООГО – Ф. 7. Оп. 1. Д. 7.
5. ГАООГО. – Ф. 10. Оп. 1. Д. 30.
6. ГАООГО. – Ф. 10. Оп. 26. Д. 4.
7. Государственный архив Гродненской области. – Ф. 758. Оп. 1. Д. 4.
8. Геноцид белорусского народа = Genocide of the Belarusian people : информационно-аналитические материалы и документы. – Минск : Беларусь, 2022. – 175 с.
9. Хатынская Стена памяти: документы и материалы. – Минск : Беларусь, 2016. – 377 с.
10. Преступления немецко-фашистских оккупантов в 1941–1944: документы и материалы. – Минск : Беларусь, 1965. – 464 с.
11. В Принеманских лесах. Воспоминания партизан и подпольщиков. – Минск : Беларусь, 1975. – 320 с.
12. Касперчук, С. Помнить, чтобы понимать / С. Касперчук // Дзянніца. – 2022. – 7 мая. – С. 6.
13. Рыгаровіч, В. У маі сорак другога / В. Рыгаровіч // Дзянніца. – 15 жнів. – 1998. – С. 2.
14. Розмысл, Е. В. Мемориализация памяти о Великой Отечественной войне в Щучинском районе Гродненской области (1944–1970) / Е. В. Розмысл // 33 Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов ; сост. А. А. Галковская, под общ. ред. Е.А. Достанко. Вып. 33. – Минск, 2025. – С. 41–43.
15. Донских, С. В. Щучин: локальная история в контексте региональных процессов / С. В. Донских. – Минск : Четыре четверти, 2019. – 332 с.
16. Розмысл, Е. В. Военные мероприятия Щучинского райкома КП(б)Б по обеспечению безопасности в районе (июль-октябрь 1944 г.) / Е. В. Розмысл; науч. рук. Э. С. Ярмусик // Социально-гуманитарные науки в профессиональном становлении педагога : материалы VII Междунар. студ. науч.-практ. онлайн конференции, Минск, 19 апр. 2022 г. – Минск : БГПУ, 2022. – С. 158.
17. Розмысл, Е. В. Восстановительные работы в Щучинском районе после освобождения от немецких оккупантов (июль 1944 – январь 1945 гг.)

/ Е. В. Розмысл; науч. рук. Э. С. Ярмусик // FIKIT_SCIENCE : сб. материалов IV Студ. науч. форума фак. истории, коммуникации и туризма ГрГУ им. Янки Купалы, Гродно, 19–20 апреля 2022 г. / ГрГУ им. Янки Купалы ; гл. ред. В. А. Белозорович ; редкол.: В. А. Белозорович [и др.]. – Гродно : ГрГУ им. Янки Купалы, 2022. – С. 192–194.

18. Венскович, Е. В. Создание братских могил и установка памятников на территории Щучинского района / Е. В. Венскович ; науч. рук. А. Н. Загидулин // Гадавік студэнцкага навукова-даследчага гуртка "НіКа". Том 7 / Установа адукацыі "Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы”; рэдкал.: А. С. Горны, Я. М. Мацута. – Гродна : ЮрСаПрынт, 2023. – С. 189–192.

19. Венскович, Е. В. Увековечивание памяти Великой Отечественной войны на территории Щучинского района по материалам ГАООГО / Е. В. Венскович ; науч. рук. А. Н. Загидулин // FIKIT_SCIENCE : сб. материалов V Студ. науч. форума фак. истории, коммуникации и туризма ГрГУ им. Янки Купалы, Гродно, 18-19 апреля 2023 г. / ГрГУ им. Янки Купалы ; гл. ред. В. А. Белозорович ; редкол.: В. А. Белозорович [и др.]. – Гродно : ГрГУ им. Янки Купалы, 2023. – С. 249–250.

20. Помнікі Гродзенскай вобласці: у 2 т. – Мінск : Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору АН БССР, 1982. – Т. 2. – 804 с.

21. Збор помнікаў гісторыі культуры Беларусі : Гродзенская вобласць. – Мінск : БелСЭ імя П. Броўкі, 1986. – 360 с.

22. Ваша слава ўстане абеліскам... Віртуальны музей памяці падзеяў Вялікай Айчыннай вайны на Шчучыншчыне // darogami-wajny.blogspot.com. URL : https://darogami-wajny.blogspot.com/?m=0. (дата звароту : 22.01.2025).

23. Розмысл, Е. В. Первые мероприятия по увековечению памяти о Великой Отечественной войне в Щучинском районе / Е. В. Розмысл // Охрана и популяризация культурного наследия: мировой и отечественный опыт: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Году мира и созидания, Витебск, 26–27 октября 2023 г. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2023. – С. 213.

24. Васько, А. Камсамольска-маладзежнае падполле у заходніх абласцях Беларусі у пачатку Вялікай Айчыннай вайны / А. Васько // Народная асвета. – 1979. – № 9. – С. 12.

25. Памяць : Гіст.-дакум. хроніка Шчучынскага раёна. – Мінск : БелЭн, 2001. – 592 с.

26. Крень, П. И. Щучин: Историко-экономический очерк / П. И. Крень, Я. Н. Мараш. – Минск : Полымя, 1989. – 119 с.

27. Ботвинник, М. Памятники геноцида евреев Белоруссии / М. Ботвинник. – Минск : Беларуская навука, 2000. – 326 с.

28. Смиловицкий, Л. Катастрофа евреев в Белоруссии 1941–1944 гг. / Л. Смиловицкий. – Тель-Авив : Библиотека Матвея Черного, 2000. – 432 с.

29. Каспярчук, С. Гэта не павінна паўтарыцца / С. Каспярчук // Дзянніца. – 15 жнів. – 1998. – С. 2.

30. Юрьевіч, В. Яны гэтай памяці верныя / В. Юрьевіч // Дзянніца. – 9 мая. – 1995. – С. 3.

31. Розмысл, Е. В. Страницы Холокоста в Щучинском районе Гродненщины / Е. В. Розмысл // XVIII Областные Гродненские чтения "Геноцид белорусского народа" [Электронный ресурс]: сб. материалов / ГУК "Гродненская областная научная библиотека им. Е. Ф. Карского”; сост. Е. В. Кучинская. – Гродно : Гродненская областная научная библиотека им. Е. Ф. Карского, 2023. – С. 59–61.

32. Данскіх, С. У. Наш Шчучын / С. У. Данскіх. – Гродна, 2001. – 207 с.

33. Венскович, Е. В. Увековечивание памяти жертв немецко-фашистских захватчиков в Щучинском районе / Е. В. Венскович ; науч. рук. А. Н. Загидулин // Гадавік студэнцкага навукова-даследчага гуртка “НіКа”. Том 6 / Установа адукацыі "Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы" ; рэдкал.: А. С. Горны, Я. М. Мацута. – Гродна : ЮрСаПрынт, 2022. – С. 111.

34. Стацкая, В. Р. Сестры Хатыни / В. Р. Стацкая // Агрономия. Защита растений. Зоотехния. Ветеринария. Общественные науки: Материалы XIV международной студенческой научной конференции (Гродно, 16 мая, 6 июня 2013 г.). – Гродно : ГГАУ, 2013. – С. 280.

35. Шчучыншчына : карані і крона. – Мінск : Звязда, 2015. – 168 с.

36. Уладзімірава, А. Гэта трэба жывым / А. Уладзімірава // Дзянніца. – 8 мая. – 1998. – С. 2.

37. Касперчук, С. Трагедия деревни Зиняки: в нашей памяти навечно / С. Касперчук // Дзянніца. – 2019. – 8 мая. – С. 3.

38. Венскович, Е. В. Увековечивание памяти сожжённых деревень Щучинского района в годы Великой Отечественной войны / Е. В. Венскович ; науч. рук. А. Н. Загидулин // Гадавік студэнцкага навукова-даследчага гуртка “НіКа”. Том 6 / Установа адукацыі "Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы”; рэдкал.: А. С. Горны, Я. М. Мацута. – Гродна : ЮрСаПрынт, 2022. – С. 114.

39. Венскович, Е. В. Увековечивание памяти жертв немецко-фашистских захватчиков в Щучинском районе / Е. В. Венскович ; науч. рук. А. Н. Загидулин // Гадавік студэнцкага навукова-даследчага гуртка “НіКа”. Том 5: [зборнік навуковых артыкулаў] / Установа адукацыі "Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы”; рэдкал.: А. С. Горны, К. Д. Ананька. – Гродна : ЮрСаПрынт, 2021. – С. 206.

Да зместу

ВЫХАВАННЕ, АДУКАЦЫЯ, КРАЯЗНАЎСТВА

УДК 821.161.3-1*М.Гусоўскі:37.017.4

Я. Д. Алейнікаў
Гомель, Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны

ПАЭМА МІКОЛЫ ГУСОЎСКАГА "ПЕСНЯ ПРА ЗУБРА" ЯК СРОДАК ПАТРЫЯТЫЧНАГА ВЫХАВАННЯ

Артыкул прысвечаны паэме Міколы Гусоўскага "Песня пра зубра" як сродку патрыятычнага выхавання. У даследаванні аўтар даў адказ на пытанне, якім чынам твор М. Гусоўскага можа спрыяць узмацненню беларускай нацыянальнай самасвядомасці і выпрацоўцы пачуцця гонару за сваю дзяржаву праз прыведзеныя ў ім як пакутныя, так і шчаслівыя старонкі нашай багатай і няпростай гісторыі. Тым самым дадзеная работа дэманструе актуальнасць паэмы і неабходнасць звароту да яе з пункту гледжання педагагічнай дзейнасці.

Ключавыя словы: Гусоўскі, паэма, патрыятызм, выхаванне, культурная спадчына, прырода.

The article is dedicated to «The song about the bison» poem by Micola Husouski as a source of patriotic education. In the present study the author gives the answer to the question how the M. Husouski's work can contribute to the development of Belarusian national identity and the feeling of national pride for the country by showing through its pages tragic and glorious moments of our rich but troubled history. Thus, this paper demonstrates the topicality of the poem and the necessity of making use of it from the pedagogical point of studies.

Keywords: Gusovsky, poem, patriotism, upbringing, cultural heritage, nature.

Паэма М. Гусоўскага «Песня пра зубра» («Carmen de bisontis») альбо «Песня пра выгляд, лютасць зубра і палявання на яго» («Carmen de statura, feritate ac venatione bisontis») была напісана на лацінскай мове ў 1522 г. Праз год яна была надрукавана ў кракаўскай тыпаграфіі Гіераніма Віетора [1, с. 74–77]. Першым адрасатам твора быў Рымскі Папа Леў X. Пачуўшы расказ пра «паляванні на Поўначы», ён пераканаў кіраўніка польска-літоўскай амбасады плоцкага біскупа Эразма Вітэлія (Цёлака) прывезці ў Рым чучала зубра, званага у лацінскай мове бізонам (bison). У дадатак Эразм Цёлак загадаў свайму дарадчыку М. Гусоўскаму напісаць «што-небудзь аб прыродзе і паляванні на звера». Аднак да завяршэння напісання твора Рымскі Папа не дажыў. Новым адрасатам стала каралева польская і вялікая княгіня літоўская Бона Сфорца. Прысвячэнне Боне Сфорцы служыць прэамбулай да паэмы [5, с. 49–55]. Паэма уключана ў школьную праграму па беларускай літаратуры ў 9 класе і ў курс гісторыі Беларусі за 7 клас. На нашую думку, гэта апраўдана тым, што твор у мастацкай форме змяшчае вялікую

колькасць матэрыяла пра эканамічнае, гаспадарчае, канфесійнае, ваеннае і навуковае жыццё нашага краю ў першай палове XVI ст. Дадзенае сцверджанне будзе доказана надалей у артыкуле.

Сучаснаму чытачу паэма М. Гусоўскага даступна ў перакладзе Я. Семяжона і У. Шатона. Пераклад У. Шатона больш дакладна адпавядае зместу і паэтычнаму рытму арыгінала [4, с. 108].

Сама мова паэмы – лацінская – у вывучаемы перыяд мела статус мовы міжнародных зносін і з'яўлялася носьбітам ведаў і дасягненняў антычнай і сярэднявечнай навукі. Тым самым яна дэманструе далучанасць ВКЛ да культурнай і асветніцкай прасторы еўрапейскага кантыненту. Звернем увагу і на тое, што першасным адрасатам твора быў сам глава каталіцкай царквы. Польска-літоўская амбасада да Пантыфіка прыбывала ў Рыме ў 1518–1522 гг. Яе мэтай было дабіцца спрыяння Льва X ў справе фарміравання агульнаеўрапейскай антыасманскай кааліцыі [1, с. 74]. Калі звярнуцца да тэксту паэмы, можна даведацца, што паслы нараўне з прадстаўнікамі Льва X і самім святаром бавілі час, назіраючы за карыдай:

Жорсткая бойка ішла між быкамі й людзьмі на арэне:
Торгала ў цела жывёл коп'яў асцё і быкі
З гневам, які нарастаў ад новых балючых удараў,
Порсткіх ганялі мужоў, носячы смерць на рагах (пераклад У. Шатона).

Сам творца заўважае падабенства паміж паляваннем на зубра і італьянскай карыдай. Аб гэтым ён расказвае сваім замежным калегам, у дачыненне да якіх у тэксце паэмы аўтар выкарыстоўвае фармулёўку «сябры мае». Што сведчыць аб павазе і роўнасці паміж двума бакамі перагаворнага працэсу [7, с. 9].

У звароце да Боны Сфорцы, дзе аўтар дае характарыстыку літоўскім ваярам, М. Гусоўскі адзначае, што літоўскія мужныя ратнікі «не падвядуць як справа дойдзе да зброі», але патрэбна і мудрае і абачлівае дзяржаўнае кіраўніцтва. Такім чынам для абароны дзяржаўных інтарэсаў неабходны аб'яднаныя дзеянні войска і ўсяго насельніцтва. Толькі разам, у згодзе і міры, мы можам супрацьстаяць знешняй небяспецы, якая ў кантэксце паэмы прадстаўлены ўсходняй навалай асманскага войска і яго сатэлітаў – крымскіх татар [5, с. 51–52].

У дадатак Гусоўскі паказвае, што паляванне на небяспечнага звера патрабавала значных фізічных высілкаў, смеласці і вынаходлівасці, планавання, работы ў камандзе і асабістай ініцыятывы, таму было разам і "рыцарскай забавай", і добрай падрыхтоўкай да ваенных дзеянняў:

Лёс мой каню давяраў, кідаўся ў Дняпро мнагаводны,

Рэчак віры, калі звер знікнуць хацеў па вадзе.
Не ад таго, што прыгоды любіў, пагарджаў небяспекай:
Сорамна проста было ад хлопцаў адстаць (пераклад Я. Семяжона).

Як паказвае М. Гусоўскі, у войску ВКЛ прысутнічала пачуццё калектыўнай адказнасці, што, безумоўна, спрыяла кансалідацыі ваяроў і падвышала абараназдольнасць арміі. Дадзены прыклад можа дапамагчы педагогу сфарміраваць маральна-этычнае аблічча і развіць усеграмадзянскую ідэю патрыятызму і адданасці роднаму краю [5, с. 14].

Не меншую важнасць складае і навуковае жыццё нашага краю, у дачыненні да якога творца таксама пакінуў некалькі заўваг. Перш за ўсё М. Гусоўскі зазначыў пераемнасць кірылічнага алфавіту ад грэчаскай пісьмовасці, якая была прыстасавана нашымі продкамі да мясцовых гаворак і гукаў. Тым самым выкладчык можа прадэманстраваць сувязь паміж старажытнагрэчаскай мовай, мовай часоў Старажытнай Русі і дзяржаўнай мовай ВКЛ і беларускай кірыліцай.

Важна зазначыць, што на час напісання паэмы і лацінская мова не была зусім ужо чужой для Вялікага княства. Яна была не толькі мовай каталіцкай царквы, але таксама мовай адукацыі і навукі, другой дзяржаўнай мовай, на якой ажыццяўляліся дыпламатычныя стасункі з Папскім пасадам і краінамі Заходняй Еўропы. У сваім творы паэт звяртаецца да лацінамоўных апісанняў зуброў, дадзеных такімі гісторыкамі, як Пліній Старэйшы у «Натуральнай гісторыі» і Павел Дыякан у «Гісторыі лангабардаў» [3, с. 21–23].

Паэма дае інфармацыю і пра эканамічнае развіццё дзяржавы. У паэме звяртаецца ўвага на ўрадлівасць нашых палёў, на багацце айчынных пушчаў і лясоў, якія захоўваюць у сабе скарбы ў выглядзе ягад, жывіцы, дзёгцю, драўніны, мёду, воску, дзікіх жывёлін і птушак. Сярод птушак найбольшую каштоўнасць мелі «пеўні, якіх апісаў яшчэ Пліній», – глушцы, што пладзіліся ў неверагоднай колькасці і мяса каторых, на думку тагачасных ліцвінаў, прыносіла двайную спажыву: «страўніку – ежу, а глузду – і кемнасць, і мудрасць». У дадатак М. Гусоўскі дае падрабязную характарыстыку дрэваапрацоўчай вытворчасці. Так, напрыклад, дуб ішоў на шалёўку, сосны выкарыстоўваліся дзеля вытворчасці стваловў, брусcяў і крокваў, а таксама на іх ладзілі вуллі для дзікіх пчол. У сувязі з гэтым можна правесці цудоўную павучальную гістарычную паралель, зазначыўшы шматвяковую традыцыю развіцця якаснай дрэваапрацоўчай галіны на тэрыторыі Беларусі. Таксама ў творы прысутнічаюць звесткі пра беларускае бортніцтва, уключанае ў 2020 г. у спіс нематэрыяльнай культурнай спадчыны ЮНЕСКА. Наступным чынам творца апісвае збор мёду дзікіх пчол:

Бортнікі нашы на стаўках – разлабістых соснах –
Ставяць вуллі, а часам і ў дрэве пад верхам,
Выдзеўбуць долатам борці і лётвы прыладзяць,
Восі і стаяк-каранёк для залётнага рою (пераклад Я. Семяжона).

Завяршыць апісанне прыродна-эканамічнага багацця хочацца воднымі абшарамі. М. Гусоўскі адзначае, што асноўным транспартам паміж землямі ВКЛ з’яўляўся плыт, што рэкі яго радзімы былі поўныя рыбы, якая лавілася нават у лужынах [6, с. 25–26]. Падобную сітуацыю з рыбнымі рэсурсамі падае Міхалон Літвін у сваім трактаце «Аб норавах татар, літоўцаў і маскавіцян». Па яго звестках, у тыя часы каля вусця рачулцы Туры (сучасная назва Прудок), што цячэ бліз Мазыра, у пачатку сакавіка вадзілася так багата рыбы, што калі ўкінуць дзіду ў ваду, то яно застанецца стаяць там [2, с. 97].

Таксама паэма дае багатыя звесткі пра геапалітычнае становішча Вялікага княства. Паэт адзначае, што на тэрыторыі ВКЛ бушаваў «войнаў бясконцых віхор». З адно боку ціснула асмана-крымская кааліцыя, апанаваная прагай знішчыць хрысціянскіх вернікаў, рабуючая замкі, гарады, селішчы, святыя мясціны, рэжучы людзей і чынячы над імі страшэнны гвалт. На жаль, як адзначаў Гусоўскі, суседняя хрысціянская дзяржава замест дапамогі ў барацьбе з татарамі сама нападала на землі Вялікага княства:

Вось каб суседні народ, Хрыстове веры такой жа,
З боку другога не грыз, не рабаваў, не паліў.
Мае працяглы спакой, абаронены высілкам нашым,
Пнецца з вайною аднак, згубы жадаючы нам,
Не дапамог, а з’яднаў крыважэрнага ворага сілы,
Нават яму паспрыяць радай зычлівай гатоў (пераклад У. Шатона).

Адмоўнае стаўленне М. Гусоўскага да Маскоўскай дзяржавы тлумачыцца тым, што паэма была напісана ў часы памежных войн з Маскоўскім княствам. Надалей аўтар прадракае, што ўсходнім суседзям таксама давядзецца сутыкнуцца з мусульманскімі ваярамі.

Незалежна ад веравызнання, ад палітычных поглядаў, ад матэрыяльнага становішча і культурнай схільнасці падчас набегаў крымскіх татар і маскоўскіх наскокаў гінулі мяшканцы нашых зямель. Кожная з гэтых ахвяр заслугоўвае на светлую і доўгую памяць, абавязак забеспячэння якой лажыцца на плечы беларусаў і іх нашчадкаў [7, с. 24–26].

Нягледзячы на прынесеную ворагамі шкоду, М. Гусоўскі ў сваёй малітве да Дзевы Марыі просіць не аб пакаранні недругаў, а аб усеагульным міры: *«Трэба, каб мір для жывых запанаваў на зямлі»*.

Тым самым магчыма пераканацца, што міралюбівасць беларускага народа мае сваё гістарычнае карэнне ў часах ВКЛ. Падобна М. Гусоўскаму, наш народ, ведаючы цяжкасць транзітнага месцазнаходжання, прызнае адзіную разнавіднасць вайны – абарончую. Вайны выключна на сваёй тэрыторыі і выключна за свае землі [7, с. 47–48].

Аднак падставы для развіцця патрыятызму М. Гусоўскі дае не толькі ў форме апісання агульных працэсаў, а і ў дакладных вобразах вядомых гістарычных дзеячаў. Напрыклад, Вітаўт ў вачах лірыка з'яўляўся надзвычайна добрым манархам, праслаўленым вайсковымі падзеямі. У дачыненне да Вітаўта выкарыстоўваюцца эпітэты «непераможны», «адважны», «магутны», адзначаецца знатнасць яго імя і барацьба князя за хрысціянскую веру. Таксама князю прыпісваецца вялікі аўтарытэт на міжнароднай арэне, заступніцтва і бязмежная ўлада над васаламі [3, с. 54–55].

Таксама М. Гусоўскі апісвае і сваіх сучаснікаў. Жыгімонта I Старога ён называе «воінам-бацькам». Згодна яго звесткам, Жыгімонт заўсёды першым бясстрашна кідаўся ў бой, пасля чаго да гаспадара далучалася і дружына. Манарх карыстаўся высокай папулярнасцю як сярод жыхароў ВКЛ, так і між мяшанцаў іншых еўрапейскіх краін [6, с. 38–39]. Узгадвае творца і каралеву Бону Сфорцу, прадстаўніцу «арагонскага дома». Само паходжанне каралевы польскай і вялікай княгіні літоўскай чарговы раз нам дэманструе звязанасць ВКЛ з Італіяй. У дадатак Бона прадстаўлена паэтам як гаспадыня, што зычыць росквіту Кароне і Княству, якая дбае і разважае пра дзяржаўныя справы, здольная паўплываць на кіраўніка дзяржавы. Асабліва яе М. Гусоўскі заклікае «да апякунства навукі і мастацтва» [5, с. 52–53].

Дадзеныя вобразы могуць служыць узорамі для пераймання, а паводзіны ўзгаданых асоб як ідэалы клопату пра нашую дзяржаву. Разглядадныя персаналіі дэманструюць, што і ў нашай гісторыі ёсць постаці, якімі мы можам і мусім захапляцца.

У завяршэнне пагаворым пра галоўны сімвал паэмы і адну з цэнтральных постацей беларускай прыроды – пра зубра. У паэме прысутнічаюць звесткі не толькі пра паляванне на гэтую магутную жывёліну, але і інфармацыя пра яе звычкі, у якіх заўважаюцца рысы беларускага народу. Падобна да зубра, беларус чыніць зло толькі ў выпадку абароны, падобна да зубрыхі, гатовы да смерці бараніць сваю сям'ю і дзяцей, падобнаму да таго, як зубры калісьці ўладарылі ў кожнай нашай пушчы, мы ўладарым на ўсёй нашай беларускай зямлі [3 с. 24–26]. У дадатак варта зазначыць, што такое сакральнае месца беларускай прыроды як Белавежская пушча, дзе захаваліся

еўрапейскія зубры, знаходзілася пад дзяржаўнай аховай ужо ў часы вялікіх князёў літоўскіх Вітаўта і Ягайлы [5, с. 170].

Робячы высновы з даследавання, можна адзначыць наступнае. Паэма М. Гусоўскага «Песня пра зубра» у руках вопытнага і таленавітага педагога можа з'яўляцца сапраўдным сродкам патрыятычнага выхавання. Як гісторыя стварэння твора, так і яго змест надае шмат матэрыялу аб старажытнасці і пераемнасці тых альбо іншых традыцый у сферы міжнародных, палітычных, сацыяльных, культурных і эканамічных зносін, якімі мы мусім ганарыцца. Перад вачыма чытача ўстаюць постаці айчыннай гісторыі, якія паўплывалі не толькі на развіццё нашай краіны, але і на лёс усяго еўрапейскага кантыненту і нават свету. Дзякуючы ім, мы больш дасканала адчуваем роднасць паміж "ліцвінамі" з паэмы М. Гусоўскага і іх нашчадкамі – сучаснымі беларусамі. Закончыць артыкул хочацца спрадвечна актуальнымі словамі творцы, заклікам да кожнага з нас:

Час патрабуе аднак падумаць над бедствам айчыны,
Як нам яе падтрымаць, як нам аднавіць яе моц (пераклад У. Шатона).

Крыніцы і літаратура

1. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі: у 6 т. / рэдкал. С. І. Санько [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 2008–2010, – Т. 2: Протарэнесанс і Адраджэнне / С. І. Санько [і інш.]. – 2010. – 840 с.

2. Матузова, В. И. Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян / В. И. Матузова. – Москва : Изд-во МГУ, 1994. – 151 с.

3. Мікола Гусоўскі. Песня пра зубра / Н. І. Тулупава [и др.] – Мінск: Маст. літ., 1981. – 141 с.

4. Пераклады паэмы Мікалая Гусоўскага «Песня пра зубра» на беларускую мову: материалы 64-й науч. конф. студентов и аспирантов / Белгосуниверситет; редкол.: А. Г. Захаров (отв. ред.) [и др.] – Минск : БГУ, 2007 – с. 403.

5. Песня пра зубра : на лацін., беларус., рус. мовах / Я. Семяжон [и др.] – Мн. : Маст. літ., 1980. – 192 с.

6. Семяжон, Я. Песня пра зубра / Я. Семяжон, А. М. Кашкурэвіч. – Мн. : Маст. літ., 2006. – 71 с.

7. Шатон, У. Гусоўскі Мікола. Песня пра зубра / У. Шатон, А. Жлутка. – Мн. : БГАКЦ, 1994. – 48 с.

Да зместу

УДК 009:37.018.2(476.7)

Д. А. Корунец
Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

ПОТЕНЦИАЛ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ В ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

В статье рассматривается потенциал использования историко-культурного и природного наследия Брестской области в воспитательных мероприятиях средней школы. Раскрытие темы происходит через перечисление наиболее подходящих для использования объектов историко-культурного наследия области, приводятся возможные области и стратегии его использования, а также перечисляются примеры воспитательных мероприятий, в которых возможно использование вышеперечисленных объектов.

Ключевые слова: наследие, воспитание, потенциал, мероприятие, школьное образование, Брестская область.

This article examines the potential of using the historical and cultural heritage of Brest region in educational activities of secondary schools. The topic is covered by listing the most suitable objects of the historical and cultural heritage of the region, possible areas and strategies of its use, as well as examples of educational activities in which it is possible to use the abovementioned objects.

Keywords: heritage, education, potential, event, school education, Brest region.

Одной из основных задач системы образования Республики Беларусь является воспитание учащихся, в том числе «формирование гражданственности, патриотизма и национального самосознания» [1], а также «формирование нравственной, эстетической и экологической культуры» [1]. Выполнение данных задач в рамках средней школы производится, чаще всего, в рамках воспитательных мероприятий различного формата, содержания и направленности. Зачастую, реализация данного вида воспитательной работы производится в рамках школы и классы. Тем не менее, подобные задачи также могут выполняться и выполняются в ходе экскурсий и других мероприятий туристско-краеведческой направленности.

Эффективность данного вида мероприятий заключается в непосредственном восприятии учащимися объектов историко-культурного наследия и позволяет не только вызвать интерес у детей, что является одним из ключевых факторов успешного достижения целей любого воспитательного мероприятия, но также обеспечить, по утверждению известного организатора туристско-краеведческой деятельности А. А. Остапец-Свешникова, «разумное сочетание воспитательной, образовательной и оздоровительной функций, которые заложены в самой природе этой деятельности… Именно они

дают возможность и укрепить здоровье ребят, и пробудить, расширить их кругозор, и одновременно построить на этом всю систему воспитательных воздействий, тесно связанную не только с природой, но и с окружающей социальной средой» [2]. Разумеется, подобное сочетание работает только в случае правильной организации со стороны учителя, однако, положительное впечатление и чувство восхищения остаются у детей от самого факта посещения и наблюдения объектов историко-культурного наследия.

Необходимо отметить, что чаще всего, при проведении подобного рода экскурсий выбираются только наиболее известные памятники историко-культурного наследия страны, такие как Мирский, Несвижский, Лидский замки, линия Сталина и другие. В Брестской области такими «мейнстримными» объектами являются Брестская крепость, Каменецкая вежа, Беловежская Пуща. Несомненно, подобная репутация является более чем заслуженной, однако, историко-культурное наследие как Беларуси в целом, так и Брестской области в частности, значительно обширнее, и многие объекты заслуживают более широкого внимания и использования. Указание таких объектов, а также возможные пути их использования в воспитательных мероприятиях будут предоставлены далее.

Объекты Брестской области, которые можно использовать для организации воспитательных мероприятий, в рамках данной работы будут условно разделены на следующие категории:

Памятники архитектуры – в данную категорию включаются шляхетские и дворянские усадьбы, религиозные строения, строения военного назначения и т. д.

Памятники нематериального наследия – в эту категорию внесены, например, традиции, обряды, праздники, культурные особенности и т. д.

Памятники природы – к этой категории относятся, например, деревья-великаны, природоохранные территории и т. д.

Первые две категории относятся к сфере историко-культурного наследия, последняя – природные объекты, значимые для общества. Такая градация позволяет систематизировать всё многообразие нашего наследия и выделить те ключевые черты, которые и позволяют использовать его в образовательных целях. Нельзя не отметить, что в рамках данной работы рассмотрена только небольшая часть историко-культурного наследия Брестской области. Автором были отобраны в качестве примеров наиболее интересные и недооцененные, по субъективному мнению, объекты.

Среди памятников архитектуры нельзя не отметить костёл Святой Троицы в д. Чернавчицы Брестского района, который находится всего в 18 км от г. Бреста. Сам по себе костёл обладает интересен не только своей историей, но, и своим архитектурным наследием. Данный храм – один из ярких примеров эклектики, т. е. «смешения» архитектурных стилей.

В строении данного костёла можно увидеть органичные «сочетания готической и ренессансной архитектуры» [3]. Эта особенность и является тем, что может быть использовано в рамках воспитательной работы, прежде всего, при воспитании эстетической культуры. Изучение различных архитектурных стилей, особенностей их взаимодействия и взаимопроникновения может расширить интерес учащихся к темам истории, искусства и архитектуры, способствовать формированию у их чувства прекрасного и архитектурного вкуса. Более того, подобная особенность костёла, а также тот факт, что он был в разное время и католическим и православным храмом, могут быть использованы для содействия формированию чувства единства и общности, и потребности в них.

Еще один архитектурный памятник представляет собой наследие, оставшееся на нашей территории со времен нахождения Западной Беларуси в составе Польши, и располагается на территории Ляховичского района. Данный памятник – укрепления, бетонные ДОТы, ДЗОТы и т. д. Их размещение на территории этого района обусловлено пограничным статусом данной местности. В отличие от Линии Сталина, которая широко известна и активно используется как в туристических, так и в воспитательных целях в то время, как данные укрепления практически неизвестны в широких кругах. При этом, интерес данных укреплений заключается не только в их исторической ценности, но и в архитектурной. Расположенные здесь польские ДОТы 1937–1939 гг. постройки представляют собой «поистине уникальные инженерные сооружения, которые демонстрируют принципиально иной уровень подхода к строительству долговременных огневых сооружений в 30-х годах прошлого столетия» [4]. Воспитательный же потенциал данного памятника истории и архитектуры заключается в возможности наглядно показать, как различные силы стремились подчинить себе Беларусь, и следы этих попыток остаются на нашей земле до сих пор. Главная идея, передаваемая в ходе посещения объекта, заключается в том, что подобные исторические не должны повторяться, народ должен быть един и готов защищать свою страну и свою независимость.

Из недооцененных памятников можно отметить сохранившиеся элементы «Геодезической дуги Струве» в Дрогичинском районе. Как известно, эта дуга представляет из себя «самый длинный в мире геодезический инструмент». Её протяженность – 2820 км. «Русско-Скандинавская дуга протянулась от Северного Ледовитого океана до реки Дунай» [5]. На территории Беларуси сохранилась 31 пункт данного геодезического инструмента, 5 из которых находятся в списке всемирного наследия ЮНЕСКО. Две из этих пяти точек расположены как раз на территории Дрогичинского района. Может возникнуть вопрос, каким образом можно использовать данные объекты в воспитательных мероприятиях? Приведу несколько примеров

возможных тематик: международное сотрудничество и участие Беларуси в этом сотрудничестве. Роль Беларуси в мировой науке и вклад нашей страны в неё. Сохранение исторической памяти и исторических памятников в нашей стране. Каждая из этих тем при должном раскрытии может сыграть важную роль в формировании чувства патриотизма.

Нельзя не затронуть нематериальное наследие, которое, как уже было сказано ранее, выражается в различных фестивалях, ритуалах, традициях и т.д. И, по мнению автора, одна из наиболее интересных подобных традиций на территории Брестской области – т.н. «братская свеча», которая проходит на территории Столинского района, в д. Лука. Сам обряд проходит следующим образом – ежегодно, в канун старого Нового года, жители деревню создают одну большую свечу, весом в 7–8 кг. и проводят с ней церковный молебен за удачу в наступающем году. Воспитательный потенциал данного мероприятия заключается в идеях преемственности традиций, единства, совместной работы и сохранения народной культуры.

Что касается природных памятников, которые значимы для нашего общества, то на территории Брестской области существует большое количество подобных объектов различного уровня. В рамках данной работы будет рассмотрено два из них – Прибужское Полесье и Споровский заказник.

Прибужское Полесье – во многом уникальный природный комплекс. Он расположен на самом юге Беларуси. Его интерес с природной точки зрения заключается в тех видах флоры и фауны, которые произрастают на этой территории. В частности, «…для папоротника чистоуста величавого Прибужское Полесье является единственным местом произрастания в Восточной Европе, а для щитолистника обыкновенного и мытника лесного – в Белорусском Полесье. В начале 1990-х годов отмечено новое для Беларуси древесное растение – омела австрийская». [6] Данный факт является хорошей основой для воспитательных мероприятий, посвященных разнообразию природы нашей Родины, бережному к ней отношению и охране окружающей среды. Более того, природная красота этого места позволяет вызвать у учащихся чувство восхищения нашей природой и способствовать развитию их эстетических чувств.

Наконец, очень интересным памятником природы является Споровский заказник, расположенный на территории четырёх районов области – Берёзовского, Дрогичинского, Ивацевичского и Ивановского. Интерес данная территория вызывает не только потому, что это одно из крупнейших сохранившихся болот в Беларуси, но и потому, что это «первая территория в Республике Беларусь, получившая международный статус охраны Рамсарского угодья и статус IBA (территория важная для птиц)» [7]. Что касается воспитательного потенциала Споровского заказника, то он выражается в тех же тематиках возможных мероприятий, что и для Прибужского Полесья.

Единственное, если в рамках Полесья было актуально использовать мероприятия, связанные с флорой, то в случае со Споровским заказником будет более верно использовать мероприятия, связанные с фауной, особенно с птицами. Вместе с тем, необходимо отметить, что данная территория важна и для сферы историко-культурного наследия, так как экосреда способствует сохранению традиционных народных промыслов и материальных объектов, связанных с ними.

Разумеется, данные примеры являются лишь частью обширного наследия Брестской области. Тем не менее, они представляют варианты объектов, которые могут использоваться в рамках воспитательной работы в средней школе. В этой связи наиболее эффективными будут являться мероприятия, направленные на личное изучение и восприятие учащимися данных объектов, а именно – экскурсии, обзорные и тематические, реальные или виртуальные. Более предпочтительными будут именно реальные экскурсии, дидактически подготовленные, настроенные на выполнение именно воспитательных задач. Виртуальные экскурсии также могут иметь место, однако их использование осложняется тем фактом, что в современном медианасыщенном мире виртуальное посещение несёт приносит учащимся намного меньше эмоций и тяжелее запоминается, что вносит свои коррективы в разработку и проведение данных мероприятий.

После проведения посещений и экскурсий, актуальным будет закрепление полученных эмоций, знаний и впечатлений с помощью воспитательных внеклассных мероприятий, таких как:

1. Вечер вопросов и ответов

«Комплексное мероприятие актуальной тематики (общественно - политические события, достижения науки, литературы и искусства, медицины, этические проблемы и т.д.). Вечер открывает ведущий. Он кратко говорит о теме, характере имеющихся вопросов, информирует о порядке ответов, представляет консультантов, задает вопросы, предварительно систематизируя их в определенном порядке. Когда вопросы исчерпаны, подводятся итоги» [8].

2. Викторина-поиск

«Мероприятие с элементами поиска ответов на занимательные вопросы» [8].

3. Выставка-игра

4. Выставка-презентация

5. День тематический

«Специально организованный комплекс мероприятий определенной тематики продолжительностью в один день» [8].

Таким образом, отмеченные в статье примеры показывают, что историко-культурное и природное наследие Брестской области, несмотря на то,

что весьма обширно и разнообразно, не в полной мере используется в различных воспитательных мероприятиях в средней школе. Как уже было отмечено в начале, чаще всего востребованы популярные объекты, тогда как остальные остаются недооцененными, хотя обладают огромным воспитательным потенциалом. Воспитание гражданина и формирование патриотических чувств – одна из ключевых задач системы образования, и использование наследия Брестской области – отличный инструмент в выполнении данной задачи.

Источники и литература

1. Кодекс Республики Беларусь об образовании. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk1100243 (дата обращения: 20.12.2024).

2. Фомин, В. П. Туристско-краеведческая деятельность как форма патриотического воспитания детей / В. П. Фомин // Вестник академии детско-юношеского туризма и краеведения. – 2014. – № 2. – С. 8–33.

3. Культовое зодчество Беларуси. Обзорная справка // Архивы Беларуси. – URL: https://archives.gov.by/home/tematicheskie-razrabotki-arhivnyh-dokumentov-i-bazy-dannyh/kultura-belarusi/kultovoe-zodchestvo-belarusi/obzornaya-spravka (дата обращения: 21.12.2024).

4. Доты и дзоты на территории Ляховичского района // Спорт и туризм Ляховичского района. – URL: https://sportturizm.lyahovichi.brest.by/доты-и-дзоты-на-территории-ляховичско/ (дата обращения: 21.12.2024).

5. Дуга Струве // Сайт Министерства иностранных дел. – URL: https://www.mfa.gov.by/mulateral/organization/list/unesco/fa15adf1b6a6ae77.html (дата обращения: 21.12.2024).

6. Прибужское Полесье. – URL: https://brpp.by (дата обращения: 22.12.2024).

7. Республиканский биологический заказник «Споровский». – URL: http://sporava.by (дата обращения: 22.12.2024).

8. Формы проведения внеклассных воспитательных мероприятий. – URL : https://infourok.ru/formi-provedeniya-vneklassnih-vospitatelnih-meropriyatiy-2573382.html (дата обращения : 23.12.2024).

Да зместу

УДК [725:908] (476)

Д. Г. Лавшук
Минск, Белорусский государственный университет
имени Максима Танка

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ С. Д. ШАБУНЕВСКОГО В КРАЕВЕДЧЕСКОЙ РАБОТЕ

В статье рассматривается возможности использования архитектурного наследия Станислава Шабуневского в краеведческой работе. Определяется роль С. Д. Шабуневского как автора городской застройки Гомеля в XIX – начале XX в. и делается вывод о целесообразности использования архитектурного наследия Шабуневского в рамках историко-культурного потенциала Гомеля.
Ключевые слова: С. Д. Шабуневский, архитектор, застройка, наследие, архитектурный проект, Гомель.

The article examines the possibilities of using Stanislav Shabunevsky's architectural heritage in local history work. The role of S.D. Shabunevsky as the author of the urban development of Gomel in the XIX - early XX century is determined and the conclusion is made about the expediency of using the architectural heritage of Shabunevsky within the framework of the historical and cultural potential of Gomel.
Keywords: S. D. Shabunevsky, architect, development, heritage, architectural project, Gomel.

Гомель является одним из самых древних городов Беларуси и обладает богатым историческим и культурным наследием. Оно включает в себя архитектурные памятники, музеи, исторические места и другие объекты. Однако, несмотря на потенциал региона, его использование в краеведческой работе еще не полностью разработано и систематизировано. Станислав Данилович Шабуневский на протяжении долгого времени занимал должность главного архитектора Гомеля. Застройка центральной улицы Румянцевской (ныне Советской) представляет собой результат работы архитектора и до сих пор служит украшением города. Шабуневский осуществил множество проектов и оказал значительное влияние на облик Гомеля. Архитектурное наследие Станислава Шабуневского имеет большое значение в краеведческой работе.

Станислав Данилович Шабуневский родился 2 декабря 1868 г. в д. Скородное Мозырского уезда Минской губернии (ныне Ельский район Гомельской области) [1, с. 350]. Начальное образование получил в Бобруйской четырехклассной мужской прогимназии, а затем продолжил обучение в знаменитой Слуцкой мужской классической гимназии, одном из старейших учебных заведений Беларуси. В 1891 г. он поступил в Петербургский императорский университет на отделение математики, после первого

курса перевелся в Институт гражданских инженеров, где готовили архитекторов. В 1896 г. окончил институт и получил направление на работу в Гомельское отделение Либаво-Роменской железной дороги в должности младшего инженера. С 1897 г. С. Шабуневский служил в Гомеле на должности городского архитектора.

После Октябрьской революции Станислав Данилович принял советскую власть и начал работать в должности инженера при Гомельском коммунальном отделе. Спустя некоторое время архитектор был обвинен в причастности к антисоветскому Стрекопытовскому восстанию. В апреле 1919 г. был осужден за участие нем и приговорен к общественному порицанию. В сентябре 1919 г. вступил в ряды Красной армии, где служил в военно-полевом строительстве. После возвращения в 1922 г. стал участником многих архитектурных проектов, в том числе и реставрации дворца Румянцевых-Паскевичей [2].

Шабуневский С. Д. работал инженером в Гомельской строительной организации «Полесстрой». В январе 1923 г. был назначен инспектором по строительству Гомельского губернского Совета народного хозяйства. 1 мая 1924 г. назначен губернским, а в 1927 г., после административного преобразования — окружным инженером [3].

С октября 1929 г. С. Д. Шабуневский работал начальником управления строительного контроля, а с 1 января по 21 февраля 1931 г. — при Гомельском горсовете. 21 февраля 1931 г. С. Д. Шабуневский был первый раз арестован, но через некоторое время освобождён. Второй раз арестован в 1937 г. Постановлением внесудебного органа осуждён и заключён в исправительно-трудовой лагерь на 10 лет (Медвежья Гора, Беломорканал), откуда не вернулся. С. Д. Шабуневский реабилитирован 20 октября 1989 г. Прокуратурой БССР согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по установлению справедливости в отношениях к жертвам репрессий, имевших место в период 1930–1940-х и начале 1950-х годов».

Архитектурное наследие Станислава Шабуневского условно можно разделить на два периода: дореволюционный и советский. Временные рамки дореволюционного периода творчества Шабуневского можно обозначить 1897–1915 гг. В это время архитектор создал большинство своих лучших проектов. Среди них были здания мужской классической гимназии, Орловского банка, дома врача Н. А. Александрова, Виленского банка, доходный дом Д. Е. Захарина, гинекологическая больница и т.д. Кроме проектирования новых зданий архитектор активно занимался реконструкцией, что сделало его незаменимым среди остальных зодчих. Многие здания дореволюционного периода сохранились и по сей день украшают улицы Гомеля. В связи с этим, архитектурное наследие Станислава Шабуневского

становится предметом краеведческой работы в Гомеле. Нами был разработан экскурсионный маршрут «Дореволюционный Гомель Станислава Шабуневского», который включает в себя наиболее яркие примеры дореволюционного творчества Станислава Шабуневского. Вышеупомянутый маршрут создает условия для реализации историко-культурного потенциала Гомеля в краеведческой и экскурсионной работе. Дает возможность по-новому взглянуть на улицы города, в особенности на застройку улицы Советской и определить роль Шабуневского как автора городской застройки города Гомеля первой половины XIX века. Главными экскурсионными объектами маршрута стали: мужская классическая гимназия, Орловский банк, дом врача Н. А. Александрова, Виленский банк, доходный дом Д. Е. Захарина, гинекологическая больница. Большинство зданий находятся в центре города на главной улице Гомеля – Советской.

Проект мужской классической гимназии в 1897 г. стал первым шагом в карьере архитектора Шабуневского. Именно поэтому здание сконструировано с особым вниманием к каждой детали внешнего и внутреннего убранства. Здание бывшей мужской гимназии (ныне – Белорусский государственный университета транспорта) радует глаз своей ажурностью и декоративностью. Гимназия стала самым крупным учебным заведением (1365 м^2) в дореволюционной Беларуси не только по масштабу, но и по архитектурной значимости. В двухэтажном здании П-образной формы располагались 13 учебных комнат, рисовальные классы, кабинеты для занятий по физике и естествознанию, а также актовый, танцевальный и гимнастические залы, учительские, кабинеты директора, инспектора, врача. Гимназия соответствовала техническим достижениям того времени: имела электрическое освещение, центральное паровое отопление, проточно-вытяжную вентиляцию, центральное водоснабжение и канализацию. Заказчик, князь Паскевич, был в восторге от мастерства Станислава Даниловича. Впоследствии семья князей Паскевичей ввела тесное сотрудничество с архитектором для благоустройства Гомеля [4, с. 33–35].

Известность и внимание к его персоне привлекала местную власть. Орловский банк был следующим объектом. В 1903 году на углу улиц Румянцевской и Ирининской (ныне – Советская и Ирининская) было возведено двухэтажное здание гомельского филиала Орловского коммерческого банка, который стал вторым крупным сооружением, построенным по проекту С. Шабуневского в Гомеле. Художественно-стилистический вид здания основывался на сочетании современных и исторических форм.

Уездный Гомель в конце XIX – нач. XX вв. по праву считался неофициальной банковской столицей белорусских земель. Именно здесь 1 мая 1870 г. начал работу Гомельский городской общественный банк, первый

собственно белорусский банк. Позже двери для клиентов распахнули Николаевский сельский банк, филиалы Минского и Орловского коммерческих банков, Виленского и Варшавского частных коммерческих банков, петербургских Северного и Русско-Азиатского банков, московского Соединенного банка.

Одним из первых частных заказов на проектирования здания поступил от уже знакомой семьи гомельских меценатов Паскевичей. Ирина Паскевич был известна своей заботой о городе и его жителях. В предреволюционное и послереволюционное время в Гомеле жили и работали замечательные специалисты – врачи Старовинский, Александров, Василевский, тот же Брук А.Я. и другие. Все они – воспитанники княгини Ирины Паскевич. Станислав Шабуневский со всей ответственностью отнесся к этому заказу. К одноэтажному квадратному в плане основного объёма со стороны двора примыкает небольшая хозяйственная пристройка. Композиция главного фасада, выходящая на красную линию застройки улицы, симметрична. Главный вход решён в виде прямоугольного крыльца, завершённого фигурным аттиком, который поддерживают 2 квадратных в сечении колонны. Плоскости колонн украшены лепным декором. Декоративные лепные детали отделывают и простенки между 6 высокими окнами, карнизные плоскости. На аттике – лепной фамильный вензель бывших владельцев дома, а также число «1903» - год постройки дома. Внутренняя планировка коридорная. Жилые помещения, приёмный покой, кабинет врача, процедурная располагались в основном объёме, в хозяйственной пристройке - кухня и жильё для прислуги. Ныне это дом гражданских обрядов, в котором проходят церемонии бракосочетания. Памятник архитектуры. Является объектом Государственного списка историко-культурных ценностей Республики Беларусь [4, с. 40–42].

Застройка Румянцевской улицы, особенно волновала архитектора, так как это было «лицо» города. Виленский банк гармонично вписался в общую композицию улицы. Для его возведения молодой архитектор выбрал участок в центре города на углу Румянцевской и Троицкой (ныне Советская и Крестьянская), напротив существовавшей в то время Троицкой церкви (1833). По откликам современников, здание Виленского банка не имело ни малейшего оттенка провинциализма и своим художественным обликом могло украсить любой столичный город. Здание Г-образное в плане, трехэтажное. Главным фасадом ориентирован на ул. Крестьянскую. Центральная часть фасада выдвинута ризалитом со входом. Фасады, которые выходят на ул. Крестьянскую и Советскую, разделены профилированным карнизным поясом на 2 яруса: нижний (1 -й этаж, в котором располагались конторские помещения) решен в виде цоколя, имеет рустованные простенки между прямоугольными оконными проемами; верхний объединяет 2-й и 3-й этажи, где

находились жилые комнаты. Реализация данного проекта показала умения и таланты Станислава Даниловича как главного городского архитектора Гомеля [6, с. 97–98].

Станислав Данилович был активным участником реконструкций. На Румянцевской улице был сконцентрирован весь торговый потенциал Гомеля. Каждый предприниматель старался заняться бизнесом и торговлей здесь, в центре Гомеля. Станислав Данилович прекрасно это понимал и хотел как можно лучше вписать быстрорастущие магазины и предприятия в архитектуру города. В 1906 г. он осуществил сложнейшую реконструкцию одно-двухэтажных жилых строений, в том числе доходного дома Д. Е. Захарина [6, с. 4]. Работа включала в себя изменение планировочной структуры первого этажа с расширением торговых и подсобных помещений гастрономического магазина (он был известен далеко за пределами Гомеля); повышение комфортности и увеличение дополнительной площади квартир; надстройку третьего этажа и, естественно, изменение облика жилого дома. На первом этаже были расширены помещения для магазина, надстроен третий этаж, в правой части дома был достроен целый фрагмент. В результате образовался непрерывный фронт капитальной многоэтажной застройки улицы Румянцевской.

Заключительным объектом экскурсионного маршрута и дореволюционного творчества Шабуневского стала женская гинекологическая больница и родильный дом. Комплекс гинекологической больницы состоял из двух корпусов: главного лечебного, строительство которого началось в 1912 г. и было закончено в 1914 г., и родильного приюта, который начали возводить в 1914 г. Здание родильного приюта двухэтажное, главным фасадом выходит на улицу Комиссарова и наряду с памятником деревянного зодчества XVIII в. – Ильинской церковью является важным градостроительным акцентом в этой части города. В свое время земельный участок возле дворцово-паркового ансамбля Румянцевых-Паскевичей под строительство и основные средства на возведение женской больницы выделила княгиня Ирина Ивановна Паскевич. С художественно-эстетической точки зрения наибольший интерес представляет главный лечебный корпус, решенный в виде трехэтажного объема, полезной площадью более 400 м^2. Наряду с ним Шабуневский создал проекты вспомогательных сооружений: инфекционного барака, кухни. прачечной, часовни с помещениями для анатомических вскрытий, жилой дом для главного врача, а также блок хозяйственных помещений (склады. саран, ледник и т. п.). В подвальной части основного лечебного корпуса была устроена котельная. В конце 1915 г. больница приняла первых пациентов. Функционально-планировочная схема лечебного комплекса была тщательно продумана, и до настоящего времени он успешно работает.

Советский период творчества Станислава Даниловича представляет огромный интерес для историков. Архитектурное наследие Шабуневского 1922–1937 гг. широко представлено жилыми постройками и общественными зданиями на улицах Гомеля. Особенно ценными для использования в краеведческой работе здания: дворец культуры железнодорожников, дом-коммуна, «круглый серый дом», жилой дом по проспекту Ленина, 31, жилой дом на ул. Кирова. Эти архитектурные проекты найдут свое отражение в будущих экскурсионно-краеведческих маршрутах и т. п. [7, с. 25].

Таким образом, мы можем сделать некоторые выводы о возможности использования архитектурного наследия Станислава Шабуневского в краеведческой работе. Архитектурное наследие Шабуневского представлено 23 зданиями, сохранившимися на сегодняшний день. Все здания имеют статус историко-культурной ценности. Больший интерес составляют проекты дореволюционного периода, которые и были включены в разработанный экскурсионно-краеведческий маршрут. «Дореволюционный Гомель Станислава Шабуневского» дает обзор на одни из лучших работ зодчего, описывает историю создания и архитектурные особенности, городской застройки Гомеля в XIX в. На основании этого мы можем говорить о разумности использования архитектурного наследия С. Д. Шабуневского в краеведческой работе в гомельском регионе.

Источники и литература

1. Шабунеўскі Станіслаў Данілавіч // Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / Бел. Энцыкл. ; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн. : , 2003. – Т. 17. – С. 355.

2. «Преданному сотруднику на память от С. Шабуневского» // Правда Гомель : новост. портал. – URL: https://gp.by/novosti/kultura/news42423.html (дата обращения: 06.09.2024).

3. Пригодич, Н. Возвращение честного имени / Н. Пригодич // Правда Гомель : новост. портал. – URL: https://gp.by/novosti/general/news26107.html (дата обращения: 14.10.2024).

4. Чернатов, В. М. Станислав Шабуневский / В. М. Чернатов. – Мн. : Беларусь, 2005. – 94 с.

5. Лавшук, Д. Г. Городская застройка улицы Советской г. Гомеля в конце XIX – начале XX века. Архитектурное наследие С. Д. Шабуневского / Д. Г. Лавшук // Социально-гуманитарные науки в профессиональном становлении педагога : материалы IX Междунар. студен. науч.-практ. конференции, Минск, 2 апр. 2024 г. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка ; редкол.: С. Н. Феклистова [и др.] ; С. П. Шупляк (отв. ред.). – Мн. : БГПУ, 2024. – С. 97–102.

6. Береснева, Т. Архитектору архитекторово / Т. Береснева // Гомельская праўда. – 2013. – 29 чэрв. – С. 4.

7. Литвинова, Т. Беспрерывно служил, проектировал и строил / Т. Литвинова // Гомельская праўда. – 2018. – 31 мая. – С. 25.

Да зместу